ОТ ДОКЛАССОВЫХ ОБЩЕСТВ К РАННЕКЛАССОВЫМ

‹НАУКА›

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ОТ ДОКЛАССОВЫХ ОБЩЕСТВ К РАННЕКЛАССОВЫМ

Ответственный редактор
академик Б. А. РЫБАКОВ

МОСКВА
«НАУКА»
1987

Книга посвящена методологическим проблемам перехода от доклассовых обществ к классовым. В статьях рассматриваются вопросы, связанные с анализом становления государственности, выясняются экономические и социальные факторы, ведущие к сложению классового общества, общие закономерности этого процесса и конкретные пути его реализации в различных географических районах Земного шара. Ряд статей посвящен проблемам возникновения древних городов и связи этого процесса с процессом становления и развития классового общества и государства.

Рецензенты:
В. В. КРОПОТКИН, Н. Я. МЕРПЕРТ

ОТ ДОКЛАССОВЫХ ОБЩЕСТВ К РАННЕКЛАССОВЫМ

Утверждено к печати Ордена Трудового Красного Знамени Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства **Г. В. Моисеенко.** Художник **О. В. Камаев**
Художественный редактор **Г. П. Валлас**
Технические редакторы **И. Н. Жмуркина, Т. А. Калинина**
Корректоры **Т. С. Козлова, Л. И. Левашова**

ИБ № 32120

Сдано в набор 19.06.86. Подписано к печати 22.10.86. Т-13898. Формат $84\times108^{1}/_{32}$ Бумага офсетная № 2. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 13,65. Уч.-изд. л. 16,2. Тираж 1950 экз. Тип. зак. 554. Цена 2 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Ззамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7 Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

О $\frac{0507000000\text{-}86\text{-}421}{042(02)\text{-}86}$ 41-87 — I

© Издательство «Наука», 1987 г.

Ю. Н. Захарук

ВЫДАЮЩЕЕСЯ ПРОИЗВЕДЕНИЕ МАРКСИЗМА И ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

(к 100-летию работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»)

Труд Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» В. И. Ленин по праву высоко оценивал как «одно из основных сочинений современного социализма» [1]. Именно марксизму человечество обязано материалистическим пониманием истории, которое указало «путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса» [2]. Не случайно, что уже в первом совместном произведении К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология» концепции материалистического понимания истории было уделено особое место. Труд Ф. Энгельса явился дальнейшим творческим развитием диалектико-материалистической концепции истории.

Важное значение для материалистического понимания истории имели исследования прогрессивного американского этнографа, археолога и историка первобытного общества Л. Г. Моргана, опубликованные в 1877 г. в его книге «Древнее общество». Естественно, что эта работа Л. Г. Моргана не могла остаться не замеченной К. Марксом и Ф. Энгельсом, постоянно проявлявшими особый интерес к актуальным проблемам истории. Книга Л. Г. Моргана представляла для К. Маркса и Ф. Энгельса тем больший интерес, что она, с одной стороны, касалась наименее изученного в то время периода истории — первобытного, а с другой, как отмечал Ф. Энгельс, Л. Г. Морган «в Америке по-своему вновь открыл материалистическое понимание истории, открытое Марксом. . .» [3]. К. Маркс

тщательно конспектирует книгу Л. Г. Моргана [4], намереваясь изложить результаты его исследований и оценить ее в свете материалистического понимания истории. Целиком поглощенному главным трудом своей жизни, «Капиталом», К. Марксу не представилась возможность осуществить свое намерение. Осуществил его Ф. Энгельс. «Великая заслуга Л. Г. Моргана, — по словам Ф. Энгельса, — состоит в том, что он открыл и восстановил в главных чертах эту доисторическую основу нашей писаной истории и в родовых связях североамериканских индейцев нашел ключ к важнейшим, доселе неразрешимым загадкам древней греческой, римской и германской истории» [5]. Он обосновал учение о развитии рода как основной формы первобытнообщинного строя. Это учение, как отметил Ф. Энгельс, «имеет для первобытной истории такое же значение, как теория развития Дарвина для биологии и как теория прибавочной стоимости Маркса для политической экономии» [6]. Данный в работе Л. Г. Моргана набросок истории семьи, намеченные им классические ступени ее развития открыли, по Ф. Энгельсу, новую эпоху «в разработке первобытной истории» [7]. Работу Л. Г. Моргана отличал глубокий историзм, тщательное и всестороннее обоснование основополагающих, недостаточно исследованных к тому времени проблем первобытной истории. Историзм Л. Г. Моргана в свою очередь характеризовался, выражаясь современным языком, системным подходом к исследованию различных сторон истории первобытного общества. Как отмечал Ф. Энгельс, Л. Г. Морган был первым исследователем, «кто со знанием дела попытался внести в предысторию человечества определенную систему» [8]. Это оказалось возможным лишь благодаря привлечению Л. Г. Морганом огромного, нового и важного этнографического материала, который восполнил в первобытной истории «отсутствовавшую до сих пор фактическую основу» [9].

Придавая важное мировоззренческое значение работе Л. Г. Моргана, учитывая высокую оценку ее К. Марксом, чувствуя «обязанность по отношению к Марксу», Ф. Энгельс в конце марта 1884 г. приступил к написанию своего труда. Он хорошо понимал, и об этом писал в письмах, что «резюмировать такую богатую содержанием книгу... дело не шуточное», что эта работа «должна быть серьезно обработана, тщательно взвешена и обдумана», что работу Л. Г. Моргана следует вместе с тем критически истолковать, «использовав вновь достигнутые результаты, изло-

жить их в связи с нашими воззрениями и уже полученными выводами» [10]. В своей работе Ф. Энгельс использовал многочисленные замечания и положения К. Маркса, содержащиеся в его конспекте труда Л. Г. Моргана. Кроме того, Ф. Энгельс опирался на собственные исследования по истории общественных институтов кельтов Ирландии и Уэльса, а также древних германцев. Исторические разделы Л. Г. Моргана о Греции и Риме Ф. Энгельс также дополнил своими данными и научными разработками.

Труд Энгельса вызвал большой интерес и вскоре был переведен на ряд европейских языков. Работа Ф. Энгельса неоднократно переиздавалась. Однако Ф. Энгельс каждый раз не ограничивался простым переизданием книги. В предисловии к новому четвертому изданию Ф. Энгельс указывал на необходимость сделать «тщательные исправления и дополнения» [11]. При подготовке нового издания своего труда Ф. Энгельс, по его словам, «должен был вновь пересмотреть всю вышедшую за восемь лет литературу по данному вопросу и квинтэссенцию всего этого использовать в книге» [12]. Им были критически использованы данные и результаты исследований ряда видных ученых — историков, этнографов и юристов (И. Я. Бахофена, Д. Ф. Мак-Леннана, Г. Л. Маурера, М. М. Ковалевского и др.). При подготовке этого издания своего труда Ф. Энгельс интересуется последней работой Л. Г. Моргана «Дома и домашняя жизнь американских индейцев» [13]. Об исключительной требовательности к себе при подготовке четвертого издания свидетельствует, в частности, письмо Ф. Энгельса к дочери К. Маркса — Лауре Лафарг. Во избежание возможной ошибки, он просит ее найти в книге Бахофена ссылку, подтверждающую сделанное им открытие. В свою очередь Ф. Энгельс бескомпромиссно защищает сделанное Л. Г. Морганом открытие, которое некоторые авторы, как, например, Жиро-Тёлон «ловко присваивают себе» [14]. В то время как, подчеркивает Ф. Энгельс, «речь здесь идет о таком открытии, которое революционизировало всю науку о первобытном обществе» [15]. Подготавливая четвертое издание своего труда, Ф. Энгельс помещает в нем предисловие, опубликованное до этого в виде отдельной статьи под заголовком «К истории первобытной семьи (Бахофен, Мак-Леннан, Морган)» [16]. Кроме нового предисловия к работе, Ф. Энгельс вносит в нее большие изменения, в частности во вторую главу, посвященную семье, а также и в последующий текст.

Книга Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» явилась не только сводкой передовых воззрений на первобытное общество, достигнутых исторической наукой в XIX в. Ф. Энгельс по-новому разработал ряд важнейших проблем теории общества и его истории, в частности материалистической концепции первобытного общества. Это позволило ему внести существенные коррективы в такое программное произведение марксизма, как «Манифест Коммунистической партии». В труде Ф. Энгельса получили материалистическое истолкование такие проблемы, как историческое развитие разделения труда, формы порабощения трех великих эпох цивилизации, происхождение, сущность и структура государства и, естественно, особое место уделено созданию целостной концепции первобытной истории.

Исключительно важно непреходящее теоретико-познавательное и методологическое значение труда Ф. Энгельса. Своей методологической и теоретической направленностью он мобилизует философов, ученых частных наук, занимающихся проблемами первобытной истории, на дальнейшую более углубленную разработку ее диалектико-материалистических основ. В соответствии с материалистическим пониманием истории Ф. Энгельс провозгласил положение о том, что «определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни» [17]. Это положение впоследствии не только не было должным образом понято, а даже было расценено как ошибочное. Лишь в последние годы проблема соотношения производства и воспроизводства привлекла к себе внимание [18]. Это способствовало более углубленному осмыслению и раскрытию закономерностей исторического процесса и истории первобытного общества, в частности. Важное методологическое и теоретическое значение для философского и частно-научного познания имеет блестяще примененный Ф. Энгельсом принцип научного историзма. Если у Л. Г. Моргана историзм целиком ограничивается рамками конкретно-исторической эмпирии, то у Ф. Энгельса принцип историзма в равной мере находит свое приложение как к исследуемому историческому процессу, так и его историческому познанию. Историческую конкретность произведению Ф. Энгельса придают не только исследуемые факты, а метод, применяемый Ф. Энгельсом для их анализа и интерпретации, завершающийся открытием закономерностей исторического процесса. И это в равной мере касается как про-

гресса в производстве средств к жизни, так и истории семьи, возникновения и развития частной собственности, классов и государства.

Идея исторического монизма и закономерностей исторического процесса получила свое конкретное выражение, в частности, в периодизации Л. Г. Моргана. В основе ее положен материалистический принцип прогресса производства средств жизни. Периодизация Л. Г. Моргана была высоко оценена К. Марксом и Ф. Энгельсом. В марксистской литературе периодизация Л. Г. Моргана именуется как периодизация Моргана—Энгельса. Вряд ли такое ее наименование правомерно: ведь ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс не вносили в периодизацию Л. Г. Моргана какие-либо уточнения или изменения. Оценивая периодизацию Л. Г. Моргана, Ф. Энгельс не случайно оговаривает, что *«набросанная здесь мной, по Моргану*, картина развития человечества (курсив мой. — *Ю. З.*) через ступени дикости и варварства к истокам цивилизации», тем не менее достаточно богата неоспоримыми чертами, взятыми «непосредственно из производства». Ф. Энгельс при этом подчеркивает, что данная Морганом картина развития человечества через ступени дикости и варварства к истокам цивилизации все же представляется «бледной и жалкой» по сравнению с той, которая позволяет «в полной мере осветить переход от варварства к цивилизации». Не трудно заметить, что эта неполная картина дикости и варварства, данная Л. Г. Морганом, была обусловлена прежде всего фрагментарностью существовавших тогда исторических источников как этнографических, так и особенно археологических. Тем не менее Ф. Энгельс счел возможным «обобщить мургановскую периодизацию» и дал общую характеристику периодам дикости, варварства и цивилизации без подразделения первых из них на низшую, среднюю и высшую ступени. Дикость, по Ф. Энгельсу, представляет «период преимущественно присвоения готовых продуктов природы», т. е. присваивающего хозяйства. «Варварство — период введения скотоводства и земледелия», т. е. производящего хозяйства. Цивилизация, по Ф. Энгельсу, — «период промышленности в собственном смысле слова» [19]. Кроме того, эти главные эпохи характеризуются, по Ф. Энгельсу, «решающим оружием» [20]: луком и стрелами для дикости, железным мечом для варварства, огнестрельным оружием для цивилизации. Указанным мургановским эпохам, по Ф. Энгельсу, также соответствуют основные формы семьи:

«дикости. . . групповой брак, варварству — парный брак, цивилизации — моногамия» [21].

Ф. Энгельс не абсолютизировал, не догматизировал данную Л. Г. Морганом периодизацию и поэтому особо подчеркивал, что она остается в силе «до тех пор, пока значительное расширение материала не заставит внести изменения» [22]. Вместе с тем Ф. Энгельс обращал внимание на то, что при исследовании начальной, примитивной общественной формы, относящейся к весьма отдаленной эпохе, «едва ли можно рассчитывать найти среди социальных ископаемых . . . *прямые* доказательства ее существования в прошлом». При этом Ф. Энгельс считал, что имеющиеся этнографические противоречивые сведения об отсталых племенах «сильно нуждаются в критической проверке и отсеве» [23]. Когда этнографические материалы отсутствуют или малочисленны для реконструкции первобытных общественных форм, важное значение приобретает исследование археологических источников.

К. Маркс и Ф. Энгельс постоянно проявляли большой интерес к археологической науке и ее открытиям. В одном из своих писем к К. Марксу Ф. Энгельс сокрушался по поводу того, что много времени проходит, «пока новые научные открытия пробьют себе дорогу» [24]. В данном случае имелись в виду открытия Буше де Перта в Абвиле, находки черепа ископаемого человека бельгийским палеонтологом Шмерлингом, а также работа Ч. Лайеля «Древность человека». В свою очередь К. Маркс в письме к Ф. Энгельсу восторгался датчанами, которые, как он выразился, «взялись за всестороннее изучение археологии» [25]. Хорошо известно, что К. Маркс придавал важнейшее значение такой категории археологических источников, как орудия труда, и возможности на их основе реконструкции исчезнувших социальных образований прошлого [26]. Это известное положение К. Маркса тем не менее остается пока не осмысленным должным образом в теоретических изысканиях археологов. Между тем оно имеет важное методологическое значение в связи с постановкой вопроса о генеральной идее археологии, ее цели как науки. Успешное решение задач реконструкции прошлого на основании археологических источников возможно лишь при условии определения их научно-познавательных возможностей, с одной стороны, и теоретически разработанной и обоснованной методики историко-социологических и историко-культурных реконструкций прошлого на основании археологических источников — с дру-

Схема 1

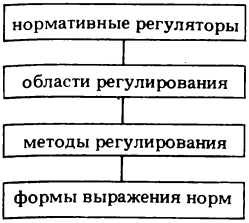


Схема 2

ния. Подобная логика приводит к выделению четырех основных структурных блоков в нормативной системе (см. схему 1).

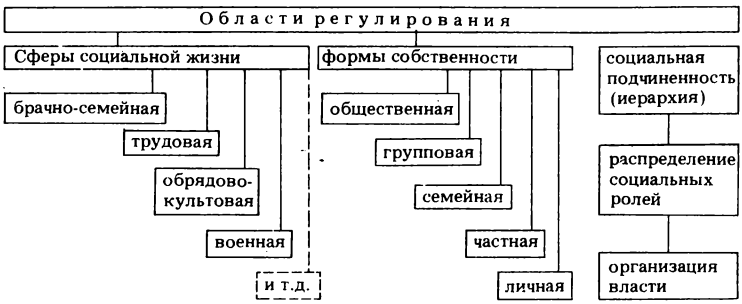
Анализ нормативной системы в самых разнообразных по хронологической и пространственной локализации культурах позволяет говорить о шести нормативных регуляторах: 1) биолого-психологическом; 2) брачно-семейном; 3) корпоративно-групповом; 4) мифолого-религиозном; 5) правовом; 6) моральном. Тот же анализ приводит к мысли, что начало функционирования каждого из регуляторов в нормативных системах различных культур происходит неодновременно. В развитии названных регуляторов можно отметить, например, две тенденции. Во-первых, древнейшим, без сомнения, практически повсеместно выступает биолого-психологический регулятор, служивший как бы своеобразным фундаментом для прочих. Во-вторых, в ходе развития культур имеет место как бы постепенное вычленение или же «отпочкование» друг от друга отдельных регуляторов; в результате этого в развитой нормативной системе параллельно могут функционировать сразу несколько регуляторов.

Несколько ниже — после схематичного описания структур основных блоков — мы остановимся на упомянутых тенденциях, а также на характеристике каждого регулятора более подробно. Пока же ограничимся схемой самих нормативных регуляторов, которой здесь придается определенный хронологический смысл (см. схему 2).

Нормативные регуляторы имели свои определенные социальные области регулирования. В структурном блоке областей регулирования можно вычленить три основных подразделения: 1) сферы социальной жизни; 2) формы

собственности и 3) социальная подчиненность, или же социальная иерархия. Саму схему этого блока можно представить в следующем виде:

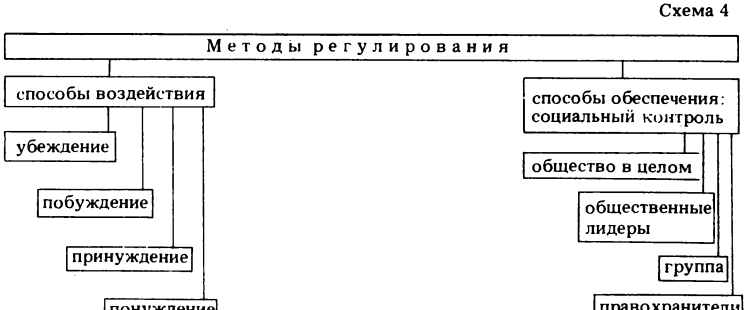
Схема 3



Перечисленные здесь основные структурные звенья присущи громадному большинству социальных организмов. Однако их соотношения и конкретные содержания в каждом обществе характеризовались спектром чрезвычайно широкого диапазона. Столь же мобильным было соотношение между каждым нормативным регулятором и соответствующим структурным звеном этого блока.

Процесс функционирования нормативных регуляторов, как правило характеризовался различными методами регулирования. В этом структурном блоке мы выделяем два основных раздела: 1) способы социального воздействия и 2) способы обеспечения социального контроля. Сама же структура этого блока может быть представлена следующим образом:

Схема 4



Расположению структурных звеньев в разделе социального контроля, представленных на схеме 4, можно также придавать определенное хронологическое значение. Исход-

ная позиция социального контроля обычно выводится из ситуации, когда все общество в целом определяет регулирование социальных процессов. Однако вычленение данного звена имеет скорее теоретический интерес [6]. На практике даже на ранних этапах исторического развития функцию социального регулирования берут на себя по-преимуществу общественные лидеры вкупе с какими-либо группами — половозрастными или же, позднее, с корпоративными. Выделение в обществе профессиональных правоохранителей (судей, полицейских и пр.) завершает представленные здесь процессы развития структуры данного блока.

Рассмотрение общей структуры нормативной системы мы завершаем последним блоком, где представлены формы выражения или же отражения самой нормативной системы. В этом блоке выделяются непосредственная форма выражения и форма опосредованная, которую можно назвать также формой отражения самой системы. Общий характер данного блока представляется в следующем виде.

Схема 5

В приведенной здесь схеме мы не стремились обозначить абсолютно все опосредованные формы отражения нормативных систем. Количество этих проявлений чрезвычайно велико. Среди них будут и многочисленные эпиграфические памятники типа хозяйственных записей, и отдельные уникальные предметы подобно царскому или княжескому оружию, и многое другое. Данный блок служит прежде всего для дешифровки структур нормативной системы в конкретных обществах.

Так выглядит общая структура нормативного фактора, выраженная в настоящей работе на уровне основных блоков и центральных звеньев [7]. За исключением нормативных регуляторов, с нашей точки зрения, эта схема не требует сколько-нибудь детальных пояснений: определения большинства ее подразделений и звеньев достаточно очевидны. Нормативные же регуляторы, которые мы помещаем в основу всей системы, потребуют, естественно, более подробных обоснований и объяснений.

В любом обществе существует зависимость социального поведения людей от применения правил, отличающихся так называемым одинаковым масштабом действия или же нормой. Эти нормы характеризуются неперсонофицированностью по отношению к адресатам правил, требуют от них обязательного выполнения определенных действий, свершения этих действий в относительно четких рамках. Несоблюдение данных правил приводит обыкновенно к общественным санкциям, выражаемым в различной форме [8]. Каждый из нормативных регуляторов обычно отличается устойчивой внутренней структурой. Последняя остается постоянной или же слабо трансформируется в течение длительного отрезка времени, равного, как правило, периоду бытования той или иной культуры. Именно этим качествам и отвечают, с нашей точки зрения, намеченные здесь шесть нормативных регуляторов (схема 2).

Древнейшим из этих регуляторов, как уже говорилось выше, является биолого-психологический. По всей вероятности, в нем в трудно расчленимой форме проявлялось регулирование всех граней социальной жизни в наиболее ранних человеческих коллективах. Дискуссия о его роли не только для древнейших, но даже и для относительно поздних человеческих сообществ имеет достаточно долгую историю. Однако в советской литературе только в последнее время стали уделять гораздо больше внимания как значению, так и разнообразным граням этого важнейшего регулятора [9]. В согласии с этим Ю. И. Семенов, например, относит все наиболее ранние общества — до появления Homo Sapiens — к общественным организмам биолого-социального типа [10].

Вероятно, исключительное действие этого регулятора оформляло социальную жизнь коллективов на самой заре человеческой истории: олдувай и ашель (?). Правда, уже на памятниках этого возраста встречены предполагаемые следы небольших жилищ. Если реконструкция их верна,

то мы вправе будем поставить вопрос о функционировании даже в столь раннее время брачно-семейного регулятора.

Столь же древним по своему возрасту мог быть и групповой регулятор. Его древность, конечно же, определяется типологически, поскольку он имеет весьма сходные функциональные проявления еще в животном мире, где наличие различающихся по своему статусу половозрастных группировок хорошо известно. Структура группового регулятора усложнялась вслед за общественной. Видимо, не позднее эпох неолита и раннего металла в структуре социальных организмов начали выделяться различные корпорации — тайные союзы, религиозные сообщества, различные социальные прослойки. Тогда данный регулятор приобрел как бы новую грань или же явно выраженный корпоративный характер. Нормы этого регулятора отличаются от иных тем, что их адресатами выступают члены соответствующих организаций или же корпораций. По существу данные нормы создаются членами этих организаций и ими же поддерживаются.

Следующий регулятор — мифолого-религиозный. Мифологию можно рассматривать двояко. С одной стороны, она являлась отражением более или менее полным уже сложившихся к тому времени общественных норм. С другой стороны, после определенной канонизации мифы сами становились нормативным регулятором общественной жизни. Хотя по своей сущности мифология могла выражать множество граней общественного мировоззрения, в данном исследовании мы вычленяем из нее именно нормативную функцию. Первым, кто обратил на это внимание и активно исследовал различные аспекты данной функции, был Б. Малиновский [11]. Позднее эта мысль широко дискутировалась в трудах Б. Оля [12], С. А. Токарева [13], Е. М. Мелетинского [14], И. М. Дьяконова [15] и многих других [16].

«На первый взгляд, — пишет о мифологии известный французский африканист Б. Оля, — рассказы древнего цикла как будто лишены нравоучительного характера, но на самом деле их задача — дать во всех деталях образцы для поведения социального индивида» [17]. Действительно, например, во многих мифах Африки при их беглом обзоре трудно уловить наличие нормативной функции: их скорее принимаешь за фантастические повествования. Однако в ряде мифов указания на обязательность каких-либо действий, чаще всего вкладываемые в уста тех или иных культурных героев, звучат весьма жестко и недвусмысленно. В зулусских мифах об Ункулункулу, к примеру,

монолог героя является целой системой таких предписаний: «Если человек умер, его младший брат должен жениться на его женах, чтобы они не смогли стать женами человека из другого племени. Чтобы сохранить людей, нужно сохранить скот, и люди смогут наследовать скот и не будут страдать от голода. . .» [18].

Возникновение мифологического регулятора было связано и обусловлено определенным этапом в усовершенствовании вида Homo Sapiens, качественным развитием человеческого сознания. Последнее скорее всего отразилось в появлении памятников искусства, вероятно, еще в эпоху мустье, но определенно уже в эпоху верхнего палеолита. К этой же мысли приводит и появление в мустьерский период намеренных человеческих захоронений, сохранивших следы достаточно сложного погребального обряда. Если принять данный этап за исходную точку, то позднейшей фазой развития этого регулятора будет формирование мировых религиозных систем [19]. Без всякого сомнения, любая религия включала в себя в качестве одной из наиболее важных функцию регулирования социальной жизни.

Из сферы мифолого-религиозной лишь с большим трудом можно выделить моральный регулятор. Можно предполагать, что их достаточно четкая дифференциация происходит лишь в позднейших обществах, где исповедь определенной веры, например, становится необязательной и в которых отмечается появление «светской» морали.

И, наконец, последний из выделяемых здесь регуляторов — правовой — определял: а) организацию производства; б) перераспределение производимого или добываемого продукта; в) нормирование индивидуальных затрат труда и времени на общественные нужды; г) распределение и закрепление социальных ролей в обществе. О появлении в структуре нормативной системы правового регулятора можно говорить лишь тогда, когда имеется весь комплекс из четырех названных здесь признаков. Действенность регулятора обеспечивалась жесткими принудительными санкциями. Отличия между правовым и моральным регуляторами определяются не только формальными характеристиками, скажем, большей формальной определенностью права в сравнении с моралью. Различается также и само содержание норм, их логическая структура. Для правовых норм характерны запреты и разрешения («можно» — «нельзя»), а также позитивное обязывание («вправе» — «должен»). Нормы морали оказывают регулятивное воздействие оценочными критериями типа

«добро» — «зло», «справедливо» — «несправедливо», «долг», «стыд», «совесть» и т. п.[20]

В данной статье мы намерены уделить большее внимание правовому регулятору — его характеристикам и основным этапам формирования. В процессе перехода от доклассовых обществ к классовым этот регулятор, вне всякого сомнения, играл особую роль. Это находит свое отражение в ряде концепций, рассматривающих происхождение протогосударств и раннеклассовых государств. В этих концепциях наличие или отсутствие права, а также некоторых свойств этого регулятора объявляется тем критерием, который разделяет различные этапы перехода от догосударственных к предгосударственным и государственным формам организации общества.

Действительно, для функционирования в конкретном обществе правового регулятора необходим регулярный прибавочный продукт. Наличие последнего обычно связано с общественной трудовой кооперацией, с регулярным и повторяющимся характером трудовых акций. Все это влекло за собой необходимость в нормировании затрат времени каждого члена коллектива на общественные нужды, а также распределения и перераспределения производимого продукта. Именно в этом проявляется тот прогресс, о котором писал Ф. Энгельс, что «...на известной весьма ранней ступени развития общества возникает потребность охватить общим правилом повторяющиеся изо дня в день акты производства, распределения и обмена продуктов и позаботиться о том, чтобы отдельный человек подчинился общим условиям производства и обмена» [21]. Эффективная организация подобной кооперации, нормирования и перераспределения возможна лишь в таких обществах, где руководящая верхушка — административные, духовные и военные вожди — функционально отделена от основной массы производителей и не участвует в самом процессе материального производства. В функцию этой верхушки входит также поддержание сложившейся социальной иерархии общества.

В государственных организациях мы фиксируем, как правило, достаточно развитую, чаще всего кодифицированную структуру права. Систематическое действие правового регулятора наблюдается уже в обществах с производящей экономикой. Однако некоторые исходные черты этого регулятора мы отмечаем еще в социальных объединениях высокоспециализированных собирателей, охотников и рыболовов [22].

Наблюдения подобного рода позволяют предварительно наметить три фазы в развитии правового регулятора. Первая — фаза зарождения — относится по преимуществу к тем обществам, где происходит лишь становление производящих форм экономики, а в некоторых случаях даже к сообществам, где полностью господствовало присваивающее хозяйство. Известно, что процесс сосуществования присваивающей и производящей форм растягивался надолго, нередко на одно-два тысячелетия. Видимо, именно с такими обществами и была связана фаза зарождения и становления правового регулятора. Вторая фаза знаменует уже оформление данного регулятора в некую систему правил и норм. Эта фаза может связываться с такими обществами, где мы отмечаем полную победу различных форм производящей экономики. И, наконец, третья фаза связана с письменной кодификацией права в ряде раннегосударственных образований [23].

Не вызывает сомнений, что генеральный путь социальной дифференциации общества, приводивший к отделению вождей и возникновению правового регулятора, связан с земледелием (особенно орошаемым), скотоводством [24], а также в значительной мере с горно-металлургическим производством. Горное дело и металлургия нередко отличались сложным ранговым разделением труда, приводившим к общественной кооперации, а также практически повсеместно наблюдавшимся особым положением горняков и металлургов в соответствующих обществах [25]. Производство в таких социальных объединениях приобретало сложный комплексный, взаимообусловленный характер. Оно требовало намного более жестких правил регулирования, регламентации взаимосвязей — не только трудовых, но и иных сторон социального бытия. Строительство крупных общественных сооружений, оросительных систем, дорог, гробниц и т. п. при участии значительных масс людей вряд ли могло производиться без действия правового регулятора и без соответствующих санкций, обеспечивавших его эффективность.

Особенно много для заключений подобного рода дают африканские материалы, относящиеся к культурам, расположенным южнее Сахары. Действенность и уровень развития правового регулятора представлены там столь выпукло, что это дало возможность ряду зарубежных и советских историков причислять подобные общества к разряду раннегосударственных. «Владения вождей бемба представляли собой государства в миниатюре, поскольку они

обладали основной характерной чертой государства: непременной принудительной организацией», — пишет Ж. Маке о представителях так называемой «цивилизации зернохранилищ» [26]. К этим же заключениям близки взгляды советского историка Ю. М. Кобищанова, относящего подобные социальные структуры уже к числу раннефеодальных [27]. «Непременная принудительная организация» касалась не только производственных вопросов. Она властно вторгалась во все сферы социальной жизни, что особенно было заметно на полиэтничных сообществах. Эти социальные организмы нередко имели ярко выраженный этнокастовый характер, где высшую касту зачастую составляли скотоводы подобно туарегам или масаям. Право здесь регулировало жесткое распределение социального статуса у различных групп населения, отношение их к тем или иным видам производства, постоянные даннические отношения между высшими и низшими слоями общества. Право закрепляло эндогамный характер многих каст. Соблюдение правовых норм обеспечивалось санкциями, осуществлявшимися высшей прослойкой общества. В целом структуры правового регулятора в огромном большинстве африканских систем соответствовали дописьменным фазам развития и предшествовали фазе его кодификации.

Авторы не ставили перед собой задачу расшифровки конкретных структур нормативного фактора в культурах, изучаемых археологией. Тем не менее вряд ли возможно избегнуть хотя бы некоторых параллелей и сопоставлений между рядом общностей, выделяемых на археологическом материале Евразийского континента и, например, теми, что упоминались здесь при разборе африканских культур, известных нам по этнологическим, социологическим и отчасти археологическим источникам.

Так, целая серия культур IV, III и начала II тысячелетия до н. э., относящаяся к раннему и среднему бронзовым векам, представлена памятниками, опосредованно, но безусловно свидетельствующими о далеко зашедшем процессе социального расслоения общества. Думается, что оно соответствовало полному отделению от материального производства социальной верхушки и связанному с этим действием правового регулятора. К таким памятникам относятся прежде всего громадные погребальные насыпи — курганы, возведенные над могилами вождей скотоводческих народов: майкопская, беденская, триалетская и другие культуры. К примеру, объем насыпи и иных сооружений

в первом кургане у с. Цнори в Кахетии достигал 51 тыс. куб. м. Для ее сооружения по шумерским землекопным нормам потребовалось не менее 23 тыс. человеко-дней [28]. Намного большей — около 80 тыс. куб. м — была насыпь кургана Уч-тепе в Мильской степи Азербайджана. На ее сооружение, как полагает К. Х. Кушнарева [29], было затрачено около 48 тыс. человеко-дней. При этом пока не подвергается учету тот огромный общественный труд, затраченный на изготовление погребального инвентаря из этих гробниц: золотые и серебряные художественные вещи, бронзовое оружие, колесницы и т. д.

В этой ситуации чрезвычайно показательным будет сопоставление «курганных» евразийских культур, о которых только что шла речь, с раннегосударственным объединением Керма в Судане — или же царством, как его именуют многие исследователи [30]. Эта цивилизация еще не знала письменности и существовала в конце III—начале II тысячелетия до н. э. Ее наиболее яркой отличительной чертой являются курганные некрополи. Насыпи курганов достигают здесь внушительных размеров — до 90 м в диаметре, хотя, конечно, и уступают в этом кавказским гигантам вроде Уч-тепе и Цнори. Огромны в Керме размеры погребальных камер, в которых были захоронены вожди или цари. Их сопровождала богатая утварь, а также обычно несколько десятков или даже сотен придворных: женщин-наложниц (?), мужчин, детей. В отношении Кермы в настоящее время ведется лишь дискуссия — относить ли это древнейшее государство на территории Судана к разряду рабовладельческих или уже раннефеодальных [31]. В данной связи мы не видим сколько-нибудь существенных препятствий для дискуссии в том же направлении и в отношении уже упоминавшихся нами кавказских (да и не только кавказских!) курганных культур эпохи ранней и средней бронзы. Типологическое сходство их с памятниками Кермы чрезвычайно выразительное!

Широкое действие правовых норм в древних обществах легко угадывается и на более древних материалах раннеземледельческих культур и отдельных памятников Передней и Малой Азии, датированных еще VIII—VI тыс. до н. э. К ним, например, относится докембрийский Иерихон с его громадными каменными обводными стенами [32]. В этой же категории должен рассматриваться и «неолитический город» Чатал-хюйюк с его сложной социотопографией [33]. К аналогичным заключениям приводят и исследования более поздних «протогородов» Средней Азии, относимых

к концу III—началу II тысячелетия до н. э. С нашей точки зрения, «трехстепенная» структура Алтын-депе говорит об этом достаточно определенно [34].

Нельзя, конечно же, не упомянуть в этой связи и о серии высокоразвитых культур медного века в Балкано-Карпатье, датируемых V—началом IV тысячелетия до н. э.[35] В их производстве исследователи вычленяют не только сложный и комплексный сельскохозяйственный цикл, но и прежде всего удивительно высокопродуктивное горно-металлургическое дело. При этом практически не вызывает сомнений, что горняки, металлурги и литейщики в этих общественных организмах были строго отделены от основной массы общинников, а это уже позволяет думать об этнокастовом характере общества [36].

Мы не стремимся дать какое-то более точное организационное определение подобным социальным объединениям: к примеру, относить их уже к раннегосударственным или же еще к догосударственным? Во многом это вопрос терминологии и взаимной договоренности в терминах, который, безусловно, давно стоит на повестке дня. В последнее время, например, проявилась тенденция определять подобные структуры особым (и вряд ли удачным) термином — «протогосударство — чифдом» («вождество»). При этом главным признаком такой структуры объявляется наличие права. Так, Л. С. Васильев, развивая концепцию протогосударства — «чифдом», пишет, что наличие или отсутствие легализованных форм принуждения, опирающегося на волю верхов, облеченного в форму указов и предписаний, эдиктов и распоряжений, «...может считаться критерием при отнесении той или иной политической структуры к протогосударству—чифдом или к государству, пусть даже раннему» [37].

Дискуссия по затронутому здесь вопросу выходит за рамки настоящей статьи. Думается, однако, что в целом эта проблема является более сложной и должна решаться через дешифровку и типологию конкретных структур целого ряда эндогенных факторов существования общества. Последнее вытекает из тесной взаимосвязи и взаимообусловленности структур нормативного фактора с иными.

[1] Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Исторические типы государства и права. М., 1971. С. 64, 65.
[2] Теория государства и права. М., 1980. С. 23, 24.
[3] *Валеев Д. Ж.* Обычное право и начальные этапы его генезиса // Правоведение, 1974. № 6. С. 76.

[4] *Синицына Н. Е.* Обычай и обычное право в современной Африке. М., 1978. С. 6—14; *Крашенинникова Н. А.* Индусское право. История и современность. М., 1982. С. 42—45. Справедливости ради отметим, что подобные взгляды высказывались задолго до появления названных работ. Так, например, еще в 1915 г. русский правовед С. А. Котляревский писал: «Менее всего в настоящее время было бы основательным представлять себе догосударственный быт каким-то царством личной воли и личного самоопределения, анархической аркадией. Первобытное право связывает человека по рукам и ногам, и в первобытной кровной организации — естественной или фиктивной — личность растворяется без остатка...» (*Котляревский С. А.* Право и власть, М., 1915).

[5] *Черных Е. Н.* Проявления рационального и иррационального в археологической культуре // СА. 1982. № 4. С. 11—14.

[6] Именно об этом, например, свидетельствовала приведенная в начале статьи выдержка из работы (см. сн. 1). Более детальное рассмотрение и определение способов общественного воздействия см. в кн.: *Венгеров А. Б.* Право и информация в условиях автоматизации управления. М., 1978. С. 83—101.

[7] По всей вероятности, предложенные авторами структурные блоки нормативного фактора, так же как и относительно дробное членение этих блоков на составляющие, не находят соответствия во взглядах ряда исследователей древних культур. Так, например, Л. Е. Куббель полагает, что «соционормативная функция» культуры проявляется вообще сравнительно поздно. В этом он солидаризуется с понятием «мононормы», выработанным А. И. Першицем: (См.: *Pershits A. I.* The primitive Norm and its Evolution // Current Anthropology. 1977. V. 18. N 3). «Мононорма», согласно Л. Е. Куббелю, как бы заключает в себе в определенном единстве четыре основные функции потестарно-политической культуры (равно как и культуры вообще): «инструментальной, коммуникативной, сигнификативной и соционормативной» (*Куббель Л. Е.* Этнические общности и потестарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. С. 134—136).

[8] Регулирование общественных отношений, т. е. определенная коррекция, возвращающая участников общественных отношений к норме, осуществляется с помощью так называемого механизма обратной связи — информации об отклонениях в поведении этих участников. Проблема регуляторов, норм, обратной связи и т. п. является в своем общенаучном виде одной из основных и фундаментальных проблем кибернетики. Общие определения регуляторов см.: «Круглый стол» «Советского государства и права» о понимании советского права. Выступление А. Б. Венгерова // Советское государство и право. 1979. № 8. С. 63—65; Проблемы методологии и методики правоведения. М., 1974. С. 165—183; О кибернетических основах нормативных регуляторов см.: *Афанасьев В. Г.* Социальная информация и управление обществом. М., 1975; *Он же.* Научно-техническая революция, управление, образование. М., 1972; *Венгеров А. Б., Перцик В. А., Самощенко И. С.* Правовые основы автоматизированного управления народным хозяйством в СССР. М., 1979. За рамками статьи остается вопрос о так называемых ненормативных регуляторах — ценностном, информационном и директивном, которым мы намерены посвятить специальное исследование. К последним примыкает и чрезвычайно своеобразный регулятор социальной жизни в древности — так называемый институт предсказаний.

[9] *Рогинский Я. Я.* Проблемы антропогенеза. М., 1977; *Карсаевская Т. В.*

Социальная и биологическая обусловленность изменений в физическом развитии человека. Л., 1970. С. 25 и сл.; *Алексеев В. П.* Человек: биология и социологические проблемы // Природа, 1971. № 8. С. 48—50; *Он же.* О самом раннем этапе расообразования и этногенеза // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. С. 48 и сл.; *Сержантов В. Ф.* Философские проблемы биологии человека. Л., 1974. С. 10, 11; *Леонович В. В.* Философия и естественнонаучное исследование человека: Автореф. дис. . . . д-ра филос. наук. Л., 1975, с. 4.

[10] *Семенов Ю. А.* Как возникло человечество. М., 1966.

[11] *Malinowski B.* Myth in primitive psychology. L., 1926; *Idem.* Coral gardens and their magic. L., 1937; *Idem.* A scientific theory of the culture. N. Y., 1960.

[12] *Оля Б.* Боги тропической Африки. М., 1976.

[13] *Токарев С. А.* Религия и мифология // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. С. 377.

[14] *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М., 1976. С. 37.

[15] *Дьяконов И. М.* Введение // Мифология древнего мира. М., 1977. С. 45—47.

[16] См., например, обзор: *Синицына И. Е.* Обычай и обычное право. . . С. 116—121.

[17] *Оля Б.* Боги. . . С. 3, 4.

[18] *Котляр Е. С.* Миф и сказка Африки. М., 1975. С. 188.

[19] *Токарев С. А.* Религия и мифология . . . С. 376—378.

[20] Определения отличий правовых норм от моральных восходят еще к Аристотелю. Этими же вопросами занимаются и многие современные правоведы и психологи. Одно из наиболее примечательных, хотя и дискуссионных определений принадлежит, например, основоположнику психологической теории права Л. И. Петражицкому, согласно которому моральное переживание — это чувство обязанности — и только чувство; правовое переживание — это то, которое дополнительно сопровождается приписыванием кому-то правомочия. См.: *Петражицкий Л. И.* Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб., 1908; *Petruzycki L.* Wstep do nauki prawa i moralnosci. Warszawa, 1959; *Подгурецкий А.* Очерк социологии права. М., 1974. С. 32, 50, 250, 251.

[21] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 272. На это обстоятельство мы хотим обратить специальное внимание, поскольку в исторической литературе можно встретить утверждения, согласно которым, например, писаное право в Месопотамии возникает как стремление сохранить в новых условиях раннеклассового общества «идеалы» первобытнообщинного строя, как идеологическая и социально-психологическая реакция населения на изменение экономической обстановки. См.: *Якобсон В. А.* Возникновение писаного права в древней Месопотамии // ВДИ, 1981. № 4.

[22] У ряда аборигенных групп Американского континента, характеризовавшихся присваивающими формами экономики, иногда отмечался избыточный продукт, наблюдалось социальное неравенство (См.: *Першиц А. И.* Раннее производящее хозяйство и начальные формы эксплуатации // Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя: Материалы конф. М., 1974. С. 39; *Testart A.* The Significance of Food Storage among Hunters—Gatherers: Residens Patterns, Population Densities and Social Inequalities // Current Anthropology, 1982. V. 23. N 5. P. 525—528), приводившее к формам зависимости, нередко трактуемым как рабство. См.: *Аверкиева Ю. П.* Рабство у индейцев Север-

ной Америки. Л., 1941. С. 31 сл.; *Она же.* Индейцы Северной Америки. М., 1974. С. 151—159.

[23] Выделение «письменной» фазы в развитии права особенно существенно с точки зрения теории информации, рассматривающей технические средства информации как одну из важнейших социальных категорий. При этом следует также подчеркнуть, что далеко не все известные нам ранние государственные объединения обладали письменной кодификацией правовых норм.

[24] *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976. С. 56, 57, 106—109.

[25] *Черных Е. Н.* Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София, 1978. С. 280—285.

[26] *Маке Ж.* Цивилизация Африки южнее Сахары. М., 1974. С. 78.

[27] *Кобищанов Ю. М.* Мелконатуральное хозяйство в общинно-кастовых системах Африки. М., 1982. С. 11, 145—230.

[28] *Дедабришвили Ш. Ш.* Курганы Алазанской долины. Тбилиси, 1979. С. 19—25, 69, 70.

[29] *Кушнарева К. Х.* К вопросу о социальной интерпретации некоторых погребений Южного Кавказа // КСИА, 1973. Вып. 134. С. 12—14.

[30] *Кацнельсон И. С.* Рабовладение в Куше // ВДИ. 1965. № 2; *Осама аль-Нур.* Культура Кермы и ее истоки // ВДИ, 1976. № 1; *Кобищанов Ю. М.* На заре цивилизации. Африка в древнейшем мире. М., 1981. С. 70—76.

[31] *Кобищанов Ю. М.* На заре цивилизации... С. 75, 76.

[32] *Kenjon K.* Diggins up Jericho. L., 1957.

[33] *Mellaart J.* Catal-Hüyük. A neolithic town in Anatolia. L., 1967; *Антонова Е. В.* К реконструкции мировосприятия неолитических обитателей Анатолии (на материалах Чатал-хююка) // Идеологические представления древнейших обществ: Материалы конф. М., 1980. С. 49—53.

[34] *Массон В. М.* Алтын-депе // Тр. ИЮТАКЭ. Л., 1981. Т. 18. С. 96—108.

[35] *Черных Е. Н.* На пороге несостоявшейся цивилизации // Природа, 1976. № 2. С. 58—69.

[36] *Черных Е. Н.* Горное дело... С. 283.

[37] *Васильев Л. С.* Протогосударство—Чифдом как политическая структура // Народы Азии и Африки. 1981. № 6. С. 175.

Г. А. Кошеленко

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Целью данной работы, естественно, не может быть обсуждение всех вопросов становления и развития государственности в древней Греции. Мы постараемся обсудить здесь лишь некоторые вопросы, остающиеся в современных исследованиях (если так можно выразиться) несколько «в тени». Среди этих вопросов важнейший, с нашей

точки, — это вопрос о соотношении полиса и государства. В современной зарубежной литературе обычно древнегреческое понятие полис (η πόλις) переводится как город-государство или государство-город (City-state, Stadtstaat) При изучении этого вопроса ранее мы уже пришли к выводу, что: а) не всякий полис является городом, б) город рождается позднее, чем полис, в) в древнегреческом обществе классической эпохи постоянно наличествует борьба двух тенденций: тенденции к воспроизведению существующих отношений (олицетворяемой полисом как гражданской общиной) и тенденции к развитию (олицетворяемой городом как специфическим социальным организмом) [1].

При рассмотрении этого вопроса необходимо подчеркнуть одну важную, с нашей точки зрения, особенность развития государственности на территории древней Греции. Эта особенность заключается в том, что процесс становления и развития государственности здесь имел дискретный характер: общество древней Греции (в наиболее развитых ее областях) три раза начинало путь создания государственности.

Первый этап существования государства относится ко времени крито-микенской цивилизации бронзового века (III—II тысячелетия до н. э.). Не касаясь вопросов о характере государства, сложившегося в это время, о различиях между государствами Крита и материковой Греции, об эволюции их, мы отметим только самое основное при рассмотрении исследуемой проблемы — сам факт наличия классового общества и государственности и факт их гибели в конце II тысячелетия до н. э. Все современные исследователи согласны с тем, что произошло полное уничтожение всяких форм государственности в ходе так называемого «дорийского завоевания». При этом для рассматриваемой проблемы особо важен следующий факт: тотальность явления. Государственные структуры погибли как в областях, подвергшихся завоеванию, где в результате этого произошла смена населения, так и в областях, где такой смены населения не было и сохранилось старое население, например в Аттике. Таким образом, процесс перерыва в эволюции и возвращения к уже пройденной стадии общественного развития фиксируется на некоторых территориях у одной и той же в сущности группы населения.

Следующий исторический период, время «темных веков», или гомеровское — это, бесспорно, время, когда на территории Греции существовали общества, не знающие

еще государственности [2]. Конечно, гомеровский период нельзя воспринимать как простое возвращение вспять, к тем примитивным общественным структурам, из которых в свое время выросла микенская цивилизация. Элементы регресса в греческой культуре того времени причудливо переплетались с рядом новых явлений. Важнейшим из них было широкое распространение железа и его очень быстрое внедрение в производство [3]. Эта техническая революция имела далеко идущие последствия во всех сферах общественной жизни. Металл впервые стал дешев и широко доступен, а это в свою очередь оказало большое «демократизирующее» воздействие на само греческое общество. Возросли производственные возможности его наименьшей хозяйственной ячейки — патриархальной семьи. В экономическом отношении семья обособляется от рода и становится автономным ойкосом, экономически мало связанным с другими ойкосами.

Основной формой организации общества этого времени уже является полис, впервые появляющийся в стихах гомеровских поэм [4]. Мы, естественно, отметим только те особенности полиса, которые важны для разбираемой проблемы. Обычный путь, по которому шло становление раннего полиса, — интеграция мелких первичных общин в более крупные, но общинные же образования. Этот синойкизм (как его называли греки) был симптомом внутренней консолидации той аморфной племенной общности, которая предшествовала новому полису на его территории. Возникновение полиса, как правило, было актом вынужденным, вызванным обычно внешней угрозой. Основу полиса составлял широкий слой свободного крестьянства. Хотя в это время существует уже аристократия, однако подлинного противостояния этих двух слоев еще не было. Как справедливо подчеркнул Ю. В. Андреев, сама аристократия в это время представляла лишь верхушечную часть демоса — прослойку наиболее зажиточных крестьян, наделенных известными привилегиями политического и религиозного характера. Основной причиной этого было то обстоятельство, что с экономической точки зрения и аристократический ойкос и семья рядового общинника («мужа из народа») были вполне однотипными образованиями. Различие между ними было не качественным (не в методах хозяйствования и не в источниках обогащения), а лишь количественным. Именно к этой эпохе относится сжатая характеристика Ф. Энгельса: «Мы видим, таким образом, в греческом строе героической эпохи

древнюю родовую организацию еще в полной силе, но, вместе с тем, уже и начало разрушения ее»[5]. Исходя из всего вышеизложенного можно сделать первый вывод, который важен для решения поставленных в данной статье вопросов: самая ранняя форма полиса, возникшая на почве Греции, отнюдь не была формой государственной. Ранний, или гомеровский полис возникает и существует в эпоху доклассовую и догосударственную.

Важнейший этап в истории Греции и, соответственно, в эволюции древнегреческого полиса приходится на архаическую эпоху, охватывающую (ориентировочно) время с 800 до 500 г. до н. э. Основное содержание этой эпохи, с точки зрения исследуемой проблемы, заключается в том, что различия между рядовым гражданством полиса и аристократией все более углубляются и в некоторых наиболее развитых полисах, таких, как, например, Афины накануне реформ Солона, приобретают черты классового противостояния. Вследствие состояния источников исследуемый процесс наиболее изучен в Афинах. Поэтому мы, естественно, будем обращаться в первую очередь к афинскому примеру, не забывая при этом, что Афины — это только частный случай, во многом близкие явления наблюдались и в других частях Греции.

Внимательный анализ источников показывает, что в сущности вся греческая традиция (главным образом сообщения Аристотеля в «Афинской политии» и Плутарха в биографии Солона) базируется на стихотворениях самого Солона, которые, правда, обладают значительной достоверностью[6]. Дополнительно могут быть привлечены и немногочисленные фрагменты самих законов Солона[7]. Анализ этих свидетельств приводит подавляющее большинство современных исследователей к выводу о том, что на протяжении VII в. до н. э. положение аттического крестьянства резко ухудшилось. В значительной мере это было связано с теми общими экономическими и социальными изменениями, которые были характерны для Греции того времени. Начиная с VIII в. до н. э. резко убыстряется развитие древнегреческого общества. Развитие ремесла, внутреннего и международного обмена, становление города, наконец, появление монеты — наиболее бросающиеся в глаза симптомы новой эпохи. Самым активным участником этого процесса стала и традиционная землевладельческая аристократия Греции. Ознакомившись с образом жизни господствующих слоев Востока, получив вкус к роскоши, познав силу богатства, знать, ранее

мало отличавшаяся от рядового крестьянства, теперь стремится изменить ситуацию. Вызывавшие негодование Солона алчность, жадность (κέρδος, πλεονεξια) стали теперь характерными чертами социальной психологии аристократии. Арстократия жадно стремилась к богатству, которое обеспечивало бы ей «аристократический образ жизни», в силу этого она активно участвует в колонизации, заморской торговле и т. д. Однако, например, заморская торговля возможна только тогда, когда достигнута определенная степень концентрации избыточного продукта. Как показал Ч. Старр, неправильным является мнение, что в VIII в. до н. э. объектами торговли были только предметы роскоши. Хотя они всегда сохраняли достаточно важное значение, все же уже с VIII в. до н. э. в торговый оборот включаются обычные товары (ткани, шерсть, мрамор, дерево, металлы, керамика, рыба и т. д.) и их роль постепенно возрастает. Принципиальное значение имел тот факт, что в сферу обмена включаются продукты сельскохозяйственного производства, что привело к резкому росту объема товарного обмена и изменению самого его характера [8].

Рост городов, развитие ремесла, бурный подъем международной торговли в очень сильной степени увеличивали потребности в продуктах сельскохозяйственного производства. В условиях Греции того времени было сравнительно немного возможностей для увеличения массы сельскохозяйственной продукции, выходящей за пределы ойкоса. В частности, увеличение продуктивности сельского хозяйства при тогдашнем уровне развития производительных сил было весьма маловероятно. Расширение обрабатываемых земель — также. Именно в то время в Греции развертывается мощное колонизационное движение, одна из важнейших причин которого — именно недостаток земли. Основная часть земель, пригодных для обработки, была уже освоена. Таким образом, в сущности единственным средством увеличения количества сельскохозяйственных продуктов, «извлекаемых» из крестьянского ойкоса, было понижение уровня жизни крестьянина, уменьшение доли, потребляемой внутри семьи, и увеличение той доли, которая уходит из ойкоса [9]. Обычно это достигалось путем усиления «контроля» над мелкими и средними землевладельцами со стороны аристократии. В разных частях Греции этот процесс происходил по-разному. В Аттике процесс закабаления крестьянства шел путем усиления его задолженности. Аттический вариант — превращение зем-

левладельца в зависимого крестьянина — происходил в условиях уже существующей рыночной хозяйственной структуры. В обществах такого характера переходного типа появление рыночных отношений, как правило, усиливает тяжесть положения крестьянина — непосредственного производителя [10]. Показательно, что именно в 750—700 гг. до н. э. отмечается движение аристократии из Афин в хору [11]. Считается, что наивысшей остроты давление аристократии на рядовое крестьянство достигло в VII в. до н. э. По-видимому, богатые аристократы-эвпатриды не только и не столько копили деньги, дома, не только употребляли их на приобретение предметов роскоши, но в первую очередь пускали эти деньги в рост, получая большие проценты и ставя в зависимость от себя малоимущих должников [12]. На основании свидетельств источников можно достаточно точно представить процесс закабаления крестьянства Аттики: 1) появление пелатов и шестидольников, зависящих от богатых аристократов и выплачивающих им часть урожая; 2) превращение зависимых крестьян в рабов в случае невыплаты ими арендной платы; 3) продажа рабов за пределы Аттики.

Конечно, не следует думать, что в состояние зависимости перешла большая часть крестьянского населения Аттики. Этому противоречит то обстоятельство, что после реформ Солона была введена цензовая конституция, в которой предусматривались четыре имущественных разряда. Конечно, нам неизвестно количественное соотношение этих разрядов, однако сам факт их существования позволяет думать, что имущественное положение крестьян и до реформ было различным. Тем не менее совершенно несомненно, что к концу VII в. до н. э. над аттическим крестьянством нависла угроза превращения некогда свободных земледельцев в зависимых людей [13]. Видимо, эта угроза достаточно отчетливо ощущалась и теми слоями крестьянства, которые еще сохраняли свою хозяйственную независимость. Иначе трудно было бы объяснить такой быстрый успех реформационного движения, возглавляемого Солоном. Не касаясь всех реформ Солона и всех законов, введенных по его инициативе, отметим только две наиболее важные для рассматриваемой проблемы: а) уничтожение долгового рабства как института для граждан Афин; б) освобождение земельных участков крестьян, захваченных аристократами в предшествующее время в качестве обеспечения долга.

Необходимо рассмотреть еще один аспект ситуации, существовавшей до реформ Солона. Помимо лишения участков земли (превращения крестьян-собственников в испольщиков) и постепенного порабощения, крестьянство Аттики страдало от политического неполноправия. Аристотель в «Афинской политии» прямо указывает на то, что строй в это время был олигархическим (II, 2,2). Далее он отмечает, что на высшие должности «выбирали по благородству происхождения и по богатству» (II, 3,1). Перечислив основные государственные должности, Аристотель указывает на функции Совета ареопага: «Наконец, Совет ареопагитов, хотя имел обязанность быть только блюстителем законов, распоряжался большинством важнейших дел в государстве, налагая кары и взыскания безапелляционно на всех нарушителей порядка. Это объясняется тем, что выбор архонтов производился по благородству происхождения и по богатству, а из них-то и избирались ареопагиты» (II, 6).

Таким образом, формировавшийся политический строй Афин достаточно отчетливо отражал социальную структуру общества того времени. Хотя, по всей видимости, функционировало народное собрание, реальная политическая власть находилась в руках аристократов-эвпатридов, которые одни могли занимать выборные должности и чьим органом был всевластный ареопаг [14].

В силу этого важнейшее значение имели и политические реформы Солона, из которых наиболее значимой для рассматриваемой проблемы является уравнение в политических правах трех высших имущественных разрядов и получение пассивных политических прав гражданами четвертого имущественного разряда — фетами.

Итак, в целом, как кажется, можно следующим образом обрисовать общую линию развития афинского общества в рассматриваемое время. Здесь, как и в подавляющем большинстве обществ, находящихся на этапе перехода от первобытнообщинного строя к классовому, классообразование проходило путем усиления позиций родоплеменной верхушки. Ее позиции определялись тем, что значительная часть крестьянства не только лишилась права на землю, но и оказалась в личной зависимости от господствующего слоя, имевшей различную форму, но направленной в конечном счете в сторону полного порабощения крестьянства, превращения его в полностью бесправную эксплуатируемую массу (рабскую или полурабскую). Этот процесс протекал достаточно активно

в значительной мере благодаря тому, что аристократия обладала в сущности монополией на политическую и судебную власть в полисе. Кроме того, аристократия представляла собой важнейшую часть вооруженных сил полиса. Это — наиболее типичный путь развития классового общества, наиболее типичный путь формирования государственности вследствие внутренней социальной дифференциации общества, имеющей спонтанный характер.

Однако в Афинах, как и в большинстве других полисов Греции, этот типичный путь развития был прерван. Конечно, дело не ограничилось только реформами Солона. Понадобилось длительное время, несколько десятилетий, включая годы тирании Писистрата и Писистратидов, годы борьбы против тирании, реформы Клисфена, чтобы власть аристократии была сломлена окончательно. Победе рядового гражданства над аристократией способствовал ряд факторов. К числу их, видимо, надо отнести относительную бедность аристократии. По подсчетам Ч. Старра, средний аристократический ойкос в Аттике имел площадь примерно 30 га, а средний участок рядового крестьянина — 4 га [15]. Как справедливо подчеркивал Ч. Старр, богатства греческой аристократии несопоставимы с богатствами аристократии азиатских стран, поэтому и экономические возможности ее были очень ограничены. Во-вторых, важнейшей причиной гибели аристократического режима является отсутствие каких-либо форм «социальной кооперации» среди аристократии. Чувство своего превосходства над рядовой массой граждан не вылилось у греческой (в том числе и афинской) аристократии в сознание корпоративной общности. «Агональный дух» (стремление к первенству) греков (в первую очередь аристократии) родился в эпоху гомеровского полиса, очень рыхлого политического объединения, в котором почти отсутствовало «правовое начало», ограждавшее личность и имущество. В гомеровском полисе в сущности, как подчеркивал Ю. В. Андреев, шла борьба всех против всех [16]. Аристократ привык полагаться только на себя, своих приверженцев, на поддержку связанных с ним или зависящих от него людей. Этот «агональный дух» греческая аристократия принесла и в архаический полис, в котором шла непрерывная борьба знатных родов за влияние и власть. Л. Джеффри, как представляется, совершенно справедливо говорит в этой связи о «самоубийственной политике» аристократии [17].

Наконец, необходимо помнить, что греческий мир — это в общем мир очень маленьких политических образований, партикуляристский мир, в котором шла постоянная борьба полисов, объектом которой, как правило, была земля. Если бы реализовывалась та возможность развития, о которой мы говорили выше, то это означало бы резкое ослабление вооруженной силы полиса, угрозу постоянных поражений от соседей и в конечном счете угрозу самому существованию полиса: именно в это время происходит своего рода революция в формах ведения военных действий, появление так называемого строя фаланги, в результате чего военное значение знати падало, а значение рядового гражданства — возрастало. Фаланга — сомкнутый строй тяжеловооруженных воинов (гоплитов). Сила ее заключалась в монолитности, дисциплинированности, устойчивости. Важнейшую роль играло число воинов в строю. И методы борьбы и воинская доблесть фалангита находились в полном противоречии с традиционными доблестями аристократии, искавшей победу в героических поединках. Огромное значение этого нового явления, очень сильное влияние его на расстановку сил в полисе заставляет некоторых ученых даже говорить о «гоплитской революции». Это, конечно, преувеличение, но значительная роль этого фактора в происшедших изменениях не может быть поставлена под сомнение [18]. Естественно, что возросшая роль рядового гражданства в военной сфере должна была найти немедленное отражение и в политической сфере.

Таким образом, конец архаической эпохи в Афинах, совпавший с годами реформ Клисфена, означал радикальное изменение всего строя полиса. К концу VI в. до н. э. крупное землевладение аристократов, в котором использовался труд зависимых категорий населения, сменяется средним и мелким землевладением, исчезают формы зависимости земледельцев и упрощается социальная структура. Различные категории зависимого сельского населения (гектоморы, пелаты) получают гражданские права и превращаются в мелких земельных собственников. Их экономическая зависимость от крупных землевладельцев-эвпатридов сходит на нет, что создает условия для уничтожения и политической зависимости. Реформы Клисфена, знаменовавшие конец этого периода борьбы и перемен, создали, по мнению современных исследователей, классический афинский полис и первую стадию демократического режима.

Естественно, что встает вопрос о том, как можно определить характер афинского полиса накануне реформ Солона — было ли это общество классовое и, соответственно, государственное или нет. Не решаясь давать окончательные определения, мы хотели бы привлечь внимание к тому, что писал о реформах Солона Ф. Энгельс, который определял ее как «политическую революцию», которая вторгалась в отношения собственности [19]. Исходя из этого, видимо, будет правильным предположить, что афинское общество накануне реформ Солона было обществом почти полностью завершившим формирование классовой структуры и государственности, общество, где завершалось формирование двух основных классов: землевладельческой аристократии и крестьянства, находившегося на пути к превращению в эксплуатируемую массу рабского типа [20]. Соответственно и в политической сфере завершалось создание государственной машины, служившей делу угнетения одного класса другим. Однако последний шаг сделан не был. Рядовое крестьянство смогло найти в себе силы и остановить аристократию почти у самого рокового рубежа. Вместе с разрушением системы зависимости была разбита и почти созданная государственная машина.

Тот строй, который возник в Афинах в результате реформ Клисфена, трудно определить однозначно. Бесспорно, что афинский полис того времени нельзя назвать государством. Государство — это продукт непримиримости классовых противоречий, машина, обеспечивающая господство одного класса над другим [21]. В Афинах этого непременного условия — непримиримости классовых противоречий, конечно же, тогда не было. Напротив, гражданский коллектив отличает значительная степень гомогенности, господствует демократический строй, где решающая роль принадлежит народному собранию, вооруженные силы составляют народное ополчение. Вместе с тем число рабов столь незначительно, что полис никак нельзя считать органом подавления, направленным против класса рабов. Афины того времени представляют нечто вроде «крестьянской республики». С одной стороны, это было явным регрессом, ибо почти сформировавшееся государство оказалось разрушено и была создана новая общественная структура, во многом напоминающая структуры первобытнообщинного строя. Но, с другой стороны, именно победа демоса создала возможности для поразительно быстрого взлета этого общества. Афинское общество уже к этому времени обладало развитым ремеслом, его сель-

ское хозяйство все более ориентировалось на товарное производство, развивалось денежное обращение. Это было общество, которое в условиях того времени неизбежно требовало подневольной рабочей силы [22]. Реформы Солона и Клисфена закрыли путь развитию рабовладения за счет обращения в рабов части населения самого афинского полиса, но они, естественно, не могли уничтожить саму потребность в рабах [23]. Эти реформы только переориентировали ее вовне, толкнули Афины на путь динамического развития и внешней экспансии, ибо для приобретения рабов за пределами Аттики в сущности были только две возможности: прямой захват или покупка.

Очень интересно, что в народной памяти Афин именно этот период истории рисовался всегда в ореоле счастья, а наилучшими из граждан Афин всех времен считались воины-марафономахи [24]. Короткий период существования «крестьянской демократии» в Афинах, охватывавший время от реформ Клисфена до греко-персидских войн, именно поэтому и вспоминался как своего рода «золотой век».

Следующий этап становления государственности связан с развитием в Афинах рабства «классического типа». Естественно, мы не можем указать точные хронологические грани этого процесса. Отметим два важных, с нашей точки зрения, обстоятельства: 1) этот процесс, видимо, протекал быстро и значительный толчок ему дали, по всей видимости, греко-персидские войны [25]; 2) другим фактором, ускорившим развитие государственности в Афинах, стало создание Афинского морского союза, в котором афиняне осуществляли господство над союзниками. Хотя в современной литературе нередко утверждается, что афиняне практически не эксплуатировали союзников [26], все же неоспоримым остается факт господства Афин над рядовыми членами союза, для чего было необходимо создание определенных институтов [27], а это в свою очередь способствовало быстрейшему развитию Афинского полиса в сторону превращения его в государство. Однако решающим фактором в этом процессе была внутренняя эволюция афинского общества, быстрое развитие в нем рабовладения «классического типа».

Коротко остановимся на двух вопросах: о распространении рабства в Афинах и о влиянии его на эволюцию афинского общества. Особого внимания заслуживает вопрос о роли рабского труда в сельском хозяйстве Аттики классического времени. Этот вопрос особенно важен по-

тому, что сельское хозяйство всегда оставалось важнейшей отраслью экономики античного общества, даже такого, как афинское, где ремесло и торговля играли чрезвычайно большую роль. Можно, в частности, указать на тот факт, что даже после всех ужасов Пелопоннесской войны, так больно ударившей по хоре Афин, только одна шестая афинских граждан не имела своей земельной собственности, остальные продолжали оставаться землевладельцами [28]. Кроме того, этот вопрос заслуживает особого внимания еще и потому, что во многих современных работах утверждается, что именно сельское хозяйство было той отраслью афинской экономики, где рабский труд был распространен менее, чем в других отраслях экономики [29]. Иногда, правда, утверждается, что сам факт использования рабского труда в сельском хозяйстве не подлежит сомнению, но ничего более определенного по этому поводу сказать нельзя [30].

Однако последние исследования заставляют несколько по-иному взглянуть на проблему использования рабского труда в сельском хозяйстве [31]. Отметим прежде всего, что в Аттике существовали довольно крупные рабовладельческие хозяйства того типа, который Ксенофонт описал в «Домострое» (Xenoph. Oec. VII, 35; IX, 5). В таком хозяйстве, бесспорно, основная рабочая сила — рабы, а управляющий — также раб и его главная функция — руководство сельскохозяйственным производством (Xenoph. Oec., XII, 2—XV, 5) [32]. И. Гарлан справедливо указал, что сам факт появления такого произведения, как «Домострой» Ксенофонта, является доказательством достаточно широкого распространения этого типа хозяйства, ибо труд Ксенофонта служил чем-то вроде учебного пособия [33]. Хотя, видимо, хозяйства подобного типа и не были очень многочисленны, тем не менее в источниках сохранились некоторые сведения о них. К их числу относятся, например, хозяйства Перикла, Алкивиада, Фенippa [34].

Более важны свидетельства другого характера — касающиеся использования рабского труда в хозяйстве средних и мелких афинских землевладельцев, составлявших, как это обычно считается, и по всей видимости, справедливо, подавляющее большинство аттических хозяйств. В этом отношении очень важна информация, которую можно извлечь из комедий Аристофана [35].

Прежде всего, приведем ту таблицу, которую составил Э. Леви на базе изучения этих комедий.

Пьеса	Дата	Хозяин	Социальный статус	Число рабов	Мужчины	Женщины
Ахарняне	427	Дикеополь	Средний крестьянин	4	2	2
Всадники	426	Демос	Средний крестьянин	4	4	?
	425	Стрепсиад	Средний крестьянин	2	1	?
Осы	422	Бделиклеон	Богатый афинянин	7—8	6	1—2
Мир	421	Тригей	Крестьянин	2*	2*	?
Мир	421	Хорист	Крестьянин	3	1	2
Лягушки	405	Плутон	Богатый афинянин	5—8	4—7	1
Женщины в народном собрании	392	Хремес	Крестьянин (?)	3	2	1
Богатство	388	Хремил	Крестьянин	3	1	?

*По нашим наблюдениям, у Тригея не два, а три раба.

Эта таблица, как нам кажется, очень наглядно показывает, сколь велика была роль рабов в сельском хозяйстве Афин, включая мелкие и средние хозяйства. Однако, нам представляется, она нуждается в ряде пояснений, которые должны подкрепить выводы относительно социального статуса и имущественного положения нескольких героев комедий Аристофана, представленных в этой таблице.

В «Богатстве» герой комедии рядовой земледелец и землевладелец Хремил определяется как бедняк (πένης ἦν — ст. 29), о его соседях (и о нем самом) говорится: ανδρες φίλοι καὶ δημέται καὶ τοῦ πονεῖν ε'ργασταί (ст. 254); упоминается также о том, что он и его собратья-земледельцы (τούς ξυγγεώργους) на полях проливают соленый пот (ст. 223—224). Обращаясь к Хремиду и его другу Блепсидему, Бедность говорит: «Я — Бедность, та, что с вами много лет живет» (πενία μέν οὖν, ἡ σφῶν ξυνοικῶ πολλότη). Таким образом, ясно, что Хремил и его содемоты не принадлежат к имущественной верхушке афинского полиса. С другой стороны, не подлежит сомнению, что они не могут быть причислены и к числу неимущих. В той дискуссии, которую ведут с Бедностью Хремил и Блепсидем, проводится очень четкая грань между бедностью и нищетой (хотя и отмечается, что они — родные сестры). В тексте комедии, кроме того, есть достаточно отчетливое указание на то, что Хремил и Блепсидем в составе афин-

ского ополчения служили в качестве воинов-гоплитов, упоминается о том, что в их домах над очагом висят щиты и кирасы (ст. 451), т. е. элементы оборонительного доспеха, обязательного для гоплита. Все это позволяет видеть в крестьянах, изображенных в этой комедии, рядовых средних землевладельцев Афин, т. е. представителей большинства сельского населения Аттики. По ряду упоминаний в тексте комедии видно, что в хозяйстве основного героя имеется несколько (не менее трех) рабов. Одну из важнейших ролей в развитии действия играет Карион (судя по имени раб из Карии) [36]. Из контекста совершенно ясно, что Карион — не единственный раб в домохозяйстве (стк. 26, 815, 1105). Сам факт никакой роли в развитии действия не играет, не используется он и для обрисовки действующих лиц, это — простые упоминания по ходу действия, имеющие именно поэтому большую доказательную силу.

Очень показательно также то решение, которое находят Хремил и Блепсидем, когда Бедность ставит перед ним вопрос: кто же будет работать, если у всех будет достаточно богатства? Ответ очень прост — οἱθεράποντες (ст. 518), причем (как бы специально для того, чтобы не было споров о значении этого термина) чуть ниже объясняется, откуда эти «слуги» явятся — их приведет из Фессалии ἐμπορος . . . παρ'α'πίστων ανδραποοιστῶν.

Аналогичную картину мы видим в «Ахарнянах». Главный герой комедии Дикеополь часто определяется термином πτωχός, причем его так называют и другие герои комедии (ст. 497, 558, 593) и он сам себя (ст. 579). Однако это определение не надо воспринимать буквально. Дикеополь владеет виноградником (ἀμπελια κεκομμένα). Можно полагать, что он подобно Хремилу, — средний аттический крестьянин. Дикеополь предстает как владелец нескольких рабов: не только двух девочек из Мегар, которых он покупает, но и тех рабов, которые по ходу действия (во множественном числе) упоминаются в комедии (например, παῖδες — ст. 889). И у других героев комедии имеются рабы. Есть раб у Еврипида (δούλος — ст. 401), к которому чуть ниже обращаются — ὦ παῖ), есть рабы у Ламаха ((δμῶες — ст. 1174, παῖς — во многих местах).

В «Мире» — главный герой Тригей, по определению автора, виноградарь (ἀμπελουργός). У него два раба, участвующих в развитии действия, а также упоминается еще один — по имени Сир, который в этот момент дей-

ствия занят подрезкой виноградной лозы (ст. 1146).

Определенную информацию о рабах, занятых в сельском хозяйстве, несут также речи Демосфена [37]. На основе этих речей вырисовывается в общем аналогичная картина. В хозяйствах, упоминаемых Демосфеном, имеется два, три или несколько рабов LVII, 45; LIII, 6; XLVII, 53; XXXV, 31—32). Отметим также, что здесь появляется один нюанс, неизвестный у Аристофана, — рабы сдаются в аренду на время сельскохозяйственных работ.

Нужно отметить также, что с точки зрения античных авторов, пастух — это, как правило, раб, пастушество — чисто рабское занятие [38]. Некоторую информацию об использовании рабского труда в сельском хозяйстве дают и речи Лисия [39]. В одной из речей (об обмене имуществом) говорится совершенно ясно о рабах, используемых в сельскохозяйственном производстве, поскольку они упоминаются в следующем контексте: ζεῦγος καί τά ἀνδράποδα καί ὁσα ε'ξ α'γρου (IV, I). В речи «О священной маслине» герой — явно богатый человек. Кроме участка земли, на котором якобы росла священная маслина, он владеет еще несколькими участками земли, выполняет многочисленные литургии и т. д. (VII, 24). Участок, о котором идет речь, он, несомненно, обрабатывает с помощью собственных рабов, ибо ранее его обрабатывали арендаторы, а в рассматриваемое время он принялся вести на нем хозяйство лично. Доказывая, что он не мог срубить священную маслину, автор речи (помимо других аргументов) указывает на то, что в противном случае он оказался бы в полной зависимости от своих рабов: «Затем, разве я не был бы несчастнейшим в мире человеком, если бы мои слуги (θεράποντες) как свидетели такого преступления, стали на всю мою жизнь не рабами (δούλους) мне, а господами (δεσπότας)?» (VII, 16). Контекст первой речи Лисия менее ясен с точки зрения интересующего нас вопроса. Однако ясно, что у Евфилета, героя этой речи, помимо взрослой рабыни-служанки, есть еще девочка-служанка, также рабыня. Но, кроме того, можно думать, что у Евфилета есть еще и рабы, занятые в сельском хозяйстве (упоминается, что автор неоднократно бывает на своем участке земли и в случае необходимости мог бы взять в помощь себе рабов, которые явно не связаны с его городским домом — I, 42).

Хотя в общем информация Лисия менее показательна, чем Аристофана, тем не менее она позволяет сделать Ф. Дюнану вывод (видимо, вполне справедливый) о том,

что большая часть средних по своему имущественному положению афинян, владела по крайней мере одним или двумя рабами [40].

Еще менее информативны в этом отношении речи Исея, однако и они позволяют прийти исследователю к следующему выводу: «С абсолютной уверенностью можно сказать, что все упоминаемые Исеем афиняне были собственниками рабов» [41].

О том, что обычно в хоре находились рабы (разумеется, используемые на сельскохозяйственных работах), явствует и из предписания Платона в «Законах», где он рекомендует фрурархам, находящимся на территории филы, производить работы по строительству укреплений, используя для этого «местных вьючных животных и рабов, привлекая их к работе и по возможности выбирая то время, когда они свободны от обычных работ» [42].

В связи с рассматриваемой проблемой необходимо коснуться еще двух вопросов. Во-первых, в литературе указывается, что рабы не могли быть заняты производительным трудом потому, что основная масса их использовалась в качестве домашних слуг [43]. Отметим прежде всего, что эта точка зрения, высказанная А. Джонзом, имеет несколько уязвимых пунктов. Сам автор этой концепции твердо отстаивает тезис о том, что основная масса афинского гражданства — это люди, живущие трудом своих рук, занятые либо в сельском хозяйстве, либо в ремесле, либо, наконец, в торговле. При совмещении двух его тезисов вырисовывается в сущности парадоксальная картина — афинский гражданин трудится для того, чтобы содержать раба-слугу. Думаем, что эта картина весьма далека от действительности. Вероятнее всего, как думают некоторые исследователи [44], в рядовых хозяйствах Аттики не было никакого четкого разделения между людьми, занятыми производительным трудом, и людьми, занятыми обслуживанием. Когда это было необходимо, раб трудился в поле, когда он был свободен от этих работ, использовался на домашних работах, мог он, конечно, и прислуживать хозяину. Для раба, использовавшегося в рядовом крестьянском хозяйстве, была характерна (если так можно выразиться) полуфункциональность [45]. Видимо, несколько иная картина была в крупных хозяйствах.

Второй вопрос, которого необходимо коснуться, — это те выводы, которые могут быть сделаны на основании анализа надписей, где упоминаются рабы, выкупившиеся на волю и посвятившие божеству чаши по этому поводу

(IG II^2, 1553—1578). В этих надписях (они датируются 340—322 гг. до н. э.) указываются профессии рабов, получивших свободу: из 155 человек только 12 были земледельцами. В. Вестерманн делал вывод, что в сельском хозяйстве рабский труд был распространен мало [46]. Этот тезис был подвергнут справедливой, с нашей точки зрения, критике [47]. Из числа использовавшихся аргументов особенно важен следующий: у сельскохозяйственного раба было много меньше возможностей скопить необходимую для выкупа сумму, чем у раба, занятого в ремесле или торговле.

Таким образом, мы можем считать, что сельское хозяйство Аттики было той сферой экономики, где рабский труд был широко распространен. Практически во всех случаях, когда в источниках есть информация, она однозначна — в подавляющем большинстве хозяйств имелись рабы.

Если относительно роли рабского труда в сельском хозяйстве еще идут дискуссии, то в отношении ремесла этих дискуссий практически нет. Все исследователи согласны с тем, что в афинском ремесле роль рабского труда была очень велика. Во всяком случае ремесленник, не использующий в своей мастерской раба (специалиста или подсобного рабочего) был исключением. Не стремясь привести все сведения, содержащиеся в источниках, укажем только на наиболее известные ремесленные мастерские, в которых использовался рабский труд [48]. Отец Софокла владел мастерской, где работали рабы-оружейники (кузнецы и плотники). О Леократе (которого обвинял Ликург) известно, что он приобрел рабов-медников. У отца Демосфена было две мастерские, в одной из которых делали мечи, а в другой — кровати. Гипербол владел мастерской по производству светильников. У Клеофонта была мастерская лир. Клеон, один из вождей радикальной демократии и объект постоянных насмешек Аристофана, владел кожевенной мастерской [49]. Мастерская по изготовлению флейт, в которой работали рабы, принадлежала Теодору, отцу Исократа. Известный финансовый деятель Афин Пасион отдавал в наем мастерскую по производству щитов.

Список подобных мастерских можно умножить. Отметим, кстати, что в источниках, помимо указаний на мастерские (где использовали рабский труд), упоминаются просто рабы, имеющие ту или иную профессию, например сукновалов, медников, оружейников, ножевщиков, угольщиков и т. д.[50]

Количество рабов в отдельной мастерской (эргастерии) может быть весьма различным. Любопытный сюжет встречаем в одной из речей Лисия: афинянин-инвалид, получающий пенсию от государства, жалуется на то, что у него нет денег для покупки раба, который своим трудом содержал бы его (Lys., XXIV). Это сообщение довольно часто используется современными авторами, рассматривающими его обычно как наиболее типичный случай в афинской практике: покупается раб, который должен своим трудом содержать рабовладельца, заменив его в ремесленной мастерской. Однако источники в общем рисуют несколько иную картину относительно числа рабов в мастерских: в них, как правило, работает несколько рабов, иногда число их достигает нескольких десятков человек. В двух мастерских, которыми владел Лисий совместно с братом, было более 100 рабов [51]. Тимарх владел кожевенной мастерской, в которой работало 9 или 10 рабов (Aesh., I, 97). Интересные свидетельства о числе рабов-рабочих содержатся в речах Демосфена [52]. Отец Демосфена имел две мастерские (XXVII): в одной из них, по производству кроватей, работали 20 рабов; другая специализировалась на производстве мечей, в ней было занято 32 или 33 раба хозяина мастерской и три наемных раба. Принадлежавшая Пасиону мастерская щитов, по подсчетам исследователей, имела 80—100 рабов (Demosth. XXXVI) [53]. Пантенет использовал наемных рабов для работ в Лаврионе, но число их не уточняется. Однако сообщается, что, кроме того, ему принадлежала мастерская по обогащению руды, в которой было занято 30 рабов (Demosth., XXXVII) [54]. Упоминаются Демосфеном также и другие ремесленные мастерские, однако при этом не называется число рабов. Косвенные свидетельства позволяют считать тем не менее, что в одном случае (мастерская по изготовлению снадобий) их было не менее 10, а в другом (мастерская по изготовлению мешков) — не менее 20 [55].

Самое большое число рабов, находившихся во владении одного рабовладельца, связано с горным делом. По сведениям Ксенофонта, у Никия было 1000 рабов, у Гиппоника — 600, у Филемонида — 300 (Vect., IV, 14 сл). Все они сдавались в аренду предпринимателем, ведшим разработку серебряной руды в Лаврионе. По подсчетам С. Лауффера, именно в горном деле в Лаврионских рудниках, где были заняты работой почти исключительно одни рабы, их число достигало 20—30 тыс. (правда, сильно варьируясь во времени) [56].

Помимо рабов, занятых в мастерских, управлявшихся их хозяином, имелись также рабы-ремесленники, жившие отдельно от хозяина, ведшие самостоятельное дело и платившие рабовладельцу своего рода оброк. Обычно величина его была равна 1—2 оболам в день. Можно предположить, что именно у этих рабов были наибольшие шансы выкупиться на волю. Отметим, что уже упоминавшиеся выше надписи конца IV в. до н. э. (IG II^2, 1153—1578), в которых упоминаются отпущенные на волю рабы, дают следующую картину: из 79 мужчин ремесленников — 26 (работники по бронзе, златокузнецы, медники, кожевники, изготовители сандалий, сапожник, мебельщик и т. д.), из 56 женщин — 48 (преобладают ткачихи — не менее 40) [57].

Конечно, вряд ли можно точно подсчитать, какое число рабов трудилось в ремесле Афин. Напомним только о свидетельстве Фукидида относительно бегства к спартанцам в Декелею более 20 тыс. афинских рабов (VII, 27,5). В этой связи важно указание Фукидида на то, что большую часть их составляли ремесленники. Как справедливо подчеркнул Дж. Э. М. Сэн Круа, определение этих работ Фукидидом как χαροτέχναι означает, что это были рабы-специалисты, а не шахтеры из Лавриона, как это обычно считается [58].

Как было сказано выше, у современных исследователей в общем нет никаких сомнений в том, что ремесло Афин было в значительной степени основано на рабском труде. Приведенные факты позволяют несколько дополнить этот вывод: видимо, ремесленная мастерская, как правило, насчитывала несколько рабов, а довольно часто и несколько десятков рабов. Во всяком случае, распространенное мнение о том, что типичной была мастерская с одним-двумя рабами, не находит подтверждения в источниках.

Помимо земледелия и ремесла, рабский труд широко использовался и в других сферах жизни Афин, в частности в торговле (например, торговые агенты). В одной из речей Гиперида упоминается раб Мидас, торговавший мазями в лавке своего хозяина (Hyper., III)[59] и пользовавшийся известной свободой в хозяйственной деятельности. Среди освобожденных в период 349—320 гг. до н. э. рабов торговцы занимали довольно значительное место: из 79 мужчин торговлей занимался 21 человек, из 56 женщин — семь [60]. В сфере кредитно-денежных операций рабы были также представлены очень широко [61].

Особого внимания заслуживает вопрос об общем числе рабов в Аттике в классический период. Этот вопрос

многократно обсуждался в литературе (как в связи с проблемой рабства, так и в связи с проблемой народонаселения) [62]. Отметим прежде всего, что в античной литературе имеется в сущности только одно указание на общее количество рабов в Аттике. Оно содержится у Афинея: «Ктесикл в третьей книге «Хроник» говорит, что во время 117 олимпиады (т. е. 312—309 гг. до н. э.) Деметрием Фалерским была произведена перепись населения Аттики и было обнаружено афинян 21 тысяча, метеков 10 тысяч, рабов 400 тысяч» (Athen. Deipnosoph., VI, 272B). Со времен Д. Юма (1752 г.)[63] большинство исследователей отвергает данные Афинея, как чрезмерно завышенные [64].

Единственный ученый нового времени, который считал эту цифру достоверной — А. Бёк. При этом он полагает, что, говоря о гражданах и метеках, Афиней имел в виду только глав семей, а когда упоминались рабы, то имелось в виду все рабское население. Исходя из этого он считал, что всего граждан было 84 тыс. (включая мужчин, женщин и детей), метеков — 40 тыс. (также включая мужчин, женщин и детей) и рабов 400 тыс.

Ю. Белох, решительно отвергая достоверность свидетельства Афинея (Ктесикла), полагал, что никаких надежных данных относительно числа рабов в Аттике в нашем распоряжении нет и поэтому надо исходить из числа свободного населения и затем уже определять (по отношению к нему) долю рабского. Собрав все имеющиеся в источниках цифры и подвергнув их сложному и кропотливому анализу, Ю. Белох приходит к следующим выводам: накануне Пелопонесской войны в Аттике было примерно 40—47 тыс. свободного мужского населения, общее число свободного населения составляло 120—140 тыс., рабов же в этот период было примерно 100 тыс. или несколько больше.

Для Э. Мейера основной вопрос — это вопрос о числе свободных в Аттике. На 431 г. до н. э. он устанавливает численность граждан в 170 тыс., метеков — примерно 30 тыс. Э. Мейер считал, что у нас очень мало свидетельств для точных подсчетов числа рабов, поэтому предлагаемый им диапазон очень широк: от 50 до 150 тыс. — как допустимый максимум. Р. Л. Сарджент дает следующие цифры для V в. до н. э.: 71—91 тыс. рабов против примерно 200 тыс. свободных. По подсчетам Э. М. Гомма, в 431 г. до н. э. (накануне Пелопоннесской войны) гражданское население (мужчины, женщины и дети) составляло 172 тыс., метеки — 28,5 тыс., рабы — 115 тыс. Для 323 г.

до н. э. соответствующие цифры равны: 112 тыс. свободных, метеков — 42 тыс., рабов — 104 тыс. Согласно В. Эренбергу, в 432 г. до н. э. все граждане (с членами семьи) насчитывали 110—180 тыс., метеки — 25—40 тыс., рабы — 80—100 тыс.

Результаты расчетов названных выше исследователей относительно доли рабского населения среди общего числа населения Аттики можно представить следующим образом: А. Бёк — 76 %, Ю. Белох — 40, Э. Мейер — 25—43, Р. Л. Сарджент — 26—31, Э. М. Гомм — 33—36, В. Эренберг — 31—37, В. Л. Вестерманн — 25—33, К. Моссе — 38—43 %.

Сознавая всю относительную ценность этих подсчетов, мы приводим эти данные для того, чтобы показать, что выводы, к которым приходят современные исследователи, достаточно близки. За исключением данных А. Бёка, остальные цифры колеблются в пределах 25—43 %, т. е., по мнению ученых нового времени, число рабов составляло 25—43 % общего населения Аттики. Думаю, что эти цифры в значительной мере справедливы. В современной литературе неоднократно указывалось, что абсолютное число рабов не может считаться решающим для суждения о характере общества. Главное — та роль, которую рабы играют в процессе производства. Выше мы старались показать, сколь значительной была роль рабов в сельскохозяйственном и ремесленном производстве Афин, а общее число рабов, как нам кажется, способно подкрепить этот тезис.

Опираясь на приведенные выше подсчеты, коснемся вопроса о распределении рабов среди свободного населения и особенностях состава рабов. Э. Мейер, в частности, указывал, что среди рабов процент взрослых мужчин по сравнению с женщинами и детьми был значительно больше, чем среди свободных. Подтверждение этому он видит, в частности, в документах об аукционе имущества осужденных по процессу гермокопидов. Во фрагментах этих документов упоминаются 17 мужчин, четыре женщины, два мальчика (одно имя остается неопределенным). Кроме того, в Лаврионе, несомненно, работали исключительно взрослые мужчины. Все иные данные источников подтверждают эти выводы. Среди гражданского населения Афин, по мысли Э. Мейера, феты, видимо, вообще не имели рабов. Не имели их и некоторые наиболее бедные зевгиты. В земледелии рабов было сравнительно немного, но нельзя отрицать того, что зажиточные крестьяне владели

одним-двумя рабами. Подавляющая масса зевгитов имела по крайней мере по одному рабу.

По подсчетам Р. Л. Сарджент, в домашнем услужении у богатых афинских граждан было: у граждан первых двух имущественных разрядов (пентакосиомедимнов и всадников) примерно по пять на семью, в семьях среднего достатка, относящихся к разряду зевгитов, — примерно по одному на семью. У фетов, конечно, домашних слуг не было. Некоторое количество домашних слуг было и у богатых метеков. Интересны расчеты Р. Л. Сарджент относительно использования рабского труда в ремесле. Она полагает, что в среднем на каждую богатую семью, занимающуюся ремеслом, приходилось 22 раба-ремесленника. В семьях среднего достатка, по-видимому, был один раб-ремесленник для помощи хозяину и его жене. Бедные граждане, конечно, рабов не имели.

По подсчетам Э. М. Гомма, в Афинах в период наибольшего процветания имелось примерно 35—40 тыс. рабынь. На семью среднего достатка (гоплитского ценза и выше) приходилось примерно четыре раба. У фетов, конечно, рабов не было.

Попытаемся определить в самых общих чертах ту картину, которая получается на базе этих исследований.

1. Число рабов в Аттике равно примерно 25—40 % всего населения. Таким образом, они составляют хотя и меньшинство, но меньшинство значительное.

2. Определенная часть населения, т. е. беднейшие афинские граждане (относящиеся к имущественному разряду фетов) и бедные метеки, рабов не имеет.

3. Хотя значительное число рабов было занято в достаточно крупных хозяйствах, большая часть средних хозяйств также имела рабов.

4. Афинское ремесло в значительной степени базировалось на рабском труде, все сколько-нибудь крупные ремесленные мастерские были именно рабовладельческими мастерскими.

5. Среди рабов процент взрослых мужчин много выше, чем среди свободных. Данные стел гермокопидов, которые использовал Э. Мейер, показывают, что среди 24 человек мужчин 17, для свободных обычно принятое исследователями соотношение — один взрослый мужчина к трем человекам иного половозрастного положения. Соответствующие подсчеты позволяют сделать следующие выводы: среди всего населения Аттики свободные взрослые мужчины составляли 14—19 %, взрослые мужчины-рабы —

20—36 %. Таким образом, число взрослых мужчин-рабов явно превосходило число свободных взрослых мужчин.

Интересно сравнить эти данные с теми цифрами, которые характеризуют американский Юг накануне гражданской войны в США, приведшей к уничтожению рабовладения. Изучая официальные цензовые источники, К. Стампп пришел к следующим выводам [65], которые очень показательными считает Дж. Э. М. Сэн Круа [66]: «Юг был не просто — или даже главным образом — землей плантаторов, рабов и деградировавших «белых бедняков». Вместе эти три группы составляли менее чем половину всего населения на Юге. Большинство из оставшихся южан (и наибольшая отдельная группа) — это независимые фермеры различных степеней богатства. Если и был типичный довоенный южанин, то он относился к классу мелких фермеров-землевладельцев, обрабатывающих свои собственные поля, обычно без какой-либо дополнительной рабочей силы за исключением своих собственных жены и детей ... В 1860 г. на Юге было 385 тыс. собственников рабов, всего же свободных семей было 1516 тыс. Почти три четверти всех свободных южан не имели связи с рабством либо через семейные связи или посредством прямого собственничества. Типичный южанин был не только мелким фермером, но он также не был рабовладельцем. . . Из рабовладельцев 72 % имели меньше чем 10 рабов и почти 50 % имели менее чем пять ... Какова бы ни была причина, большинство из этих нерабовладельцев, кажется, чувствовали, что их интересы требуют от них защищать этот специфический институт (рабство в той форме, в которой оно существовало на Старом Юге)».

Конечно, всякого рода сравнения имеют ограниченную ценность. Однако мы позволили себе привести эти сравнительные данные по нескольким основаниям. Прежде всего никто никогда не решался назвать американский Юг до гражданской войны нерабовладельческим обществом. В современной литературе, однако, иногда встречаются попытки представить древнегреческое общество, афинское в частности, как общество, в котором институт рабства не являлся важнейшим фактором, определяющим его характер. В последнее время нередко делаются попытки представить древнегреческое общество как общество, в котором классовые противоречия между рабами и рабовладельцами не играли важнейшей роли [67]. Упор делается на примитивный характер экономики древней Греции, неразвитость товарно-денежных отношений, слабость классовых

антагонизмов, особую роль в обществе мелкого крестьянского хозяйства. Однако сравнение с рабовладельческим Югом США показывает, что в Афинах классической эпохи процент рабов был гораздо бо́льшим и бо́льшая часть населения была связана с рабовладением. Более того, идеологи его прекрасно понимали важнейшую роль рабства. Это осознание имело место как на уровне теоретических конструкций, так и на уровне обыденного сознания.

Наибольшее значение для понимания этого имеют свидетельства Аристотеля, поскольку он стремился теоретически рассмотреть существовавшую в его время ситуацию. Аристотель создал настоящую теорию рабства, которая многократно анализировалась в современной литературе [68]. Отметим только самое основное. Ведущей темой исследования Стагирита является полис. Но, приступая к изучению его, он расчленяет это сложное понятие на его самые простые элементы, существующие, как он считает, «по природе», в силу самих требований природы. Такие первичные элементы, лежащие в основе человеческого общества — это объединение, во-первых, мужа и жены; во-вторых, господина и раба. Справедливо было замечено, что если бы у нас не было других данных и свидетельств о рабовладении в Греции IV в. до н. э., то одного уже факта включения Аристотелем в число первичных объединений наряду с супружеской парой соединения господина и раба было бы достаточно для того, чтобы судить о роли рабовладения в жизни древнегреческого общества [69]. Очень показательно наблюдение в псевдоаристотелевой «Экономике»: «Из имущества главное и самое необходимое — это то, что лучше всего и пригоднее всего в хозяйстве — человек. Поэтому прежде всего от рабов нужно добиваться усердия» (I, V, 1, 1344a, 20—25).

Раб в древнегреческом обществе бесправен, он собственность своего хозяина. Аристотель следующим образом определил положение раба: «раб — часть имущества» (ὁ δοῦλος τῆς κτήσεως μέρος τι — Polit. 1,3,1,1256a,2—2), «раб — одушевленное имущество» (ὁ δοῦλος κτῆμα τι ἔμψυχον. Polit. 1, 2, 4, 1253b, 32). Еще более четко эта концепция представлена в «Эвдемовой этике»: «Раб есть как бы отделимая часть и орудие господина, а орудие — как бы неодушевленный раб» (τοῦ δεσπότου ὁ δοῦλος ὥσπερ μόριον καὶ ὄργανον ὥφαιρετόν τὸ δ'ὄργανον ὥσπερ δοῦλος 'α'ψυχος. VIII, 9, 2, 1241b, 22—24) [70].

С точки зрения древнегреческого общества, раб существует для того, чтобы освободить своего хозяина от

труда. В одном из фрагментов утраченной комедии Эврипида сказано: «Мы свободные, ведь живем рабами» (т. е. благодаря труду рабов) (δούλοισι γάρ τε ζῶμεν οἱ ἐλεύθεροι. fr. 1008). Сомневаться в этом понимании нельзя, так как в Схолиях и Пиндару (Pyth., 4, 71) этот стих приводится для объяснения эпитета λυσίπονοι («избавляющие от трудов») [71]. Показательны в этом отношении рассуждения одного из героев Лисия — афинского гражданина-инвалида. Он объясняет, что занимается своим ремеслом, несмотря на плохое состояние здоровья, потому что он беден и поэтому не может купить раба, который бы своим трудом содержал его (Lys., XXIV). С этим перекликается и свидетельство Ксенофонта (Memorab., II, 3, 3): «Те, кто может себе это позволить, приобретают рабов себе в помощь» (καὶ οἰκέτας μὲν οἱ δυνάμενοι ὠνοῦνται, ἵνα συνεργοὺς ἔχωσι). С точки зрения древних греков, богатство измеряется прежде всего количеством рабов. Когда Платону в одном из его диалогов понадобилось привести пример богатого гражданина, он сослался на «владельца пятидесяти или больше рабов» (Resp., IX, 578). Здесь важна не только сама цифра, но и то, что показателем богатства названа не земля, не деньги, а рабы.

Иногда в литературе утверждается, что в древнегреческом обществе граница между бедняком и состоятельным человеком проходила по линии: свободный, не имеющий раба, и свободный — рабовладелец. При этом ссылаются на уже указанное место в речи Лисия, а также на Аристотеля. Аристотель писал: «У бедных роль раба выполняет вол» (ὁ γαρ βοῦς ἀντ᾽οἰκέτου τοῖς πένησίν ἐ᾽στίν. Polit. I, 1, 6, 1252b, 12). Однако имеются определенные сомнения в таком толковании. В другом месте Аристотель, возвращаясь к этому вопросу, несколько модифицирует свой ответ: τοῖς γὰρ ἀπόροις ἀνάγκη χρῆσθαι καὶ γυναιξὶ καὶ πασὶν ὥσπερ ἀκολούθοις διὰ τὴν ἀδουλίαν. Polit. VI, 5, 13, 1323a, 5—6). Обычно это место переводят: «У бедняков женщины и дети выполняют роль слуг из-за отсутствия рабов» [72]. Однако, как считает Дж. Э. М. Сэн Круа [73], в данном контексте (да и в других местах) более правильным было бы переводить не «бедные» а «неимущие». Таким образом, видимо, можно считать, что с точки зрения представлений греков, наличие и отсутствие раба являются границей не между бедным и состоятельным, а между неимущим и имущим. Показательны упоминания о рабах в двух различных речах, произнесенных разными лицами и в разное время. В одной из речей Лисия Калий говорит на суде:

«Рабы есть у всех» (V, 5); у Демосфена Апполодор обращается к судьям со словами: «Вы все господа и я был господином» (XLV, 90) [74]. В проектах переустройства общества, создания «идеального» полиса обязательным элементом является базис из массы рабов. Это касается как серьезных проектов Платона и Аристотеля [75], так и комических проектов Аристофана. Выше упоминалось о «проекте», представленном в комедии «Плутос», но эти же идеи мы находим и в комедии «Женщины в народном собрании». Главная героиня комедии Праксагора предлагает покончить с положением, при котором один имеет много рабов, а у другого нет даже одного (ст. 593). Решение ее — обобществление рабов, как и всего имущества граждан. Рабы по этому проекту должны будут обрабатывать землю, а граждане будут проводить время в праздности (ст. 650—651).

В том проекте, который разрабатывал Ксенофонт в трактате «О доходах», также основу составляют рабы, которые должны трудиться в Лаврионских рудниках. Предусматривается иметь по три раба на одного гражданина (Vect., IV, 17).

С точки зрения античного общества, владение рабами обеспечивало благосостояние не только отдельного человека, но и полиса в целом. В этом отношении чрезвычайно показательно рассуждение автора «Оксиринхской истории», утверждавшего, что благосостояние Фив началось с момента Декелейской войны, когда беотийцы за бесценок скупали рабов и всякую другую военную добычу (Hell. Oxyrhyn., 12, 3—4) *. Отметим также, что с точки зрения древнегреческих представлений, существует «вечный и неизменный» закон, согласно которому побежденные становятся рабами победителей (Xenoph. Cyrop., 5, 73; Arist. Polit. 1, 2, 16, 1255a, 6—7).

Итак, афинское общество классической эпохи предстает перед нами как типичнейшее рабовладельческое общество с характерными особенностями в экономике, имущественных отношениях, социальной психологии, идеологии.

Естественно, что общество этого типа должно было оформить свою государственную структуру, создать «машину» для обеспечения господства одного класса над

* Видимо, с этим сообщением связано свидетельство Фукидида о бегстве к спартанцам в Декелею 20 тыс. афинских рабов (Thuc., VII, 27, 5).

другим [76], в данном случае для господства класса рабовладельцев над классом рабов. Хотя в современной литературе иногда утверждается, что рабы не являлись классом [77], однако это мнение не может быть принято [78]. Несколько сложнее обстоит проблема с определением класса рабовладельцев. Нам кажется, что в основном границы гражданского коллектива совпадают с границами класса рабовладельцев. Как отмечалось выше, основная масса граждан, за исключением беднейших, обладала рабами. Кроме того, к этому классу относилась и часть метеков. Мы отмечали выше наличие в Афинах ряда богатых метеков, однако основная масса их, видимо, жила за счет своего труда, не эксплуатируя чужого труда [79].

Совпадение в основном гражданского коллектива и класса рабовладельцев в Афинах должно было сказаться решающим образом на процессе формирования государственности в Аттике. В силу этого государственные структуры не создавались заново, процесс был иным: по мере развития рабства и становления рабовладельческих отношений полис сам постепенно приобретал функции государства, превращался в гарантию беспрепятственной эксплуатации рабов рабовладельцами. Развитие рабства, превращение все большего числа полноправных граждан полиса в рабовладельцев должно было усиливать эту функцию полиса.

Таким образом, государство в Афинах должно было иметь определенные специфические черты. Эта специфика определялась следующим обстоятельством: государство развивается на базе уже сложившейся полисной общинной структуры. К. Маркс и Ф. Энгельс очень ярко вскрыли эту особенность государства в условиях античного рабовладельческого общества: «Граждане государства лишь сообща владеют своими работающими рабами и уже в силу этого связаны формой общинной собственности. Это — совместная частная собственность активных граждан государства, вынужденных перед лицом рабов сохранять эту естественно возникшую форму ассоциации» [80]. Необходимость придания полису черт государства диктовалась, естественно, тем обстоятельством, что в Аттике был очень высокий процент рабов по отношению к свободному населению, более высокий, чем, например, в США, накануне отмены рабства, и, что особенно важно, очень высокий процент взрослых мужчин-рабов по отношению к взрослым мужчинам-гражданам.

Афиняне прекрасно сознавали государственную функ-

цию полиса. Для того чтобы подтвердить этот тезис, достаточно привести один отрывок из диалога Платона «Государство», хотя он достаточно длинен (Resp. IX, 578d—579a):

«... При рассмотрении этого вопроса надо, по-моему, исходить из следующего...

— Из чего именно?

— Да из того, в каком положении находится любой из богатых граждан, владелец многих рабов (ἑκάστου τῶν ἰδιωτῶν ὅσοι πλούσιοι ἐν πόλεσιν ἀνδράποδα πολλὰ κέκτηνται).

— Эти люди очень похожи на тиранов, тем что им подвластны многие: разница только в том, что тирану подвластно больше народу (οὗτοι γὰρ τοῦτογε προσόμοιον ἔχουσι τοῖς τυράννοις, τὸ πολλῶν ἄρχειν, διαφέρει δὲ τὸ ἐκείνου πλῆθος).

— Да, в этом вся разница.

— Как ты знаешь, такие люди живут спокойно и не боятся своей челяди (οὐ φοβοῦται τοὺς οἰκετας).

— С чего же им бояться?

— Да не с чего. Но понимаешь ли ты, что этому причиной?

— Да то, что любому из частных лиц приходит на помощь все государство (ὅτι γε πᾶσα ἡ πόλις ἑνι ἑκάστω βοηθεῖ τῶν ἰδιωτῶν).

— Вот именно. Ну, а если кто из богов возьмет такого человека, имеющего пятьдесят или больше рабов (ἀνδράποδα), и перенесет его в пустыню из полиса (ἐκ τῆς πόλεως) вместе с женой, детьми, челядью (τῶν οἰκετῶν) и со всем имуществом — туда, где не найдешь свободнорожденных людей, чтобы оказать ему помощь (μεδεὶς τῶν ἐλευθέρων μέλλοι βοηθήσειν) — сколько бы у него, по-твоему, возникло разных опасений, страхов за себя, за детей и за жену, как бы их всех не погубила челядь (μὴ ἀπόλοιντο ὑπὸ τῶν οἰκετῶν)?

— По-моему, он всегда был бы в страхе.

— Разве не стал бы он заискивать кое перед кем из своих рабов (τῶν δούλων), не давал бы разные обещания, не начал бы отпускать их на волю без всякой надобности (ἐλευθερουν οὐδὲν δεόμενος)? Он сам оказался бы льстецом у своей прислуги (θεραπόντων).

— Это для него неизбежно: иначе он погибнет.»

Это место, действительно, очень показательно. Для афинян совершенно несомненно, что обеспечивает господство над рабами каждому из рабовладельцев вся сово-

купность граждан — полисный коллектив. Эта идея присутствует и у Ксенофонта в «Гиероне», где утверждается, что граждане являются бесплатными телохранителями друг друга от своих рабов (Xenoph. Hiero, IV, 3)[81].

Эта идея, выраженная самими греками, представляется нам совершенно правильной. Полис, ставший государством, выступает в роли гаранта существующего рабовладельческого строя, гарантом эксплуатации каждым свободным рабовладельцем своего раба. Нам кажется, что в полисах такого типа, как афинский, где число рабов по отношению к свободным было весьма велико, неизбежным результатом было развитие и укрепление демократического строя. Идея о связи античной демократии с рабовладением — не новая [82]. Однако эта проблема обычно решается следующим образом: развитие рабовладения освобождало гражданина Афин от физического труда и давало ему возможность использовать свое освободившееся время для занятий политикой. Нам кажется, что эта проблема должна решаться в ином аспекте. Мы приводили выше мысль К. Маркса и Ф. Энгельса относительно влияния рабства на развитие полиса — рабство усиливало тенденцию к единству гражданского коллектива перед лицом угрозы со стороны рабов. В условиях Греции, Афин в частности, этот принцип, с нашей точки зрения, должен был проявляться в углублении демократии, привлечении к государственной деятельности (включению тем самым в «машину» государства) как можно большего числа граждан и воспитанию у них постоянного чувства сопричастности ко всем делам полиса, выработки у них сознательной социальной позиции, постоянной готовности к деятельности. Демократический рабовладельческий полис мог быть жизненным только в том случае, если основная масса гражданства политически и социально активна, причем эта активность направлена в значительной мере вовнутрь — на контроль над массой рабов. Насколько мы можем понять, именно таков был «стиль» афинской демократии.

Наиболее отчетливо основные принципы афинской демократии эпохи ее расцвета выражены в так называемой «надгробной речи» Перикла (Thuc., II, 35—46). Не касаясь всего содержания речи Перикла, отметим только те пункты в ней, которые важны для рассматриваемой проблемы. Перикл отмечает следующие характерные особенности политического строя Афин: в управлении городом участвуют не немногие, а большинство; избрание на государственные должности определяется только личными до-

стоинствами, способностью служить полису, а не принадлежностью к определенному сословию, богатством, происхождением (Thuc. II, 37). Далее отмечается, что бедность не является позором, позор же состоит в том, что человек не стремится избавиться трудом от бедности (II, 47). Особо Перикл отмечает, что в Афинах гражданин должен одновременно заниматься и частными и государственными делами. При этом все граждане хорошо разбираются в политических проблемах, несмотря на то что каждый занят своим ремеслом. По словам Перикла, бесполезным обывателем в Афинах считается именно тот человек, который не занимается общественной деятельностью. Решения же надо принимать только после открытого обсуждения вопросов (Thuc., II, 40).

Таким образом, весь пафос речи Перикла заключается в прославлении афинского строя, который является демократией не только по названию, но и по существу: участие в управлении делами государства всего коллектива граждан, сознательная ориентированность строя на постоянное привлечение к политической деятельности всех граждан и осуждение — уклоняющихся от нее.

Рассмотрение «системы» афинской демократии подтверждает этот вывод. Высшая власть в полисе принадлежала народному собранию, экклессии, в которой имели право участвовать все полноправные граждане. В Афинах правящий демократический режим принимал меры для того, чтобы все рядовые граждане могли принимать участие в заседаниях народного собрания. Для этого после 400 г. до н. э. вводится плата за участие в заседаниях, компенсирующая возможную потерю дневного заработка. Эффективность деятельности народного собрания обеспечивалась частыми его заседаниями: 40 регулярных заседаний в год, а кроме того, еще некоторое количество чрезвычайных заседаний. Видимо, справедливо предлагаемое некоторыми исследователями определение этой системы как «прямая демократия» [83].

Важную роль играл и Совет — Буле. Попытки противопоставить Совет как орган более олигархический Народному собранию — несостоятельны [84]. Отсутствие всяких ограничений при выборе булевтов, избрание их по жребию, запрещение дважды быть членом Совета в течение жизни — все это делало афинское Буле подлинным выражением интересов афинского гражданства. Необходимо также подчеркнуть массовый характер Совета. Он состоял из 500 членов. Система пританий (дежурных частей Со-

вета) способствовала регулярному участию всех членов в его деятельности. Крайне важным обстоятельством было то, что Совет заседал ежедневно.

Помимо Буле в Афинах, как и в некоторых других полисах, сохранял некоторую роль и старый досолоновский и доклисфеновский Совет — Ареопаг. Превратившись в специальный суд по религиозным вопросам, утратив почти все свое политическое значение, он тем не менее продолжал существовать и иногда даже проявлял признаки политической активности. Однако в связи с изменением системы комплектования он утратил роль главного органа олигархии. Нашей задачей в данной работе, однако, не является выявлять функции и характер всех органов управления Афин. Наша задача определяется теми целями, которые мы поставили — показать, что вся система управления полиса была ориентирована на массовое привлечение к управлению граждан. В связи с этим мы подчеркнем, что и Совет Ареопага служил этой цели. К сожалению, мы не знаем его численного состава.

В Афинах существовала система очень большого числа выборных магистратур [85]. Ведущими принципами их деятельности были: коллегиальность, частая сменяемость, полная подотчетность демосу, что исключало всякую возможность развития личной власти [86]. Не претендуя на полноту и не стремясь хоть как-то очертить функции различных магистратур, перечислим их так как они даны Аристотелем в его очерке конституционного устройства афинского полиса: коллегия архонтов из девяти человек (в помощь им выделялись: секретарь, два помощника архонту-царю, два — архонту-полемарху), коллегия 10 стратегов, кроме них, военными делами занимались 10 таксиархов, два гиппарха, 10 филархов и специальный гиппарх на о. Лемнос, упомянем также казначея воинских сумм; заведующего зрелищным фондом; 10 казначеев богини Афины; 10 полетов; 10 астиномов; 10 агораномов; 10 метрономов; 35 хлебных надзирателей; 10 портовых попечителей; комиссию из 10 человек, отвечающих за ремонт храмов; попечителя водопроводов; коллегия 11; государственный секретарь; 10 аподектов; 10 эвфинов и 20 их помощников; пять докладчиков; не менее 51 человека отвечало за подготовку эфебов; комиссия 40; комиссия пяти по строительству дорог; 10 логистов; 10 синегоров; 10 гиеропеев; так называемых 10 годичных; архонт на Саламине; демарх в Пирее; 42 эпонима призывных возрастов. Магистраты местного уровня — 10 филобасилеев; 10 алфофетов;

100 демархов. Имелась также комиссия каталогов, отвечающая за составление списка военнообязанных гоплитов (численность ее неизвестна). В структуре полиса важная роль принадлежала магистратам, отвечающим за проведение общенародных торжеств: три хорега для трагедий; пять хорегов для комедий; хореги (число их неизвестно) для Дионисий и Фаргелий. Сюда же необходимо, видимо, включить 10 попечителей Великих Дионисий, хорега и архифеора, отправляемых на о. Делос, и т. д. Упомянем также должностных лиц, посылавшихся на о. Самос, Скирос, Лемнос и Имброс. Их точного числа мы не знаем.

Чрезвычайно большую роль в жизни Афин играл народный суд [87]. Каждый год по жребию избиралась Гелиэя (Народный суд), состоящая из 6000 членов (по 600 от каждой филы). Судили обычно комиссии из 501, иногда 1001 или 1501 членов. В самых важных случаях собиралась Гелиэя в полном составе. Заседания суда, по подсчетам современных исследователей, имели место примерно 300 раз в год. Члены суда получали плату 3 обола в день.

Наконец, необходимо указать на такой важный институт афинского полиса, как триерархия (наиболее важная форма литургий). Богатые граждане привлекались полисом для оснащения построенных за государственный счет боевых кораблей — триер. Они, по всей видимости, в той или иной форме участвовали в подборе экипажа и т. д. Существовали и другие виды литургий. Это была форма использования энергии и имущества граждан в интересах полиса.

Как видим, к повседневной политической, организационной и юридической деятельности в рамках полиса постоянно привлекались сотни и тысячи афинских граждан. Эта деятельность способствовала выработке у них чувства постоянной приобщенности к делам полиса, четкой и ясной социальной позиции, постоянной готовности к действию. Афинская демократия, имевшая своим базисом рабовладение, для того чтобы существовать, должна была создать именно такую систему и именно такого гражданина.

Таким образом, можно полагать, что та специфическая форма общественной организации, какую представляет афинский полис классической эпохи, является в значительной мере результатом трансформации полиса в государство под влиянием массового развития рабства «классического типа».

[1] *Кошеленко Г. А.* Полис и город: к постановке проблемы // ВДИ, 1980. № 1.

[2] В понимании гомеровского общества мы разделяем точку зрения Ю. В. Андреева, концепция которого, как представляется, наиболее адекватно отражает сущность его. См.: *Андреев Ю. В.* Раннегреческий полис. Л., 1976.

[3] *Snodgrass A. M.* Barbarian Europe and Early Iron Age Greece // Proceedings of the Prehistoric Society. 1965. N 31. P. 229—240; *Finley M. I.* Archaeology and History // *Finley M. I.* The Use and Abuse of History. L., 1975. P. 99.

[4] *Lévêque P.* L'aventure grecque. P., 1964. P. 111.

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 108.

[6] *Доватур А. И.* Рабство в Аттике VI—V вв. до н. э. Л., 1980. С. 7. *Ferrara G.* La politica di Solone. Napoli, 1964.

[7] *Ruschenbusch E.* Σόλωνος νόμοι // Historia Einzelschriften. 1966, Heft 9.

[8] *Starr Ch. G.* The Economic and Social growth of Early Greece. 800—500 B. C. N. Y., 1977. P. 55—77.

[9] Возможен, правда, и другой путь — разрушение старой системы землепользования, увеличение земельных владений аристократов. Однако этот путь не имел решающего значения (см.: *Starr Ch. G.* The Economic... P. 156).

[10] *Lévêque P.* L'aventure... P. 131.

[11] *Jeffery L. H.* Archais Greece. The City-States c. 700—500 B. C. N. Y., 1976. P. 85.

[12] *Доватур А. И.* Рабство в Аттике... С. 19.

[13] *Доватур А. И.* Рабство в Аттике... С. 13; *Зельин К. К.* Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н. э. М., 1964. С. 56—61.

[14] *Jeffery L. H.* Archaic Greece... P. 94, 40.

[15] *Starr Ch. G.* The Economic... P. 154.

[16] *Андреев Ю. В.* Раннегреческий полис... С. 104 и сл.

[17] *Jeffery L. H.* Archaic Greece... P. 94.

[18] *Snodgrass A. M.* The Hoplite Reform and History // Journal of Hellenic Studies. 1965. 85. P. 110—122.

[19] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 115.

[20] *Gernet L.* Droit et institutions en Gréce antique. P., 1982. P. 215—218.

[21] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 73.

[22] Подробнее см.: *Finley M. I.* Esclavage antique et idéologie moderne. P., 1981. P. 112. М. И. Финли отмечает три условия, необходимые для развития рабства классического типа: 1) частная собственность на землю и достаточно заметный уровень концентрации земли, требующий дополнительной рабочей силы, помимо труда членов семьи; 2) достаточно развитые товарно-денежные отношения и рынок; 3) отсутствие возможности привлечь внутренние (для данного общества) источники рабочей силы. Все эти условия существовали в Афинах времени после реформ Солона и Клисфена. См. также: *Mossé Cl.* Les dépendants paysans dans le monde grec à l'époque archaïque et classique // Terre et paysans dépendané dans les sociétés antiques. P., 1979.

[23] Ф. Энгельс указывал: «При исторических предпосылках древнего, в частности греческого, мира переход к основанному на классовых противоположностях обществу мог совершиться только в форме рабства» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20, С. 186).

[24] *Nouhaud M.* L'utilisation de l'histoire par les orateurs attiques. P. 1982. P. 190.

[25] Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть, что нельзя считать войну фактором, создающим рабовладение классического типа. Как справед-

ливо указывалось многими исследователями последнего времени (см., например: *Finley M. J.* Esclavage . . . , p. 112) зависимость здесь была обратной: необходимость в рабах приводила к усилению агрессивности во внешней политике.

[26] *Meiggs R.* The Athenian Empire. Oxford, 1972.

[27] *Schuller W.* Die Herrschaft der Athener im Ersten Attischen Seebund. Berlin; New York, 1976.

[28] *Mossé Cl.* Athens in Decline. 404—86 B. C. L.; Boston, 1973. P. 16.

[29] *Jones A. H. M.* Athenian Democracy. Oxford, 1957.

[30] *Доватур А. И.* Рабство . . . С. 71.

[31] *Garlan Y.* Les esclaves en Grèce ancienne. P., 1982. P. 75—77; *Ste Croix de G. E. M.* The Class Struggle in the Ancient Greek World. L., 1981. P. 505—509.

[32] *Ste Croix de G. E. M.* The Class . . . P. 505.

[33] *Garlan Y.* Les esclaves . . . P. 76; *Mossé Cl.* La fin de la démocratie athénienne. P. 1962. P. 54, 57.

[34] *Garlan Y.* Les esclaves . . . P. 76.

[35] *Garlan Y.* Les esclaves . . . P. 73; *Ste Croix de G. E. M.* The Class . . . , p. 505; *Levy E.* Les esclaves chez Aristophanes // Actes du colloque 1972 sur l'esclavage. P.; Besançon, 1974.
Относительно ценности Аристофана как источника, отражающего повседневную жизнь Афин, см.: *Mossé Cl.* La fin . . . P. 73; *Vogt J.* Ancient Slavery and the Ideal of Man. Cambridge (Mass.), 1975.

[36] Обратим внимание на многообразие терминов, прилагаемых в тексте к Кариону: он сам называет себя δούλος (стк. 2), затем νεραπῶν (стк. 3,5), наконец, Хремил говорил о нем, как об одном из τῶν οἰκετων (стк. 26). В связи с этим укажем, что мы полностью солидарны с мнением А. И. Доватура о том, что все исследования относительно терминов, обозначающих рабов, в применении к классической эпохе бесполезны (см.: *Доватур А. И.* Рабство в Аттике . . . , с. 29).

[37] *Казакевич Э. Л.* Рабы как форма богатства в Афинах IV в. до н. э. (по данным речей Демосфена) // ВДИ, 1958, № 2; *Hervagault M.-P., Mactoux M.-M.* Esclaves et société d'après Démosthénes. — In: Actes du colloque 1972 sur l'esclavage. P.; Besançon, 1974.

[38] *Plato.* Ion. 10. 540 c. *Ленцман Я. А.* Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963, с. 540; *Demosth.* XLVII; см. также: *Hervagaut M.-P., Mactoux M.-M.* Esclaves . . . , p. 80—81.

[39] *Dunant F.* L'esclavage dans Lysias. — In: Actes du colloque d'histoire sociale. P.; Besançon, 1972.

[40] *Dunant F.* L'esclavage . . . P. 119.

[41] *Глускина Л. М.* Имущественные отношения и рабство в Аттике IV в. до н. э. по речам Исея // Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М.; Л., 1963. С. 228.

[42] *Plato.* Legg. 761 a; подробнее см.: *Garlan Y.* Les esclaves. . . , p. 76.

[43] *Jones A. H. M.* Slavery in the Ancient World // Slavery in Classical Antiquity. Views and Controversies / Ed. by M. I. Finley, 1960. P. 1—15.

[44] *Garlan Y.* Les esclaves . . . P. 76; *Hervagault M.-P., Mactoux M.-M.* Esclaves . . . P. 80; *Mossé Cl.* La fin . . . P. 56.

[45] *Garlan Y.* Les esclaves . . . P. 76.

[46] *Westermann W. L.* The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955.

[47] *Доватур А. И.* Рабство в Аттике . . . С. 70—71.

[48] Подробнее см.: *Доватур А. И.* Рабство в Аттике . . . С. 71—72; *Garlan Y.* Les esclaves . . . P. 77. 78; *Mosse Cl.* La fin . . . P. 70.

[49] В ней бесспорно работали рабы. См.: Schol. in Aristoph. Equit. 44 (ὁ πατὴρ αὐτοῦ κλεώνυμος ἐργαστήριον ἐιχε δοῦλων βυροδεψῶν).

[50] *Доватур А. И.* Рабство в Аттике ... С. 72.

[51] В речи говорится о 120 рабах (*Lys.* XII, 19), но явно какая-то часть из них являлась прислугой в домах богатых метеков.

[52] *Hervagault M. P., Mactoux M. M.* Esclaves ... P. 81—82.

[53] Ibidem.

[54] *Глускина Л. М.* Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975, с. 96.

[55] *Hervagault M. P., Mactoux M. M.* Esclaves ... P. 103.

[56] *Глускина Л. М.* Проблемы ... С. 144—168; *Lauffer S.* Die Bergwerksslaven von Laureion. Wiesbaden, 1956. T. 1. S. 161.

[57] *Доватур А. И.* Рабство в Аттике ... С. 75; *Westermann L.* The Slave. . ., P.,13; *Perotti E.* Esclaves χωρις οἰκοῦντες // Actes du colloque 1972 sur l esclavage. P.; Besancon, 1974; *Perotti E.* Contribution à l'étude d'une categorie d'esclaves attiques: les ἀνδράποδα μισθοφοροῦντα // Actes du colloque 1973 sur l'esclavage. P.; Besancon, 1976.

[58] *Ste Croix de G. E. M.* Karl Marx and the History of Classical Antiquity // Arethusa, 1975. V. 8. N 1. P. 506.

[59] При этом лавка совмещается с парфюмерной мастерской. Кроме Мидаса, в этом предприятии участвуют двое его сыновей. См.: *Глускина Л. М.* Проблемы ... С. 122; *Казакевич Э. Л.* О рабах-агентах в Афинах // ВДИ, 1961. № 3.

[60] *Доватур А. И.* Рабство в Аттике. . . С. 73—74; *Глускина Л. М.* Проблемы. . . С. 55—56.

[61] *Доватур А. И.* Рабство в Аттике. . . С. 73, 74; *Казакевич Э. Л.* О роли ранних форм капитала в Афинах IV в. до н. э. // ВДИ, 1958. № 2; *Она же.* О рабах-агентах в Афинах; *Глускина Л. М.* О некоторых аспектах кредитно-денежных операций в Аттике IV в. до н. э. // ВДИ, 1970. № 3.

[62] *Boeck A.* Die Staatschaushaltung der Athener. Berlin, 1896. Bd. 1. S. 42; *Beloch J.* Die Bevölkerung der griechisch-romischen Welt. Leipzig, 1886; *Meyer E.* Forschungen zur alten Geschichte. Halle, 1899. Bd. 2. P. 149—195; *Sargent R. L.* The size of the slave population of Athens during the fifth and fourth centuries B. C. Oxford, 1933; *Ehrenberg V.* The Greek State. L., 1969. P. 28—38; *Gomme A. W.* The population of Athens in the fifth and fourth centuries B. C. Oxford, 1933; *Mossé Cl.* La fin. . . P. 181; *Ленцман Я. А.* Рабство. . . С. 11; *Доватур А. И.* Рабство в Аттике. . . С. 29.

[63] *Hume D.* Essays Moral, Political and Literrary. L., 1912. T. 1. P. 419—722.

[64] Однако, как справедливо указывала К. Моссе (*Mossé Cl.* La fin. . . P. 181, 182), ситуация с данным сообщением не столь проста, как это кажется на первый взгляд. Помимо указаний на численность рабов в Аттике (согласно Ктесиклу), у Афинея имеются аналогичные указания на большую общую численность рабов на Эгине — 470 тыс. (согласно Аристотелю) и в Коринфе — 460 тыс. (согласно Тимею). Таким образом, необходимо отвергать как недостоверные свидетельства не одного, а трех авторов. Кроме того, все авторы принимают как достоверные сообщения Ктесикла-Афинея относительно числа граждан и метеков. В таком подходе не чувствуется логики. См. также замечания Я. А. Ленцмана (*Ленцман Я. А.* Рабство. . . С. 13 и сл.).

[65] *Stampp K.* The Peculiar Institution. Slavery in the Anti-Bellum South. N. Y., 1956. P. 29, 30, 33.

[66] *Ste Croix de G. E. M.* The Class. . . P. 55:

[67] *Jones A. H. M.* Slavery. . .; *Jones A. H. M.* Athenian. . .

[68] *Доватур А. И.* «Политика» и политии Аристотеля. М.; Л., 1965. С. 22 и сл.

[69] *Доватур А. И.* «Политика» ... С. 23.
[70] Подробнее см.: *Доватур А. И.* Рабство в Аттике... С. 87.
[71] Там же. С. 102.
[72] Там же. С. 43.
[73] *Ste Croix de G. E. M.* The Class... P. 59.
[74] Цит. по: *Доватур А. И.* Рабство в Аттике... С. 42—43.
[75] *Кошеленко Г. А.* Градостроительная структура «идеального» полиса (по Платону и Аристотелю) // ВДИ, 1975. № 1.
[76] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 73.
[77] *Vidal-Naquet P.* Les Esclaves grecs etaient-ils ûne classe? — In: Ordres et classes. Colloque d'histoire sociale. P., La Haye, 1973. P. 29—36.
[78] *Ste Croix de G. E. M.* Karl Marx . . P. 7—14.
[79] В этом отношении чрезвычайно показательны данные афинских надписей конца IV в. до н. э. (к которым мы уже обращались) с посвящениями фиал божеству рабами, получившими свободу. Число метеков-манумиссоров во много раз меньше, чем число граждан-манумиссоров. Примерно из 300 имен на долю метеков приходится только немногим более 20. Подробнее см.: *Глускина Л. М.* Проблемы... С. 58.
[80] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 21.
[81] Подробнее см.: *Ste Croix de G. E. M.* The Class... P. 65.
[82] См., например: *Lauffer S.* Die Sklaverei in der griechisch-römischen Welt // XI-e Congres International des Sciences Historiques, Stockholm, 21—28 aout 1960. Rapports. V. 2. S. 71—97.
[83] *Ehrenberg V.* The Greek... P. 59.
[84] *Will E.* Le monde grec et l'Orient. Le V-e siécle. P., 1980. P. 451.
[85] *Arist.* Resp. Ath., 47 и далее (о них см.: *Rhodes P. J.* A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia. Oxford, 1981.
[86] *Will E.* Le monde... P. 453.
[87] *Will E., Mossé C., Goukowski P.* Le monde grec et l'Orient. Le IV-e siècle et l'époque hellénistique. P., 1975. P. 145.

Б. В. Андрианов

РОЛЬ ИРРИГАЦИИ В СТАНОВЛЕНИИ ДРЕВНИХ ГОСУДАРСТВ (на примере Средней Азии)

Одной из сложнейших теоретических проблем, разрабатываемых комплексом исторических наук, является проблема перехода от первобытности, первичной социально-экономической формации, ко вторичной, классовой формации, основанной на частной, эксплуататорской собственности и государственной власти. Роль археологической науки в решении этой проблемы велика: по остаткам средств производства исчезнувшего общества может быть воссоздан и общественно-экономический строй его, подобно тому как по ископаемым костям древнего животного восстанавливается его внешний облик [1].

В странах с засушливым климатом и долинах «исторических рек», где и зародились самые древние государства Востока, роль таких «ископаемых костей» безусловно играют остатки древних оросительных систем, представлявших главный хозяйственный «костяк» древнеземледельческих цивилизаций. Широко известны высказывания классиков марксизма об исключительно важной роли ирригации в истории древних цивилизаций стран Востока [2].

Что нам известно о древних оросительных системах и как исторически развивалась ирригационная техника в странах с засушливым климатом? Каковы зональные различия ирригаций? И как эти зональные различия в ирригационной технике отражались на социальной истории древних обществ?

Ответы на эти вопросы дают многолетние археологические и историко-этнографические исследования в Средней Азии.

С каждым годом выявляется все новый археологический материал, характеризующий историю возникновения и развития орошаемого земледелия в древнейших «вавиловских» очагах производящего хозяйства [3]. На территории Советского Союза археологи выявили три древнейших очага, или центра земледелия: Кавказ (Закавказский центр), Южный Туркменистан (Прикаспийский центр) и Северное Причерноморье. Все они связаны с более древним Юго-Западноазиатским очагом, выделенным Н. И. Вавиловым.

Исследования археологов, палеоэтноботаников и палеозоологов позволили уточнить хронологию и границы многих «вавиловских» центров, выделить в некоторых из них субцентры первичной доместикации. Так, например, Г. Н. Лисицына и Л. В. Прищепенко предложили разделить Юго-Западноазиатский и Средиземноморский очаги на семь отдельных центров: 1) Южноанатолийский; 2) Восточносредиземноморский; 3) Восточноанатолийский; 4) Загросский; 5) Закавказский; 6) Месопотамский; 7) Прикаспийский [4].

Примитивные ирригационные навыки могли возникнуть в некоторых горных долинах Юго-Западной Азии еще на «доземледельческой» стадии среди «мезолитических собирателей урожая» [5]. Дальнейшее распространение ирригационных навыков и орошаемого земледелия — сложный и длительный историко-культурный процесс постепенного и крайне разнообразного в различных экологических условиях использования природных растительных и водных

ресурсов [6]. Важную роль в этом сыграли историко-культурные контакты. В Средней Азии, в зоне преимущественного влияния Прикаспийского центра, четко прослеживаются контактные и культурные связи между горно-ручейковым и лиманным земледелием VI—V тысячелетия до н. э. в предгорьях Копетдага (Джейтунская раннеземледельческая культура), геоксюрским дельтовым земледелием и каналами IV—начала III тысячелетия до н. э., земледелием и ирригацией эпохи бронзы на юге Узбекистана (Сапаллитепа) и более поздними очагами, как, например, дельтовая ирригация тазабагъябских племен Хорезма периода бронзы и земледельческо-скотоводческим населением Ферганской долины — носителями чустской культуры (бронза и раннее железо).

Здесь нельзя не напомнить, что на равнинах Средней Азии, по берегам Амударьи и Сырдарьи, а также в северо-восточной части зоны предгорий в это время особенно явственно скрещивались пути культурных контактов степных скотоводческо-земледельческих племен с оседлоземледельческим населением юга, относительно более продвинутым в социальном развитии и достигшим, по данным В. М. Массона, В. И. Сарианиди, А. Аскарова, к тому времени в нескольких очагах уровня протогородских цивилизаций [7]. В первой четверти I тысячелетия до н. э., по мнению М. М. Дьяконова, С. П. Толстова, В. М. Массона, племена, населявшие тогда Среднюю Азию, вступили в период разложения первобытнообщинного строя и становления ранних государственных образований.

Какова же роль ирригации, ирригационной техники, особенности эксплуатации ирригационных систем в этом важном периоде древней истории среднеазиатских народов?

Здесь нельзя не напомнить, что существуют разные концепции решения теоретической проблемы «ирригация — государство» [8]. Некоторые исследователи (например, И. М. Дьяконов, Р. Макадамс) отрицают важное значение ирригационных работ в становлении и развитии государственной власти в долинах «исторических рек» (Нил, Тигр и Евфрат, Инд, Хуанхэ, Амударья). Другие, напротив, резко преувеличивают роль ирригации, и само происхождение древнейших государств связывают только с необходимостью организации водного хозяйства. Среди подобных концепций резко антимарксистскую, точнее антисоветскую, направленность имеет концепция Карла Витфогеля о «гидравлическом» развитии государственности,

изложенная им в широко известной книге «Восточный деспотизм. Сравнительное изучение тоталитарной власти» [9]. Книга пестрит ссылками на К. Маркса, и «азиатский способ производства», примерами из истории древнего Китая, Шумера, Египта, Индии и т. п. В ней масса особой, «гидравлической» терминологии. Однако в этом К. Витфогель не оригинален. Создателем «гидравлических» идей исторического развития человечества следует считать русского революционера, анархиста по своим убеждениям, Л. И. Мечникова, опуликовавшего во Франции в 1889 г. книгу «Цивилизации и великие исторические реки» [10]. Однако попытка Л. И. Мечникова осмыслить исторический процесс зарождения древних цивилизаций в долинах великих рек, руководствуясь географическим детерминизмом, во второй половине XIX в. не была столь реакционна, сколь реакционными стали построения К. Витфогеля 80 лет спустя.

Для книги К. Витфогеля характерна формальная широта постановки проблемы, обильные ссылки на капитальные экономические труды и труды востоковедов, специальная терминология. Все это призвано создать видимость глубокого научного исследования, одеть в пышные академические облачения спекулятивные построения автора.

Главное в концепции К. Витфогеля — обоснование «организационного» пути становления государственной власти. Автор отрицает классовый характер древних государств, считая, что их основой в долинах «исторических рек» служили не система принуждения эксплуатируемых масс, а «организационные», «надклассовые» функции «аппаратного» государства. По его мнению, «гидравлические» идеи деспотизма прошли сложный исторический путь: из древнего Двуречья и Египта в Византию, из Китая — в Монголию и дальше с полчищами Чингисхана в Россию, где и были развиты русскими царями, а от них, мол, недалеко до Советской власти. Эти рассуждения автора были высмеяны историком А. Тойнби, который писал в своей рецензии, что Витфогель не дал убедительных доказательств преемственности «гидравлического» деспотизма в России.

В отличие от К. Витфогеля, защищающего «гидравлический», а точнее «организационный» путь образования государственной власти, марксистско-ленинская концепция исходит из того, что государственная власть — продукт непримиримых классовых противоречий. Государство возникло на определенной ступени общественного

развития, когда произошло разделение общества на классы [11]. Как показывают исследования историков и археологов, во многих областях орошаемого земледелия этот период предшествовал крупному ирригационному строительству.

Но значит ли это, что ирригация — сложная, коллективная форма общественного производства — не играла значительной роли в становлении и судьбах древних государств? Конечно, нет! Тут мы не можем согласиться с противником К. Витфогеля Робертом Мак-Адамсом, который в полемическом задоре вообще отрицает важное значение ирригации в развитии месопотамской цивилизации [12].

Развитие интенсивного регулярного орошаемого земледелия на значительных площадях, расположенных в плодородных долинах «исторических рек» (древние Египет и Месопотамия, несколько позднее — бассейн Инда, еще позднее — бассейны Хуанхэ, Амударьи, Сырдарьи), стало возможным только при условии стабилизации крупных речных протоков, а позднее и главного русла реки, в процессе создания достаточно сложных и мощных гидротехнических сооружений для регулирования паводковых вод. Осуществление этих трудоемких работ на крупных реках было под силу лишь организованным усилиям больших масс населения в пределах ирригационных бассейнов.

Многолетние археологические исследования в разных регионах Средней Азии, особенно на Амударье (С. П. Толстов) и Зеравшане (Я. Г. Гулямов, А. Мухамеджанов), выявили достаточно четкую корреляцию между основными периодами истории среднеазиатских народов и характером ирригационных систем в зоне равнин [13]. В предгорьях, а тем более в горной зоне эти корреляционные связи были выражены слабее, что объясняется различиями в характере и масштабе ирригации этих природных зон. Важным источником истории среднеазиатских народов переходного времени от первобытности к классовым обществам являются древнейшие разделы Авесты-Гаты и Яшты, в основе которых, по-видимому, лежат проповеди исторического лица — Зороастра, жившего не позднее VII в. до н. э.[14] Проповеди содержат большой фольклорный материал восточноиранских народов и сведения о территории, простирающейся от Герата до гор Паропамиза на юге до оазиса Мерва и берегов Аральского моря на севере. В текстах упоминаются речные протоки и искусственные каналы, а также обитатели этих территорий — «арии» и «тура» [15].

Историко-социальная интерпретация авестийских текстов, проделанная С. П. Толстовым, В. В. Струве, М. М. Дьяконовым, И. М. Дьяконовым, В. И. Абаевым раскрыла общую картину борьбы между «арья» — оседлыми земледельцами-скотоводами Дахистана, Маргианы, Согда, Бактрии, Хорезма и «тура» — скотоводческими племенами в долинах крупных рек. Это был и процесс нарастающего кризиса первобытнообщинных отношений, утверждения объединяющей разрозненные восточноиранские племена сильной власти, без которой немыслима организация крупного ирригационного хозяйства, ставшего основой орошаемого земледелия многих среднеазиатских оазисов.

В Средней Азии, как и во многих других областях древнего мира, границы ряда первоначальных государственных объединений первоначально совпали с границами крупных ирригационных систем и зон орошения в низовьях рек Атрека (Дахистан), Сурхандарьи (Бактрии), Мургаба (Маргиана), Зеравшана (Согд), Амударьи (Хорезм) и т. п.[16]

Раньше всего этот процесс получил развитие на юге Средней Азии, в долинах Атрека, Мургаба и Сурхандарьи, где к тому времени уже сложились протогородские центры, достигло высокого развития ремесло (отделившееся от сельского хозяйства), межобщинный обмен, торговля [17]. К тому же организации крупного ирригационного хозяйства здесь способствовали природные условия зоны предгорий. Границы древнейших государств складывались в начале в пределах водных систем. В Бактрии, Маргиане, Дахистане уже на рубеже II и I тысячелетий до н. э. возникают относительно крупные укрепленные поселения и оросительные системы. В Мургабском оазисе в IX—VII вв. до н. э. выросли центры небольших владений и оазисы на основе каналов Гапти-Акар и Гуни-яб [18]. Здесь на северных окраинах дельты Мургаба регулирование небольших протоков и превращение их в магистральные каналы было делом менее сложным и менее трудоемким, чем регулирование полноводных протоков Амударьи. Это и явилось одной из причин того, что относительно крупные оросительные системы были созданы раньше всего на юге Средней Азии в долине Мургаба или Теджена, которые и следует отождествлять с плотиной и каналами на р. Ак (Акес), упоминаемой Геродотом [19].

Археологические исследования Хорезмской экспедиции под руководством С. П. Толстова доказали, что в VI в.

до н. э. в Хорезмском оазисе с его обширными естественными и людскими ресурсами побеждают силы объединения, создается могущественная сако-масагетская военно-демократическая конфедерация племен. На ее основе складывается древнехорезмийское государство с родом сиявушидов во главе [20]. По мнению С. П. Толстова, в формировании раннеантичной культуры Хорезма и культуры низовьев Мургаба участвовали «какие-то родственные племена, которые именно в конце II—начале I тысячелетия до н. э. поддерживали тесные культурные связи» [21].

Под руководством С. П. Толстова были развернуты широкие работы по изучению древней ирригации на основе аэрометодов. Они позволили качественно и количественно охарактеризовать прогресс ирригационной техники в Приаралье и отвергнуть ранее утвердившийся в литературе тезис о неизменности принципов орошения.

Важнейшие изменения в характере ирригации Хорезма соответствовали главным периодам социально-экономического развития общества, переходам от первобытности к общинно-рабовладельческому строю, а от последнего — к феодальному [22].

Прогресс производства как исходный момент социально-экономического развития — это прежде всего процесс роста производительности труда и сокращения необходимых трудовых затрат при получении определенного продукта. В орошаемом земледелии зоны среднеазиатских равнин сокращение трудовых затрат происходило главным образом в сфере ирригационных работ.

Так, археологическое изучение ирригации эпохи бронзы на тазабагъябских поселениях южной Акчадарьинской дельты показало, что строительство оросительных систем началось на боковых регрессирующих дельтовых протоках и старицах небольших внутренних «дельт» Акчадарьи. По своему характеру эти древние протоки весьма сходны и с дельтовыми руслами древнего Двуречья, и с описанными Г. А. Лисицыной дельтовыми руслами Теджена в Геоксюрском энеолитическом оазисе [23]. Дельтовые протоки были обвалованы, на что указывают искусственные валики по берегам. Отводные оросители — от 0,5 до 1,5 м шириной — имели протяженность в несколько десятков метров. Они отходили от русла под прямым, а местами и под острым углом, орошая небольшие поля рядом с тазабагъябскими земледельческими поселками [24].

Раскопки жилищ и археологическое изучение поселе-

ний эпохи бронзы, проведенное в последние годы М. А. Итиной, выявило на поселении Кокча 15 картину перестройки систем орошения: первоначально системы небольших канав отходили под острым углом от распределителей; позднее, когда дельтовый проток и старица высохли, каналы были выведены выше по течению и прошли параллельно руслу, повторяя его изгибы [25].

Системы орошения существовали очень недолго, дельтовые протоки тогда еще не были взяты под контроль населения и ограждены дамбами, поэтому системы быстро приходили в негодность, а «головы» каналов приходилось часто переносить вверх по течению. Орошение тогда производилось по схеме: русло — «голова» — регулируемый поток (выполнявший как бы роль магистрального канала) — ороситель—поле.

Оросительные системы того времени не требовали значительных трудовых затрат и их эксплуатация осуществлялась силами местных сельских общин [26].

Совсем другая картина существовала в архаический период древнего Хорезма, когда создание и поддержание целых искусственных «рек» потребовало колоссальных трудовых затрат, во много раз превышавших трудовые затраты на ирригацию в первобытном Хорезме. Изменился весь характер ирригационного хозяйства. В сфере производства этому предшествовала трансформация всей экономической структуры общества, формирование антагонистических классов, сильной государственной власти и мощного аппарата принуждения земледельцев для организации и поддержания крупного ирригационного хозяйства.

Если в XIX—начале XX в. в Хивинском оазисе на орошение (включая очистку каналов и строительство дамб) приходилось почти 43 % всех трудовых затрат земледельцев, что составляло 7—8 млн. рабочих дней в год, то в древности при менее совершенных оросительных системах и орудиях труда трудовые затраты были значительно выше. Расчеты численности населения древних оазисов в низовьях Амударьи и трудовых затрат, необходимых для очистки каналов, позволили сделать вывод о том, что в тот период появилась необходимость в непрерывном притоке рабочих рук в оазис [27]. В исторических условиях того времени это был насильственный пригон покоренных соседних народов; это был труд людей, не связанных непосредственно с полеводством, которое велось местной земледельческой общиной. Это простейшее разделение труда способствовало зарождению и развитию в Хо-

резме рабовладельческого способа производства. Его главные особенности в зоне орошаемого земледелия — общественно-коллективный характер, простая кооперация, сохранение общинного труда в полеводстве и периодическое, более или менее постоянное использование труда военнопленных в ирригации наряду с широким применением труда общинников.

С развитием ирригационной техники и совершенствованием водораспределительной сети шло сокращение трудовых затрат. Так, по расчетам С. П. Толстова, в Хорезме архаического периода (VI—V вв. до н. э.) для постройки канала условной длиной 25 км требовалось 500 тыс. человеко-дней [28]. В зоне его, как показывают данные археологии, жило 4—5 тыс. человек. Трудоспособных мужчин среди них было около полутора тысяч. Им надо было трудиться целый год, чтобы очистить канал. Трудовые затраты в 15—20 раз превышали реальные возможности живших здесь людей. Позднее трудовые затраты благодаря развитию ирригации сократились. К этому времени орошение осуществлялось по схеме: главное русло Амударьи — «голова» — магистральный канал — распределитель — оросительь — поле [29].

Средневековая ирригация Хорезма отличалась дальнейшим прогрессом: более эффективными водорегулирующими устройствами, применением чигирного орошения, что снизило объем необходимых земляных работ по очистке каналов по крайней мере в 5—10 раз. В то же время наблюдался быстрый рост земледельческого населения. В период, когда феодальный строй в Хорезме достиг полного развития, затраты труда на проведение канала условной длиной 25 км сократились до 60—70 тыс. человеко-дней при гораздо большей заселенности — до 15 тыс. человек, что позволило уже осуществлять ирригационные работы силами местного сельского населения.

Сдвиги в производстве не могли не повлиять на изменения в сфере социально-экономических отношений. Развитие и совершенствование ирригационной техники сыграло определенную роль в крушении общинно-рабовладельческого строя Хорезма наряду с факторами варварских нашествий. Более рациональные и экономичные оросительные сооружения средневекового Хорезма ограничили область применения рабской силы, ослабили значение централизованной государственной власти [30].

Здесь нет нужны подробно останавливаться на важном тезисе С. П. Толстова о причинах роста и упадка ирри-

гации Хорезма. Главный вывод его — периоды расцвета орошения в Хорезме полностью совпадали с периодами роста политической централизации, а упадок был вызван опустошительными войнами, ростом феодальной раздробленности [31]. Этот вывод получил детальное обоснование в ходе картографирования археологических памятников на основе аэрометодов в последние десятилетия и достаточно аргументирован в наших исследованиях и публикациях [32].

Многолетние археологические работы по изучению ирригации в Приаралье доказали определенное соответствие между характером оросительных сооружений, уровнем развития производительных сил и господствующими социально-экономическими отношениями. Весьма наглядно сравнение двух крупных историко-культурных районов — Хорезма и низовьев Сырдарьи. Известно, что Сырдарья в два-три раза уже Амударьи, но ее основное русло в низовьях не было укреплено дамбами ни в древности, ни в средние века. Не были здесь созданы и такие обширные системы орошения с многокилометровыми паводковыми магистральными каналами, как, например, в Хорезме и на Зеравшане. На этой территории устойчиво сохранялись восходившие к эпохе бронзы особенности примитивной ирригации и полуоседлого комплексного хозяйства скотоводческо-земледельческо-рыболовного типа, издавна служившего базой консервации патриархально-родового порядка в Приаралье [33].

В среде сакских племен и более поздних обитателей низовий Сырдарьи, основой хозяйства которых было главным образом скотоводство и лишь отчасти орошаемое земледелие, исторически не сложились предпосылки для создания крупного высокоразвитого ирригационного хозяйства. Немалую роль в этом, по-видимому, сыграли также и историко-географические условия этого района, пограничного со степными пространствами, откуда совершались нападения кочевников («туров», позднее — гуннов, тюрков, кимаков, кипчаков и др.). Однако на средней Сырдарье, которая в X—XII вв. входила в тюркское раннефеодальное государство Караханидов, были построены довольно значительные оросительные системы, базировавшиеся на основном, укрепленном дамбой, русле реки. Эти системы имели головные сооружения, ветвистую конфигурацию, значительную протяженность (до 30—40 км) и напоминали средневековые системы Хорезма [34].

Традиции комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства и дельтовой ирригации каракалпаков,

живших на средней и нижней Сырдарье в XIV—XVIII вв., способствовали сохранению у них значительных общинно-патриархальных традиций и родо-племенной организации вплоть до XX в., когда основная их масса уже жила в низовьях Амударьи [35].

Большую работу, хотя и на очень скудном археологическом материале, проделал в свое время в Фергане Б. А. Латынин, который попытался связать развитие ферганской ирригации с глубокой древности по трем ступеням социально-экономической истории: эпохи первобытности, древности (с преобладанием патриархально-рабовладельческих отношений) и раннего феодализма [36]. Создание оросительных систем, базирующихся на крупных водотоках с головными струенаправляющими гидротехническими сооружениями, совпало, по мнению Б. А. Латынина, с развитием государственности — Даваньского царства [37].

Весьма интересные исследования древней и средневековой ирригации Вахшской долины были проведены Т. И. Зеймаль [38], которая выступила с критикой тезиса С. П. Толстова о причинной связи древней ирригационной культуры с рабством. Однако следует заметить, что ирригация долины Вахша в зоне предгорий сильно отличалась по своим скромным масштабам от хорезмской ирригации.

Немалые успехи сделаны в изучении и картографировании земель древнего орошения Бухарского оазиса на основе аэрометодов [39]. Из публикаций А. Мухамеджанова хорошо видно, что для древней Бухары характерны примерно те же коррелятивные закономерности развития ирригационных систем и роста государства в Бухарском оазисе, что и в Хорезме, а именно:

1. В эпоху бронзы и раннего железа, т. е. в период первобытности, преобладали «однократные» лиманные системы орошения, дамбированные русла и небольшие оросители, что не требовало значительных трудовых затрат.

2. В эпоху «общинно-рабовладельческого» (по терминологии С. П. Толстова) государства создаются долговременные мощные системы с регулярной подачей паводковых вод, разнообразными гидротехническими сооружениями, требовавшие, однако, огромных трудовых затрат, которые, впрочем, с прогрессом техники постепенно сокращаются.

3. Средневековая ирригация характеризуется более экономным и эффективным использованием водных ресурсов, широким применением водоподъемных устройств, резко снизивших трудоемкость ирригационных работ, что

вместе с ростом земледельческого населения сделало возможным проведение всего цикла сезонных оросительных работ силами местных сельских общин. Все это обеспечило соответствующие условия для победы новых, феодальных отношений. В средние века совершенствование ирригационной техники, полеводства при уменьшении трудовых затрат и увеличении общей численности населения земледельческих оазисов способствовало значительному подъему орошаемого земледелия, который был прерван монгольским нашествием.

Обзор развития ирригационной техники показал, что в исторических процессах у населения от поколения к поколению развивались и передавались практические навыки орошаемого земледелия, совершенствовались технические приемы ирригации, складывались стабильные формы организации коллективных работ по эксплуатации оросительных систем как на местной, общинной, так и на государственной основе в масштабе крупных водных бассейнов. Организация работ по ирригации на небольших системах было делом общины, которая в XIX в. называлась «топ» или «туп» в Ташкентском оазисе, «кетман» — в Фергане, «кош» — в Зеравшанской долине, «пайкал» — в бассейнах Кашкадарьи и Сурхандарьи, «джабди» — в Хорезме. Общинные традиции играли важную роль при организации ирригационных мероприятий для поддержания в порядке оросительной сети и для распределения воды между водопользователями. Эти ирригационные мероприятия по своему конкретному содержанию в XIX в. были очень разнообразны (хашар, бегар, пайшикан, сарбанд и др.). Общинные традиции в ирригационных работах особенно явственно проявились в «хашарах» по ремонту и эксплуатации оросительных систем. Это были работы разного масштаба как на мелкой кишлачной сети, так и на более крупных системах. С древних времен государство, используя общинные традиции, организовывало на принудительной повинностной основе крупные ирригационные работы. Это были: сооружение новых каналов, очистка и ремонт крупных систем, водозахватывающих дамб и т. п. Крупные ирригационные мероприятия требовали организованных коллективных усилий многих сотен и тысяч людей. Организация подобных работ находилась в ведении центральной власти и судя по письменным источникам была широко распространена в странах Передней и Средней Азии [40]. О натуральной повинности «хашар ва бегар» упоминает, например, хорезмшах Текеш (1172—1200)

в письме к своему сыну — правителю Дженда — Меликшаху [41]. В раннем средневековье строительство новых оросительных систем путем принудительного труда крестьян расценивалось как народное бедствие, однако ирригационные работы были необходимы.

Трудовая повинность бегар — древнего происхождения. Сам термин, по мнению И. П. Петрушевского, пехлевийский [42]. Возможно, что он возник на основе греческого слова «ангарейя», которое, вероятно, в свою очередь восходит к ассирийскому специальному термину, обозначавшему «принудительные работы».

В Хивинском оазисе крупные ирригационные работы находились в ведении центральной власти. Они проводились в порядке принудительной 12-дневной трудовой повинности бегар, фактически доходившей до 50—60 дней. Сюда входила чистка распределительной сети — «казу», строительство и ремонт защитных амударьинских дамб — «качу» [43]. Объем этих работ был велик, и для проведения новых каналов и заметного расширения орошаемых площадей требовался приток рабочей силы извне. Именно поэтому в начале XX в. хивинские правители переселили силой сырдарьинских каракалпаков в низовья Амударьи, возложив на них тяжелый налог и трудовую ирригационную повинность по очистке и ремонту главных каналов оазиса. Каракалпаки должны были ежегодно выставлять свыше 6 тыс. землекопов для работы в Южном Хорезме сроком на 12 дней [44].

Русские военнопленные, которые находились в Хивинском ханстве на положении рабов, называли Хиву «маятной землей». Здесь население должно было при очистке каналов (заносившихся на одну треть); раз в три года как бы строить оросительные каналы заново. Можно себе представить, сколь велики были трудовые затраты на ирригацию в древности при менее совершенных системах и менее эффективных орудиях труда.

В заключение надо сказать, что закономерности, выявленные в Хорезме и Бухарском оазисе, не могут быть механически перенесены в другие историко-культурные районы и природные зоны, где существовали иные особенности ирригации.

Многолетние полевые этнографические исследования показали, что каждой из трех природных зон в Средней Азии (равнин, предгорий и гор) были свойственны разные соотношения форм скотоводства и земледелия (поливного и неполивного) и технические особенности ирригации

(водозабор, размер каналов, членение и конфигурация распределительной сети, водорегулирующие устройства и многое другое). На равнинах поливное регулярное земледелие базировалось на крупных речных ирригационных системах с паводковым, самотечным или чигирным орошением. В зоне предгорий способы ирригации были в значительной мере обусловлены характером водных источников: средних и мелких рек, ручьев, родников, речных разливов и озер, искусственных водохранилищ, поверхностных сезонных или грунтовых вод, которые использовались с помощью кяризов. Вывод воды из горных рек осуществлялся (да и до сих пор осуществляется) преимущественно с помощью струенаправляющих дамб. В горных и высокогорных районах преобладали два типа ирригации: горно-долинный и горно-ручейковый, с очень большим перепадом высот, акведуками и т. п.

Особую группу типов в Средней Азии образует примитивное условнополивное (нерегулярное) земледелие, с одноразовым использованием вод местного стока. Это — лиманная, или ойтачная ирригация. Она была распространена преимущественно среди полуоседлого и полукочевого скотоводческо-земледельческого населения.

Новые исследования показывают существенные различия в характере ирригации трех главных природных зон: гор, предгорий и равнин, что с давних времен отражалось на характере исторического развития техники орошения и в значительной мере определяло роль ирригации в социально-экономической истории населения отдельных областей и зон.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 191.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 132; Т. 20. С. 152—185, 188, 400; Т. 23, С. 522; Т. 28, С. 221.

[3] *Андрианов Б. В.* Древние оросительные системы Приаралья: (В связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия). М., 1969. С. 46—48.

[4] *Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В.* Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977. С. 31.

[5] *Андрианов Б. В.* Проблемы происхождения ирригационного земледелия и современные археологические исследования // ИАЭСА. М., 1968. С. 21.

[6] *Андрианов Б. В.* Древние оросительные системы. . . С. 230.

[7] *Массон В. М.* Алтын-Депе. Л., 1981. С. 96—108.

[8] *Mitchell W. P.* The Hydraulic Hypothesis: a Reappraisal // Current Anthropology. 1973. V. 14. N 5; *Андрианов Б. В.* Концепция К. Витфогеля «гидравлическое общество» и новые материалы по истории ирригации // Концепции зарубежной этнологии. Критические этюды. М., 1976.

[9] *Wittfogel K.* Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven, 1957.

[10] *Мечников Л. И.* Цивилизации и великие исторические реки: (Географическая теория прогресса и социального развития). 1924.
[11] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 72—73.
[12] *Adams R. Mc.* History patterns of Mesophotamian irrigation agriculture, in: Irrigation's Impact on Society, Tucson, 1974. P. 1—5.
[13] *Толстов С. П.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М., 1958. Т. 3; *Гулямов Я. Г.* История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957; *Мухамеджанов А. Р.* История орошения Бухарского оазиса (с древнейших времен до начала XX в.). Ташкент, 1978.
[14] *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 308.
[15] *Абаев В. И.* Скифский быт и реформа Зороастра // Archiv Orientálne. 1956. Т. 24.
[16] *Дьяконов М. М.* Сложение классового общества в Северной Бактрии // СА, 1954. 19. С. 178.
[17] *Аскаров А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент. 1977. С. 159; *Массон В. М.* Алтын-Депе. . . С. 130.
[18] *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА, 1959. № 73. С. 128.
[19] *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура. . . С. 125—126.
[20] *Толстов С. П.* Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948. С. 48—49, 341.
[21] *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С. 108.
[22] *Андрианов Б. В.* Древние оросительные системы. . . С. 223—226.
[23] *Лисицына Г. Н.* Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. М., 1965. С. 42—74.
[24] *Андрианов Б. В.* Древние оросительные системы. . . С. 102—103.
[25] *Итина М. А.* История степных племен Южного Приаралья (II—начало I тысячелетия до н. э.). М., 1977. С. 176.
[26] *Андрианов Б. В.* Древние оросительные системы. . . С. 113.
[27] Там же. С. 228.
[28] *Толстов С. П.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. . . С. 115.
[29] *Андрианов Б. В.* Древние оросительные системы . . . С. 224—225.
[30] *Андрианов Б. В.* Концепция К. Витфогеля. . . С. 172.
[31] *Толстов С. П.* Древний Хорезм. . . С. 48—54.
[32] *Андрианов Б. В.* Археологическая карта Хорезма // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981.
[33] *Андрианов Б. В.* Древние оросительные системы. . . С. 227.
[34] Там же.
[35] *Андрианов Б. В.* Этническая территория каракалпаков в Северном Хорезме // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М., 1958, Т. 3.
[36] *Латынин Б. А.* Вопросы истории ирригации и орошаемого земледелия древней Ферганы. М., 1962.
[37] Там же. С. 28.
[38] *Земаль Т. И.* Древние и средневековые каналы Вахшской долины // Страны и народы Востока. М., 1971. Вып. 10.
[39] *Мухамеджанов А. Р.* Из истории ирригации и агротехники в низовьях Зеравшана // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., 1975. С. 102—106; *Мухамеджанов А. Р.* История орошения. . .
[40] *Minorsky V.* A Soyūrghal of Qasim C. Jahāngīr Aq-Qoyunly (903/1498). — Bulletin of the School of Oriental and African Studies

University of London. 1939. V. 9. Pt. 4. P. 947; *Horst H.* Die Staatsverwaltung der Grosselgügen und Hörazmšahs (1038—1231). Wiesbaden, 1964.

[41] *Horst H.* Die Staatsverwaltung... S. 59, 71, 121.

[42] *Петрушевский И. П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране. XIII—XIV вв. М.; Л., 1960. С. 394—396.

[43] *Гулямов Я. Г.* История орошения... С. 235 и сл.

[44] *Андрианов Б. В.* Этническая территория... С. 80.

А. Х. Халиков

ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ И ЕГО РОЛЬ В ОБРАЗОВАНИИ ВАРВАРСКИХ ГОСУДАРСТВ

В I тысячелетии н. э. значительная часть Старого Света, прежде всего степные и лесостепные районы Евразии, переживают эпоху великого переселения народов, знаменовавшую крушение рабовладельческого общества в цивилизованных странах и сыгравшую значительную роль в переходе многих племен и народов Азии и Европы от первобытнообщинного строя к классовому обществу. Именно с этой эпохой связано создание и существование таких государств, как империя хунну в Азии [1], а позднее владения гуннов и авар в Европе [2], тюркские каганаты в Центральной Азии и Южной Сибири [3], варварские объединения «Великая», или Старая Болгария на юге Восточной Европы [4] и «Великая» Венгрия на востоке Восточной Европы [5] и наиболее поздней среди них Хазарский каганат [6].

Для всех этих образований, возникших при главенствующей роли кочевых и полукочевых племен, которые составляли основную массу и движущую силу рассматриваемой эпохи, характерна относительная быстрота возникновения и кратковременность существования. Показательно и то, что в большинстве случаев эти образования возникали как организации военно-политического, а не экономического характера. Поэтому их справедливо называют варварскими государствами и в этом, очевидно, кроется первопричина кратковременности и непрочности их функционирования.

Но мы знаем и другие примеры, когда созданные как будто бы под эгидой пришлых кочевых и полукочевых племен финальной поры рассматриваемой эпохи государ-

ственные образования оказывались значительно более живучими и не только сохраняли длительно свою самостоятельность, но и послужили основой создания доживших до наших дней народов. Таково, например, образование Дунайской Болгарии в VII—VIII вв.[7], Венгерского государства на Дунае в X в.[8] и Волжской или Волго-Камской Булгарии в IX—X вв. в Среднем Поволжье и Прикамье [9].

Образование и последующее длительное существование Болгарии и Венгрии на Дунае понятно и объяснимо, ибо они возникли в районах, где до появления кочевников существовала высокая не только в экономическом и культурном, но и в политическом отношении цивилизация, уходящая корнями еще в Римскую империю. Здесь, очевидно, по образному выражению К. Маркса, существенную роль сыграл тот непреложный закон истории, когда «варвары-завоеватели сами оказывались завоеванными более высокой цивилизацией покоренных ими народов» [10]. Но нельзя забывать и того обстоятельства, что пришедшие на Дунай как древнеболгарские, так и древневенгерские племена уже обладали опытом создания ранних политических образований.

Несколько в иной ситуации создавалась Волжская Булгария. Как известно, она была первым государственным образованием в Среднем Поволжье и Прикамье, к тому же удаленным от древних государств и цивилизаций. Обратимся в связи с этим к истории Поволжья и Прикамья в I тысячелетии, когда здесь накапливались силы для создания в конце эпохи стабильного и мощного государства. Это тем более важно, что в течение всего этого тысячелетия Волго-Камский регион не только постоянно испытывал воздействие пришлых племен, но и нередко оказывался ареной непосредственного вторжения кочевников.

Местные племена и народы Поволжья и Прикамья еще в начале нашей эры первыми в Восточной Европе начинают испытывать давление азиатских кочевников, вошедших в азиатскую историю под именем хунну, а в европейскую — гуннов. Первоначально имя хунну еще в I тысячелетии до н. э. носили монголоязычные племена Забайкалья, успешно соперничавшие и неоднократно громившие, особенно при шаньюе Модэ, Китайскую империю. Хунну были кочевниками, тесно связанными с племенами Алтая, Южной и Западной Сибири [11]. На рубеже н. э. разгромленные в результате неудачных войн, а главное, лишившись своих исконных кочевий,

хунну двинулись на запад, по пути ассимилируясь с различными, преимущественно тюрко- и ираноязычными племенами. К первым векам н. э. эти смешанные племена достигли степей Южного Урала и древнего Устьюрта. Позднеримский историк Дионисий отмечает их под 160 г. н. э. за прикаспийскими сарматами севернее Аральского моря [12] и называет их уже гуннами.

Первый натиск гуннов в Европе, очевидно, испытали южноуральские племена, известные еще Геродоту под именем аргиппеев, а также позднесарматские племена Нижнего Поволжья. Часть этих смешанных племен, вобравших в свою культуру как позднесарматские, так и позднепьяноборские особенности, а также новые южносибирские черты, в том числе и характерное для кочевников оружие — саблевидные палаши, сложный лук и т. п., не позже конца II в. продвинулась далеко на северо-запад в западные районы Среднего Поволжья, где II—III вв. датируется группа интересных памятников, представленная Андреевским курганом на востоке Мордовии [13], Сергачскими курганами в Горьковской области [14] и Писеральским курганно-грунтовым могильником в Марийской АССР [15]. Для этих погребальных памятников характерно погребение умерших на почве или в глубоких ямах, перекрытых курганообразными сооружениями, нередко сопровождение их иногда ритуальным захоронением части коня, а также богатым инвентарем — железными длинными палашами и кинжалами, пояснными наборами, украшениями, среди которых встречаются и золотые, и т. п. В Андреевском кургане найдены вещи и позднеримского (италийского) происхождения.

Подошедшие к Каспийскому морю, а вскоре и к нижней Волге, гунны в значительной степени восприняли местную сарматскую культуру. Вместе с тем они уже не позднее конца II—рубежа II—III вв. значительно изменили и позднесарматскую культуру, когда широкое распространение получает биритуальный погребальный обряд — трупоположение в глубоких ямах, нередко с подбоем и с северной ориентацией умерших, и трупосожжение с размещением праха почти на горизонте, искусственная деформация черепов и т. п.[16] Значительную роль начинает играть почти неизвестный до этого культ коня — символизация коня в погребениях путем положения в могилы конской упряжи, удил, нагаек, железных пут, а также шкуры или чучела ритуально поедаемого на поминках коня (кости ног, копыта, череп). Многие из этих особен-

ностей — ритуальное погребение коня, золотые украшения с инкрустацией, распространявшийся с III—IV вв. обряд трупосожжения и т. п. [17] — были привнесены с востока и поэтому, очевидно, правы те исследователи, которые считают, что в это время в составе южноуральского и нижневолжского, так же как и ушедшего в западное Поволжье андреевско-писеральского населения, следует предполагать значительную восточную примесь из Сибири, Казахстана и Средней Азии [18], в том числе и ранних тюрок, входивших в состав гуннского союза [19].

Во второй половине IV в. гунны, представлявшие к этому времени уже смешанные преимущественно тюрко-угорские и ираноязычные племена, переходят Волгу, обрушиваются на Предкавказье и Причерноморье и доходят до Подунавья и Центральной Европы, где в V в. становится известной гуннская держава Атиллы [20]. Это был первый опыт создания собственно гуннами варварского государственного образования, главной силой которого была жесткая военная организация и дисциплина, с одной стороны, и совершенное для своего времени оружие — с другой. Действительно, гунны из всех известных кочевников первыми начали строгую организацию войска [21] и первыми среди всадников начали применять длинные и узкие мечи-палаши — прообразы будущего грозного оружия конницы сабель, а также как противовес им и стрелам с железными наконечниками легкие кожаные и металлические панцири [22]. И это не случайно, ибо, по выражению К. Маркса, «у варварского народа-завоевателя сама война является... регулярной формой общения, которая используется все шире, по мере того как прирост населения, при традиционном и единственно для него возможном примитивном способе производства, создает потребность в новых средствах производства» [23].

Гунны и связанные с ними группы проникали и в более северные районы Приуралья и Поволжья. Типичные предметы гуннской культуры, например массивные бронзовые котлы с коническими поддонами и высокими ручками, найдены у с. Осока в Ульяновской области, с Муслюмово в Татарской АССР. Одной из пришлых групп, проникших далеко на север в среду местных финно-угорских племен, был оставлен Тураевский курганный могильник у г. Елабуга на правом берегу Камы. Это было место погребения на рубеже IV—V вв. военных людей [24], скорее всего даже предводителей, о чем свидетельствуют

найденные в глубоких могилах под курганами с каменными набросками оружие и воинское снаряжение — железные шлемы с серебряной и золотой инкрустацией, кольчуги, длинные железные мечи с рукоятками, обложенными золотой фольгой, и многое другое.

Гуннское нашествие и связанные с ним социально-экономические и этнокультурные изменения отразились, таким образом, и на исторических судьбах местных племен Поволжья и Урала. Благодаря этим событиям, очевидно, предки ряда финноязычных народов этого края становятся известными и в письменных источниках. Так, в сочинении готского монаха Йордана «Гётика или деяния готов», написанном в VI в., но повествующем о событиях более раннего времени, упоминаются вместе с гуннами и готами племена морденс (прамордва), меренс (прамери) и имнисцарнис (возможно, прамари) [25].

Все эти племена находились на финальной стадии первобытнообщинного строя, жили патриархальными поселками, управлялись родовыми старейшинами, молились множеству своих богов и занимались преимущественно комплексным хозяйством. Но сложная обстановка I тысячелетия н. э., вошедшая в историю под именем бурной эпохи великого переселения народов, отразилась и на них. Недаром, как в древнемордовских (см. Ражкинский, Селиксенский и др.), так и древнемарийских (Младший Ахмыловский) могильниках нередки захоронения воинов с оружием — железные мечи, боевые топоры, копья, наконечники стрел, а поселения этого времени имеют вид сильно укрепленных городищ-убежищ.

О непосредственных контактах ряда местных племен с пришлым населением свидетельствует, например, такой факт, как активное проникновение в среду азелинских (позднепьяноборских) племен, особенно нижнего Прикамья, культа коня. Так, на V Рождественском могильнике IV—V вв., исследованном в последние годы на Нижней Каме П. Н. Старостиным, на 100 погребений приходится до 40 могил с культовым захоронением так называемого частичного коня. Этот обряд, как мы уже отмечали, в Восточной Европе появляется лишь с приходом гуннов и связанных с ними племен.

Одновременно наблюдаются существенные изменения и в инвентаре. Так, среди орудий пашенного земледелия азелинских племен встречаются железные лемехи сох и слабоизогнутые серпы. В этом сказалось, очевидно, воздействие не столько пришлых кочевых племен, сколько

пришлых земледельческо-скотоводческих племен, археологическая культура которых в среднем Поволжье и Приуралье известна под именем именьковской [26]. Памятники этой обширной культурной общности, датированные V—VII вв., выявлены от р. Белая (романовская группа) на востоке до р. Сура (ошпандинская группа) на западе. На севере территория распространения именьковских племен ограничивается нижним течением р. Камы (заходя и на устьевое правобережье), на юге — Жигулями.

Археологически именьковская культура характеризуется как культура оседлого земледельческо-скотоводческого населения. Об этом свидетельствуют такие широко исследованные поселения, как Именьковское [27], Маклашеевское [28], Ош-Пандинское [29] городища, а также неукрепленные поселения типа Шерьбетского, где при достаточно мощных культурных напластованиях выявлены остатки фундаментальных жилищ с очагами типа чувалов и многочисленные хозяйственные ямы, содержащие остатки сельскохозяйственных припасов. Многочисленные находки зерен сельскохозяйственных культур (рожь, просо, пшеница, полба), железных наконечников деревянных сох, а также первых в крае каменных жерновов свидетельствуют о пахотной системе именьковского земледелия [30]. Палеозоологические анализы остеологических комплексов показывают преобладание в именьковском стаде крупнокостных (степных) пород крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, встречаются также кости свиней и даже верблюдов [31].

Относительно совершенные формы металлических (железных и медно-бронзовых) изделий, многочисленность и стандартизация достаточно прочных керамических изделий служат показателем начала выделения и некоторых ремесленных производств. О начале сложения товарно-денежных отношений наряду с находками позднеримских (III в.—V Рождественский могильник), ранневизантийских (IV—V вв.) и сасанидских (I Троицко-Урайское городище) монет свидетельствуют находки медно-бронзовых слитков-стержней, которые судя по их весовому соответствию сасанидской весовой системе могли служить в качестве собственных денежных единиц [32].

Новые экономические условия приводили к новым формам социальных отношений, вероятно, приобретавшим форму характерной для первичных фаз классового общества территориально-соседской общины. Это иллюстрируется и топографией памятников — определенной системой

группировки неукрепленных поселений и кладбищ вокруг городища-убежища (см. Рождественский, Именьковский, Миклашеевский и другие комплексы). Миклашеевский комплекс даже был обнесен общим валом.

Выявленные могильники именьковской культуры характеризуются обрядом трупосожжения, не свойственным для местного населения, но имеющего прежде всего западные и особенно юго-западные параллели. Рядом особенностей (погребальный обряд, керамика, форма жилищ и пр.) именьковская культура близка, по мнению Г. И. Матвеевой, к археологическим образованиям постзарубинецкого круга, которые испытали, с одной стороны, периферийное римское воздействие, а с другой — оказались на пути кочевых племен, открывших движение эпохи великого переселения народов. Именьковские племена, скорее всего имевшие балтоязычный этнос, оказали самое серьезное воздействие на племена Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья середины I тысячелетия н. э.

Этими племенами была подготовлена реальная экономическая, возможно и социальная, основа не только для сложения классового общества, но и для успешного развития этого общества в последующем. Однако нельзя забывать о роли других, прежде всего кочевнических, племен, а также создаваемых ими варварских государств.

В V—VI вв. в южных районах Восточной Европы распространяются племена, известные под многочисленными именами — анациры, савиры, утигуры, хунугуры, сарагуры и т. п. Вскоре большинство из них начинает выступать под единым именем болгар [33]. В 463 г. посольство болгар-сарагур, прибывшее в Константинополь, сообщило о нападении на них новых кочевников, известных под именем авар. С этого времени почти сто лет области южного Приуралья и нижнего Поволжья входили во владения аварских каганов. Авары — потомки тюркомонгольских племен Центральной Азии жуань-жуаней или апар-аваров, в Приуралье и на нижней Волге смешались с гуннами-огурами и стали именоваться псевдоаварами. Византийский историк начала VII в. Феофилакт Симокатта по этому поводу писал, что псевдоавары принадлежали племени огур, живших возле р. Итиль. Некоторые из них называли себя вар (авар) и хуна (хунну-гунны), после объединения — вархуна (вархониты) [34].

Около середины VI в. в степях Центральной Азии и Южной Сибири образуется обширное полукочевое

государство преимущественно тюркоязычных, а на западе тюрко-угорских племен, известное под именем Тюркского каганата [35]. В 552 г. тюрки, или тюркюты, под водительством Истеми (Иштеми) кагана — угра (протомадьяра) по происхождению разгромили вархонитов и псевдоавар, и те были вынуждены уйти на запад, где они, заключив союз с Византией, установили свою власть преимущественно в Подунавье и Паннонии [36].

Тюркюты, хотя и достигали Нижней Волги, но их основная территория находилась далеко на востоке — в Семиречье. Поэтому, когда области нижнего Поволжья, Прикаспийской низменности и Предкавказья освободились от власти авар, то здесь вновь возобладали огуры-болгары. Хотя в 580 г. болгары были завоеваны вновь войсками Тюркского каганата во главе с Тюрксанфом — сыном отюреченного Истеми кагана, но не покорены. Известно, что во времена византийского императора Маврикия (582—602 гг.) болгары и присоединившиеся к ним угры (огуры) подняли в Нижнем Поволжье и северном Прикаспии восстание против каганата. Восстание было подавлено, и, как писал Феофилакт Симокатта, «трупы восставших огуров были разбросаны на протяжении четырех дней пути».

Более успешными оказались выступления болгар в начале VII в. под водительством ханов Органы и особенно Кубрата. Последнему в первой половине VII в. даже удалось создать полукочевое государство, известное под именем Великой (Старой) Болгарии [37]. Хотя основная территория этого варварского государства находилась за пределами Поволжья — в Предкавказье между Каспийским и Азовским морями, болгарские племена, очевидно, доходили и до нижней Волги, а иногда до более северных районов. Первой половиной VII в. датируются довольно богатые кочевнические погребения у с. Зиновьевка в Саратовской обл., недавно открытое Бозяковское погребение на нижней Каме, знаменитое Арцыбашевское погребение в бассейне Цны, ряд погребений на территории Уфы и пр. Найденные здесь вещи имеют ближайшие аналогии в Предкавказье (Борисовский могильник, Кумбулта и пр.).

Почти одновременно с Великой Болгарией далеко на северо-востоке Поволжья, в области между Камой, Волгой и Уралом возникает еще одно полукочевническое объединение, которое исследователи вслед за средневековыми авторами склонны называть Великой Венгрией. Это была область обитания в VII—начале IX в. мадьяр-

ских племен, далеких предков современного венгерского народа [38]. Оно было создано на основе тюрко-угорских и финно-угорских племен Приуралья и Прикамья протомадьярскими племенами, вынужденными бежать из Западной Сибири и Южного Приуралья после подавления их неудачного восстания в 597—598 гг. против Западного Тюркского каганата. Археологические памятники этих племен представлены памятниками так называемой кушнаренковской (караякуповской) культуры, уходящей своими корнями в саргатскую культуру лесостепного Прииртышья и южного Зауралья [39]. В первой половине VII в. протовенгры так же, как и протоболгары, находились еще в составе западного тюркского каганата и совместно с тюркютами играли большую роль в политической жизни Поволжья, Южного Урала и даже сасанидского Ирана и Византии. Древние венгры и связанные с ними другие тюрко-угорские племена, очевидно, были носителями осевшего в VI—VIII вв. в западном Приуралье всемирно известного сасанидского и византийского собрания серебряных и позолоченных изделий, имевших громадную художественную и историческую ценность [40]. В целом эта эпоха, ознаменовавшаяся началом сложения в Поволжье и Приуралье новых социально-экономических отношений, в том числе и ранних форм классовых отношений, явилась первым, но не последним шагом по пути создания варварских государств. Но эти образования, созданные силой оружия и военной организации, не имея прочной экономической основы, быстро распадались, ибо «та форма сообщества, которая была принята осевшими завоевателями, должна соответствовать той ступени развития производительных сил, которую они застают. . . а если этого соответствия первоначально нет, то эта форма сообщества должна измениться сообразно имеющимся производительным силам» [41]. К середине I тысячелетия в среднем Поволжье и Приуралье только начали складываться, да и то преимущественно среди пришлых племен, те социально-экономические условия, которые могли обеспечить стабильность создаваемых варварских государств. Они созрели лишь в последней четверти этого тысячелетия, когда господствующее положение в крае начинают занимать болгарские и связанные с ними племена.

В середине VII в. в степях между Волгой, Кавказом, Каспийским и Азовским морями усиливается племенное объединение хазар, включившее в себя потомков гунно-болгарских племен савир, барсил и бежавших из Тюрк-

ского каганата остатков некогда могущественного рода Ашина [42]. Хазары, поставившие во главе своего объединения представителей знатного тюркского рода Ашина, считали себя прямыми наследниками Тюркского каганата и по отношению к подчиненному им населению вели ту же данническую политику. Несмотря на это, Хазарский каганат просуществовал почти 300 лет [43], чему наряду с более гибким тоталитарным режимом правления и принятием монотеистической религии (иудаизма) прежде всего способствовало наличие в центральных районах Хазарии более прочной социально-экономической среды, обусловленной переходом значительной части кочевников, прежде всего подчиненных хазарам болгарских племен, к оседлости, создание городов и других экономических и социально-политических центров.

Действительно, хотя около середины VII в., особенно после смерти Кубрата, хазары разгромили Великую или Старую Болгарию, а разобщенные болгарские племена были вынуждены искать новые места обитания, часть болгар (унногундуры) под водительством Аспаруха ушла на Дунай и участвовала там в формировании Дунайской Болгарии [44]. Значительная часть болгар осталась на старом месте. При этом одна из сильных групп — белые, или серебряные болгары (сарагуры, барсилы), жившие в низовьях Волги и между Волгой и северо-восточным Кавказом подчинилась хазарам, однако их экономика оставалась ведущей в этом «союзе». Именно на землях этих болгар и создаются первые хазарские города Беленджер, Семендер и др.

Почти одновременно хазарам и болгарам пришлось столкнуться с грозным соперником — арабами, которые еще в 645 г. вторглись в северо-западные кавказские земли и доходили до одного из их главных городов — Беленджера. Особенно жестокими и в ряде случаев неудачными для хазар и связанных с ними болгар были арабские походы в 713 и 721 гг. во главе с полководцами Маслама и Джерраком. В 721 г. область Барсилия, заселенная преимущественно барсилами—белыми болгарами, и ее главный город Беленджер были взяты арабами и разрушены. В этих условиях значительная часть барсил и беленджерцев вынуждена была бежать в более безопасные районы нижнего Поволжья, куда между прочим была перенесена в специально построенный город ал-Бейда, или Итиль столица Хазарии [45].

В 735 г. огромная арабская армия в 150 тыс. воинов, возглавляемая одним из самых известных и удачливых арабских полководцев Мерваном ибн-Мухаммедом, обрушилась на Хазарию [46]. Взяв северо-восточные кавказские и северо-западные прикаспийские области, Мерван вслед за бежавшим хаканом устремился на север к низовьям Волги и здесь, пройдя по волжскому правобережью почти до района сближения с Волгой Дона, нанес жестокое поражение не только хазарам, но и их основным данникам и союзникам — болгарам-барсилам и савирам. Одних только барсил было взято в плен около 20 тыс. человек.

В этих условиях основная масса болгаро-барсил и савир, а также остатки беленджерцев, бежали на север, в более безопасные районы среднего Поволжья и нижнего Прикамья, где в VIII—IX вв. начинается, а в X—XI вв. завершается создание нового государственного образования, вошедшего в историю под именем Волжской или Волжско-Камской Булгарии [47]. Археологически появление этих племен в Волго-Камье отмечается раннеболгарскими могильниками типа Кайбельского и Больше-Тарханского [48], а также рядом местонахождений характерной раннеболгарской серолощеной керамики в прибрежных районах средней Волги, низовьях Камы и в бассейне Черемшана [49]. Погребальный обряд и инвентарь этих памятников близок к обряду и инвентарю памятников северокавказского, прикаспийского и волго-донского вариантов оставленной болгарами и хазарами салтово-маяцкой культуры [50], а также к материалам праболгарских могильников типа Нови-Пазара и Кюлевчи и других памятников в Болгарии [51]. Показательно, что ранние болгары на Волге и нижней Каме заняли примерно те же черноземные лесостепные районы, освоенные около середины I тысячелетия именьковскими племенами. Судьба последних, к сожалению, до сих пор не ясна, хотя и бесспорен вклад их социально-экономического развития в историю народов среднего Поволжья и Приуралья.

С самого начала своего проникновения в Волго-Камье болгаро-барсилам (серебряные болгары) пришлось вступить здесь в активную конфронтацию с воинственными протовенграми-мадьярами, создавшими в VII—VIII вв. в обширных районах западного Приуралья союз племен, известный под именем Великой Болгарии. В середине и второй половине VIII в. древневенгерские племена доходили и до низовьев Камы. Об этом свидетельствуют раскопки Больше-Тиганского могильника

в Татарии, погребальный обряд и инвентарь которого дает самые близкие аналогии материалам венгерской археологии так называемой эпохи завоевания родины [52]. Вместе с тем в культуре этого и близкого ему памятников, выявленных в пределах восточных районов Татарии и западных районов Башкирии [53], наблюдаются и черты сходства с культурой ранних болгар, и это не удивительно, ибо в течение многих столетий протоболгары и протовенгры были близкими соседями и нередко выступали партнерами в различных политических ситуациях.

Около 30-х годов IX столетия булгарам, имевшим большой опыт в политической организации и уже начавшим принятие мусульманской религии, удалось разгромить протовенгров-мадьяр, и последние были вынуждены отойти в Леведию, расположенную в междуречье Дона и Днепра. В этой победе булгарам активное содействие оказали прикамско-приуральские племена, входившие в круг ломоватовско-поломской культуры и не позднее середины IX в. передвинувшиеся на нижнюю Каму и среднюю Волгу. Все это фиксируется началом функционирования именно с середины указанного столетия в среднем Поволжье таких могильников, как Танкеевский, Тетюшский, Хрящевский и др., среди которых особенно значительным оказался Танкеевский [54], где ныне исследовано более 1000 погребений IX—X вв. В культуре этого могильника и близких ему памятников отчетливо прослеживаются два основных компонента: протоболгарский (салтово-маяцкий) с серо- и краснолощеной керамикой, характерным набором оружия, орудий труда и украшений; и камско-приуральский, характеризуемый в основном лепной круглодонной керамикой и большим числом украшений. В более ранней части могильника преобладает второй компонент, в более поздней — первый. Очевидно, что прикамско-приуральское население, родственное в своей основе протоболгарам [55] и называвшееся старым племенем (см. болгарские эсегелы, или иски-ель), довольно быстро вошло в контакт с болгарами-барсилами, и на этой основе началось формирование населения Волжской Булгарии.

Изгнанные булгарами и их союзниками протовенгры-мадьяры, а вслед за ними и появившиеся в Подонье печенеги, вытеснили из лесостепного Подонья на среднюю Волгу новые группы болгаро-салтовского населения, для культуры которого была характерна горшковидная керамика с примесью шамота и растительности и многозон-

ным прочерченно-волнистым орнаментом. Не позднее второй половины IX в. такая керамика в массе появляется на средней Волге и нижней Каме. Уход болгаро-салтовского населения из Подонья на среднюю Волгу подтверждается и другими фактами — близостью форм донских салтово-маяцких и волго-камских раннеболгарских городищ, ритуальных фигурок и т. п.

Не позже рубежа VIII—XI вв. западными и юго-западными соседями волжских булгар становятся широко известные по письменным источникам буртасы, археологическая культура которых стала проявляться лишь в последние годы благодаря широкому исследованию Армиевского курганно-грунтового могильника в Пензенской обл. Археологические материалы и письменные источники показывают, что буртасы были скорее всего тюркоязычными племенами, до рубежа VIII—IX вв. обитавшими между южным Уралом и Аральским морем. Перейдя в западное Поволжье, они в течение IX и первой половины X столетия находились под эгидой Хазарского каганата, все это время довольно активно конфронтировали с булгарами, но уже в X в. были подчинены последним. Об этом свидетельствует большое число городищ и поселений с булгарского типа посудой, выявленные в районе расселения буртас.

Так в основном завершается накопление этнического состава Волжской Булгарии, которая не позднее IX—X столетий получает государственное оформление и становится известной в Средней Азии и на арабском Востоке, Киевской Руси и Западной Европе. Почти все источники как письменные, так и археологические, особенно многолетние раскопки столицы домонгольской Булгарии — Великого города (Билярское городище), рисуют нам эту страну как довольно монолитное государство с феодальным строем, многоплеменным населением, которое в XI—XII вв. консолидируется в общебулгарскую народность, тюркоязычную в своей основе [56].

Огромное значение в формировании этого государства, а главное в его более чем трехсотлетнем (до 1236—1240 гг.) развитии, сыграли как пришлые булгаро-барсилские и близкие им племена, уже имевшие опыт создания ранних государственных образований, защиту этих образований от внешних посягательств, так и подготовленная в предбулгарское время местными и пришлыми племенами экономическая основа с устойчивым земледельческо-скотоводческим и готовым к переходу на

ремесленную основу хозяйством. Таким образом, булгары практически застали в Волго-Камье подготовленную к переходу на классовую основу социально-экономическую среду. В этом заключается коренное отличие Великой Булгарии от варварских государств, образовавшихся на волнах эпохи великого переселения народов. Специфика образования, многовековое устойчивое развитие, высокая городская культура, характерные особенности материальной и духовной культуры позволяют утверждать что Волжская Булгария уже была не варварским, а типично феодальным государством, хотя и порожденным как и Киевская Русь[57], эпохой великого переселения народов.

[1] *Иностранцев К. А.* Хунну и гунны. Л., 1926; *Гумилев Л. Н.* Хунну. М., 1960.

[2] *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962; *Dabrowski K.* Hunowie europejscy, protobulgazy, chazarowie, pieczynogowie. Warszawa, 1975.

[3] *Önce J.* Turk kültür tarihi // Türk tarih kurumu yayinlaindan. Ankara, 1962. Ser. VU. N 42; *Артамонов М. И.* История хазар; *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М., 1967.

[4] *Артамонов М. И.* История хазар; *Ангелов Д.* Образуване на българската народност. София, 1971; *Triarski Ed.* Protobulgarzy // Hunowie europejscy, protobulgarzy, chazarowie, pieczeyngowie. Warszawa, 1975.

[5] *Fodor I.* Die grose Wanderung der Ungarn vom Ural nach Pannonien. Budapest, 1982; *Chalikova E. A., Chalikov A. H.* Altungarn an der Kama und im Ural: (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani). Budapest, 1981.

[6] *Артамонов М. И.* Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1937; *Артамонов М. И.* История хазар; *Önce J.* Türk Kültür tarihi; *Nagrodzka-Majchrzyk T.* Chazarowie // Hunowie europejscy, protobulgarzy, chazarowie, pieczeyngowie. Warszawa, 1975; *Плетнева С. А.* От кочевий к городам // МИА. 1967. № 142; *Она же.* Хазары. М., 1976.

[7] *Ангелов Д.* Образуване. . .

[8] *Barta A.* A IX—X. szàzadi magyar tazsadalom. Budapest, 1968; *Fodor I.* Die grose Wanderung. . .

[9] *Греков Б. Д., Калинин Н. Ф.* Волжская Болгария домонгольского времени // Материалы по истории Татарии. Казань, 1948; *Смирнов А. П.* Волжские булгары // Тр. ГИМ. 1951. Т. 19; *Халиков А. Х.* Волжская Булгария // История Татарской АССР. Казань, 1968. Гл. 2.

[10] *Маркс К.* Будущие результаты Британского владычества в Индии // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3 т. М., 1983. Т. 1. С. 525.

[11] *Иностранцев К. А.* Хунну. . .

[12] *Altheim F.* Xoynoi bei Ptolomaeus // Omagiu lui C. Daicoviciu. Bucuresti, 1960.

[13] *Степанов П. Д.* Андреевский курган. Саранск, 1980.

[14] *Спицын А. А.* Древности бассейнов рек Оки и Камы // МАР. СПб. 1901, № 25. Вып. 1.

[15] *Халиков А. Х.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края. Йошкар-Ола, 1962. Тр. Марийской археол. экспедиции; Т. 2.

[16] *Скрипкин А. С.* К проблеме хронологии археологических памятников Азиатской Сарматии II—IV вв. н. э. // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981.
[17] *Засецкая И. П.* О роли гуннов в формировании культуры южнорусских степей конца IV—V вв. нашей эры // АСГЭ. Л., 1977. Вып. 18.
[18] *Смирнов К. Ф.* Сарматы на Илеке. М., 1975; *Засецкая И. П.* О роли гуннов. . .
[19] *Баскаков Н. А.* Этнолингвистическая классификация диалектных систем современных тюркских языков // Докл. VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М., 1964.
[20] *Dabrowski K.* Hunowie europejscy. . . S. 39.
[21] *Владимирцев Б. Л.* Общественный строй монгол. Л., 1934. С. 41—43.
[22] *Jankovich M.* Pferde, Reiter, Völkerstürme. München; Wien, 1968. S. 61—71; *Jettmar K.* Die frühen Steppenvölker. Baden-Baden, 1964.
[23] *Маркс К.* Будущие результаты. . . С. 66.
[24] *Генинг В. Ф.* Тураевский могильник V в. н. э. (захоронение военноначальников) // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976.
[25] *Йордан.* О происхождении и деяниях готов, Getica. М., 1960.
[26] *Генинг В. Ф.* Тр. Казанского филиала АН СССР. 1959. Вып. 2. *Старостин П. Н.* Памятники именьковской культуры // Свод археологических источников. Д1—32. М., 1967.
[27] *Калинин Н. Ф., Халиков А. Х.* Именьковское городище // МИА. 1958. № 81.
[28] *Старостин П. Н.* Памятники . . .
[29] *Степанов П. Д.* Ош-Пандо. Саранск, 1967.
[30] *Старостин П. Н.* Памятники. . .
[31] *Петренко А. Г.* Древнее и средневековое животноводство среднего Поволжья и Предуралья. М., 1984.
[32] *Валеев Р. М.* К вопросу о товарно-денежных отношениях ранних булгар (VIII—X вв.) // Из истории ранних булгар. Казань, 1981.
[33] *Артамонов М. И.* История хазар . . . С. 79 и сл.
[34] *Csallány D.* Archäelogische Denkmäler der Awarenzeit in Mitteleuropa. Budapest, 1956.
[35] *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. . .
[36] *Jettmar K.* Die frühen. . .
[37] *Артамонов М. И.* История хазар. . .; *Tryarski Ed.* Protobulgarzy. . . P. 173.
[38] *Халикова Е. А.* Ранневенгерские памятники нижнего Прикамья и Приуралья // СА, 1976. № 3; *Chalikova E., Chalikov A.* Altungarn. . .
[39] *Халикова Е. А.* Ранневенгерские памятники. . .; *Казаков Е. П.* Кушнаренковские памятники Нижнего Прикамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань, 1981.
[40] *Халиков А. Х.* Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Археология и этнография Татарии. Казань, 1971. Вып. 1.
[41] *Маркс К., Энгельс Ф.* Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения. В 3 т. М., 1983. Т. 1. С. 67.
[42] *Артамонов М. И.* История хазар. . .
[43] *Артамонов М. И.* История хазар. . .; *Плетнева С. А.* Хазары. . .
[44] *Ангелов Д.* Образувание. . .
[45] *Артамонов М. И.* История хазар. . .
[46] Там же.
[47] *Смирнов А. П.* Волжские булгары. . .; *Греков Б. Д., Калинин Н. Ф.* Волжская Булгария. . .
[48] *Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Ранние болгары на Волге. М., 1964.

[49] *Хлебникова Т. А., Казаков Е. П.* К археологической карте ранней Волжской Булгарии на территории ТаССР // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976.
[50] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам...
[51] *Ваклинов С.* Формиране на старобългарската култура. София, 1977.
[52] *Chalikova E. A., Chalikov A. H.* Altungarn...; *Fodor I.* Die grose Wanderung...
[53] *Халикова Е. А.* Ранневенгерские памятники...
[54] *Halikova E., Kazakov E.* Le cimetiére de Tankeevka // Les anciens Hongrois et ethnies voisines áé-Est. Budapest, 1977.
[55] *Халиков А. Х.* Истоки формирования...
[56] *Халиков А. Х.* Татары Среднего Поволжья и Приуралья и их происхождение. Казань, 1978.
[57] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества. XII—XIII вв. М., 1982.

В. И. Гуляев

СТРУКТУРА ВЛАСТИ В ДРЕВНЕЙШИХ ГОСУДАРСТВАХ МЕЗОАМЕРИКИ: ГЕНЕЗИС И ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Проблемы развития докапиталистических общественно-экономических формаций представляют для современного исследователя огромный теоретический и практический интерес и не случайно на протяжении последних десятилетий подвергаются самому оживленному обсуждению историками разных стран. Вместе с тем следует со всей определенностью сказать, что даже среди ученых, стоящих на твердом фундаменте марксистско-ленинской методологии, пока нет общего согласия относительно ряда принципиальных вопросов рассматриваемой темы. Особенно острые споры вызывают проблемы перехода от первобытнообщинного строя к раннеклассовому, общий характер первых антагонистических государств, их формационная принадлежность [1].

При изучении конкретных древних обществ, достигших уровня цивилизации, большое значение имеют материалы из первичных очагов раннеклассовых государственных образований. К ним относятся те немногие общества, которые прошли весь путь разложения первобытнообщинного строя и формирования государства самостоятельно, без сколько-нибудь заметного влияния извне, со стороны более развитых культур. В Старом Свете — это Ближний Восток (Месопотамия, Египет), Индия, Китай и др., в Но-

вом — Мезоамерика и Андская область (Боливия—Перу) [2]. Вместе с тем — это и наиболее архаичные формы государственной организации, известные нам вообще.

В данной статье речь пойдет лишь об одном из таких первичных очагов цивилизации — Мезоамерике. Мезоамериканский вариант государства отражен достаточно широко в документах, письмах, хрониках испанских и индейских авторов, но лишь на сравнительно коротком отрезке времени — X—XVI вв. н. э. И все же ни в одном другом районе земного шара внутренняя структура первоначальных раннеклассовых государственных образований не документирована так хорошо, как в Мезоамерике. Если древнейшие цивилизации Месопотамии и Египта удалены от нас на целые тысячелетия и представлены разрозненными и немногочисленными клинописными или иероглифическими текстами и обильным, но не слишком «информативным» (в социологическом плане) археологическим материалом, то в Новом Свете индейские культуры ацтеков, сапотеков, майя сохранили почти «до порога» новой истории те же самые архаические институты и порядки [3].

В XVI в. испанские конкистадоры безжалостно уничтожали чуждый им мир индейских цивилизаций. Но прежде чем это случилось, многим европейцам — солдатам, монахам, королевским чиновникам, официальным летописцам и др. — удалось сохранить для потомков немало ценных документов, достаточно полно раскрывающих общий характер раннеклассовых государств доколумбовой Америки.

Учитывая степень изученности и опубликованности соответствующих источников и материалов, автор выбрал из всех ранних цивилизаций Мезоамерики только культуру майя на территории Южной Мексики и Центральной Америки.

Первые города-государства майя возникли в самом конце I тысячелетия до н. э. Их самостоятельное развитие было насильственно прервано испанским завоеванием в XVI в. н. э. Таким образом, история майяской цивилизации насчитывает свыше полутора тысяч лет. В пределах этого продолжительного отрезка времени исследователи выделяют обычно два хронологических периода: классический (I тысячелетие н. э.) и постклассический (X—XVI вв. н. э.). Письменными источниками освещен более или менее лишь последний из них. Классический период, отражающий начальные, наиболее интересные этапы

существования раннеклассовых государств майя, известен нам пока исключительно по археологическим данным [4].

Наиболее ранние материальные признаки наличия государства (монументальная каменная архитектура со ступенчатым сводом, царские захоронения под храмами и святилищами, письменность и календарь) появляются на майяской территории (в Южной Мексике и Северной Гватемале) около рубежа нашей эры. Однако необходимо помнить, что сложные процессы и изменения, которые характеризуют переход от родового строя к раннеклассовому, происходят преимущественно в сфере социально-политических, идеологических и экономических отношений и далеко не всегда прослеживаются на археологическом материале. Наилучший эффект дает комплексное рассмотрение разных видов источников — археологических, исторических, этнографических и т. д.

Эти ранние государства, только что вышедшие из недр родового строя и несущие на себе заметный груз его пережитков и традиций, отличаются большим своеобразием. Главная их особенность состоит в том, что формирующиеся органы государственной власти используют для своих нужд традиционные институты первобытнообщинной эпохи. «Диалектическая сущность этой (переходной. — *В. Г.*) эпохи, — отмечает Ю. П. Аверкиева, — заключается в том, что крушение основ родового общества происходит путем использования институтов самого этого общества» [5].

Важную роль в понимании процессов классообразования и сложения первых государств играют данные о предшествующем периоде — периоде военной демократии (или периоде «вождеств» — chiefdom stage в англо-американской историографии). Понятие «военной демократии» широко используется советскими исследователями для обозначения эпохи классообразования, эпохи разложения первобытнообщинного строя и формирования государства. Однако, что касается определяющих признаков военной демократии, ее места в периодизации мирового исторического процесса и, наконец, вопроса об ее универсальности — здесь остается еще много неясного, нерешенного, дискуссионного [6].

На мой взгляд, военная демократия — это часть первобытнообщинной социально экономической формации, ее последний, заключительный этап, время разложения и трансформации старых родо-племенных традиций и порядков и перехода к классовому обществу и государству.

Мне представляется также, что, несмотря на неизбежную локальную специфику и своеобразие исторического развития конкретных обществ в разных регионах земного шара, на определенной стадии их развития — а именно, на стадии разложения первобытнообщинного строя и перехода к антагонистическому государству, военная демократия в разных ее вариантах и модификациях — явление универсальное, всеобщее.

Таким образом, теоретически конечный этап военной демократии завершается с появлением раннеклассового государства. Гораздо сложнее решить вопрос о начальной ступени военной демократии. Здесь, видимо, права Ю. П. Аверкиева, которая считает, что «военная демократия появляется там и тогда, где и когда развитие производительных сил и производительности труда внутри родового общества делает возможным производство и частное присвоение прибавочного продукта» [7].

К числу определяющих признаков военной демократии разные авторы относят: 1) производящее хозяйство, дающее устойчивый прибавочный продукт; 2) имущественное и социальное неравенство родов и семей; 3) соседская община; 4) союзы племен; 5) зарождение частной собственности на землю и скот; 6) консолидация племени и формирование постоянных органов его управления (общее собрание членов племени, совет старейшин, вождь — глава племени); 7) усиление противоречий между племенами и возрастание роли войны в общественной жизни (образование военных дружин, регулярные войны и набеги с целью грабежа соседей, военное состояние общества); 8) патриархальное рабство; 9) зарождение персональной власти.

Основные признаки военной демократии, или эпохи перехода от родо-племенного строя к раннеклассовому, были выделены классиками марксизма-ленинизма и дополнены и развиты впоследствии в работах советских ученых — историков, археологов, этнографов. Вместе с тем столь же очевидно, что все эти важнейшие признаки военной демократии лежат в сфере социально-политических, экономических и идеологических отношений древнего общества и поэтому в большинстве случаев с трудом или опосредованно улавливаются на археологическом материале, составляющем, как правило, основной источник почти для всех военных демократий.

Археологически общества, стоящие на ступени военной демократии, могут быть выделены на основе страти-

фикации поселений (выделение из общей массы поселков более крупных центров с зачатками специальных функций — прежде всего административных и культовых — и специальной архитектуры) и благодаря заметной дифференциации погребального обряда [8]. Для этого может быть использован и такой традиционный вид археологического материала, как иконография изображений в скульптуре, живописи и мелкой пластике (образы вождей, правителей и богов, представителей разных социальных групп, их одежда, украшения, символика и атрибуты).

Полезным дополнением к данным археологии при анализе древних обществ служит также изучение архаических пластов эпических поэм и преданий (в Новом Свете к числу эпических произведений, сопоставимых с бессмертными творениями Гомера, можно отнести «Пополь-Вух» и «Анналы Какчикелей», созданные индейцами языковой группы майя киче).

К весьма плодотворным результатам приводит в ряде случаев и тщательный анализ древних ритуалов и празднеств, изучение земледельческих календарей [9].

Основу общества военной демократии составляет иерархическая система, в которой центральное место занимает вождь и его род, происходивший, по убеждению соплеменников, от легендарного, вероятно, обожествленного предка. Все другие члены племени разделялись на ранги, в соответствии со степенью своего родства или близости с вождем [10].

Локальная специализация в производстве различных продуктов и вещей, вызванная главным образом разнообразием природно-климатических условий, с неизбежностью способствовала появлению системы перераспределения, предметов и услуг как в пределах одного племени, так и между группой соседних племен.

Этой системой перераспределения предметов и услуг, как правило, руководят именно племенные вожди, которые, помимо всего прочего, очень часто выступают в роли организаторов хозяйственно-экономических операций и процессов (например, у древних майя — выжигание тропических лесов для подготовки будущих полей для земледелия, сев, сбор урожая, строительство храмов, дорог и т. д.).

Борьба с соседями за сохранение своих земель, угодий и богатств (в том числе урожая и скота) требовали создания и укрепления военной организации внутри племени и усиливали роль военачальника—вождя.

Наконец, на стадии военной демократии заметно возросла функция идеологическая: из рядов племени выделялись жрецы и колдуны — хранители полезных знаний и традиций данного коллектива людей, посредники в общении с миром духов и богов, от воли которых зависело само существование человека.

Первоначально эти три функции были отделены друг от друга и воплощались в разных лицах и учреждениях. Однако на определенном этапе развития военной демократии все более проявляется тенденция слияния этих функций в руках одного-двух вождей [11].

Но, несмотря на свое довольно высокое социальное положение, вождь не обладал еще ни действительным контролем над прибавочным продуктом и другими важными ресурсами, ни специальным аппаратом насилия, характерным уже для государства, — профессиональные воины, полиция, тюрьмы, суды. Его авторитет основывался в значительной мере на магическом ореоле и на личных качествах [12].

Новейшие исследования различных регионов Азии, Африки и Америки дают богатый этноисторический материал, подтверждающий и дополняющий выводы, сделанные до сих пор о сущности военной демократии.

Традиционные органы управления эпохи военной демократии состоят обычно из трех основных элементов: верховного вождя (или двух вождей — военного и мирного, «зимнего» и «летнего»), совета старейшин и народного собрания (вначале все взрослые члены племени, позднее — только вооруженные мужчины). Однако эти демократические институты на протяжении эпохи военной демократии претерпели значительные изменения.

Первоначально верховного вождя (вождей) выбирало все племя; действия вождя строго контролировались советом старейшин, а сам вождь был лишь исполнителем воли народа. Позднее вождя стали выбирать только члены совета старейшин (представители родовой верхушки, жрецы, храбрейшие воины и др.). Его выбирали из нескольких определенных семей или родов на короткий срок — полгода или один год. В дальнейшем вождь выбирался только из одного династического рода (семьи), а срок его пребывания у власти постепенно возрастал. Богатейший этноисторический материал, которым мы располагаем по североамериканским индейцам, позволяет во всех деталях проследить развитие указанных тенденций и институтов на протяжении длительного отрезка времени.

Оседлые земледельческие племена индейцев-пуэбло и кочевые общины воинственных обитателей североамериканских прерий находились к моменту широкого проникновения европейцев в эти области Нового Света на уровне классической военной демократии. «Сохранявшиеся институты родового общества, — отмечает Ю. П. Аверкиева, — у этих племен приобретали новые качества. Сама племенная организация в отличие от ее сущности в родовом обществе превратилась здесь в форму политической организации, в которую облекался военно-демократический строй» [13].

У местных индейцев каждое племя имело какие-то специфические черты в своей структуре, но основные институты эпохи «военной демократии» — верховный вождь, совет старейшин и народное собрание — повторялись в той или иной форме у всех. Так, племя айова делилось на две фратрии — Зимы и Лета, состоявшие из 9—10 родов. Во главе племени стояли два вождя, каждый из которых выбирался из одного определенного рода своей фратрии: род Медведя во фратрии Зимы и род Бизона во фратрии Лета. Каждый из них руководил жизнью племени в течение полугода. Это так называемые «сезонные» вожди, правившие лишь в течение «своего» сезона — либо зимнего, либо летнего [14].

В то же время у индейцев пуэбло, живших в области Рио-Гранде, органы управления состояли из верховного вождя, военного вождя и совета племени. Верховный вождь избирался здесь ежегодно, т. е. сроком на один год, из определенных родов и пользовался весьма значительным влиянием среди соплеменников. Военный вождь также переизбирался раз в год [15].

Большую роль в выборах верховного вождя играло мнение воинов племени, организованных в специальные военные союзы или общества (например, общество «Кван» у хопи [16] или военные отряды у индейцев уичита [17]).

Отчетливое отражение основных институтов, свойственных эпохе военной демократии, мы находим в некоторых архаических преданиях эпоса майя киче «Попоть-Вух»:

«. . .Племена собирались вместе, устроили совет и созвали всех. . . И вот тогда собрались все племена, все вооруженные своими луками, стрелами и своими щитами. И невозможно было описать богатство их украшений; поистине прекрасен был вид всех вождей и воинов. . .» [18]. Из этого отрывка следует, что в некую отдаленную эпоху

(по эпосу — это время легендарного исхода предков майя-киче из Толлана) дела у племен решал совет вождей, получивший одобрение со стороны народного собрания, в состав которого входили, однако, лишь воины, т. е. все взрослые вооруженные мужчины.

Историческая традиция гватемальских индейцев майя донесла до наших дней и смутное воспоминание об истоках царской власти — о постепенном превращении выборного военного вождя в наследственного правителя. «На заре существования этих государств, — пишет испанский хронист Фуэнтес-и-Гусман, — их правители не заботились о внешнем блеске своей власти, стараясь больше быть правителем силой и могуществом оружия, так как им казалось, и не без основания, что главное для правителя — слава воина, а не величие» [19].

Постепенное возвышение верховного военачальника, военной знати, опиравшихся на вполне реальную силу в лице воинов, жаждущих добычи и новых походов, показывает другое эпическое повествование горных майя — «Анналы Какчикелей». Так, во время легендарного странствования семи племен из Толлана на юг, в районе страны Оломан у какчикелей произошло открытое столкновение вождей, поддержанных молодыми воинами, с остальной частью племени. Речь шла о том, идти ли с боями дальше на юг, за что ратовали вожди, или повернуть назад. Чтобы сломить сопротивление соплеменников, вождям пришлось прибегнуть к открытой угрозе: «И сказали тогда воины — кто выступит против нас, воинов, несущих смерть, и чье оружие хорошо известно?» [20].

Вместе с тем эти же воины составляют наиболее действенную и активную силу в народном собрании, оказывая подчас решающее влияние на выбор того или иного вождя: «Вы — наши вожди, наши ведущие главы», — так сказали все воины семи племен, обращаясь к Гагавицу и Сактекауху» [21]. Еще более отчетливо выражено это в другом отрывке из «Анналов Какчикелей»: «. . .И воины семи племен сказали . . . О, братья! Один из вас — старший сын, а другой младший. И мы сделаем так, что в день Совета вы предстанете во всем своем блеске. Мы, тринадцать групп воинов, дадим вам ваш балдахин, ваш трон, ваше место чести, вашу верховную власть» [22]. Эволюция важнейших общественных институтов эпохи военной демократии у горных майя представлена в «Анналах Какчикелей» вполне отчетливо.

В одном месте там говорится, что, «будучи избраны

всеми, эти правители пришли к власти» [23]. В другом отрывке эпоса число «выборщиков» сокращается уже до «глав семейств и кланов» [24]. И, наконец, спустя какое-то время, когда верховная власть прочно обосновалась в руках одного определенного («династического») рода или семьи, наследственный принцип передачи царской власти был окончательно узаконен [25].

Можно также достаточно уверенно предполагать наличие у древних майя на ранних этапах формирования государственных институтов периодической смены власти между представителями двух фратрий племени — «летней» и «зимней», т. е. наличие так называемых «сезонных» вождей, правивших попеременно по полгода, зимой и летом. Далекой реминисценцией этой начальной ступени развития государства служит, по-видимому, у майя и первые четко выделившиеся к III в. н. э. атрибуты царской власти в виде «ритуальных („змеиных") полос» (ceremonial bars), на концах которых постоянно изображались то боги грозы и дождя, то боги солнца (дождь — лето, солнце — засуха, зима) [26].

Анализируя содержание Дрезденской рукописи майя (XII в. н. э.), Ю. В. Кнорозов установил, что в царстве богов, как и у людей, согласно древним племенным традициям, майяские божества распределяются на две фратрии. «В летнюю фратрию (которую символизирует голубой змей) входят бог неба Ицамна, бог изобилия Йум Виил, бог ветра и дождя К'аш-иш (Чаак), бог и богиня грома Тит Соот (Чичик Соот), бог долин Шангом, бог купцов Хек'Ч'уу-ах, бог огня Мош, бог XI — ч'аб (Булук Ч'аб-тан), богиня-женщина Ч'уп и др. В зимнюю фратрию (которую символизирует красный змей) входят бог смерти Йум-Цек', бог войны Х'ун-Лах П'е, бог солнца Кинг-бенцилаан (ст. К'ин и Ич Ах-Ав), бог сова и др. В мистических циклах божества двух фратрий правят поочередно. Многие циклы разделены между богами Ицамна и Йум Цек — очевидно, главами фратрий» [27].

Таким образом, представленная в Дрезденской рукописи структура майяского пантеона является реминисценцией весьма древних социальных институтов и порядков, восходящих, вероятно, еще к первой половине I тысячелетия до н. э., т. е. ко времени «ольмеков».

В дальнейшем эта структура была заменена другой — четырехчленной. Идеальное племя у майя стало состоять теперь из четырех равноправных фратрий или из четырех групп родов. Представители их ежегодно в рамках четы-

рехлетнего цикла сменяют друг друга у власти. То же самое происходило и у богов (четверка «великих богов») [28]. «Согласно жреческим учениям, — пишет Ю. В. Кнорозов, — боги правили миром поочередно, сменяя друг друга у власти. Четыре бога — Хобниль, Кан Цик Наль, Сак Кими и Хосан Эк — сменяли друг друга у власти ежегодно... Эти представления в своей основе фантастически отражают древний социальный институт смены власти по родам...» [29].

Аналогичные воззрения еще более ярко отражены у майя в ритуале предновогоднего празднества Вайеяб, когда в течение пяти дополнительных, «роковых» дней жители каждого селения избирали на следующий год «князя», т. е. высшее должностное лицо. На следующий год все повторялось снова. И так — в течение четырех лет [30].

Почти полной аналогией празднеству Вайеяб служит также отрывок из книги Чилам Балам из Чумайеля, где описан ритуал четырех сторон света, четыре мировых дерева, четыре цвета и четыре правителя — «холь-попа». Холь-поп (holpop) — буквально означает на языке майя «владыка циновки»; циновка всегда была у древних майя символом власти. Видимо, в древности холь-поп — один из эпитетов вождя, правителя. Однако накануне конкисты на Юкатане так называли должностное лицо невысокого ранга. Причем для каждой стороны света текст майя дает четыре имени, которые определены как юкатанские патронимии, т. е. названия патрилинейных родов [31]

«44. Тогда поселились начальники (в оригинале "холь-попы")

45. Иш Нох Ук начальник на востоке...

49. Батун начальник на севере...

53. Ибан начальник на западе...

56. Ах Йамас начальник на юге...» [32].

В виде пережиточной формы четырехчленное деление верховной власти отмечено у многих племен майя X—XVI вв.: в Акалане у индейцев чонталь, у майя ицев Тайясаля, переселившихся в Петен с полуострова Юкатан, у индейцев горной Гватемалы [33]. В действительности вся полнота власти находилась тогда уже в руках одного правителя, а три его былых соперника из других фратрий (групп родов) превратились в высших сановников и военачальников государства, да к тому же происходивших из одной и той же правящей семьи или рода.

Ю. В. Кнорозов очень удачно сопоставил этот одно-

годичный этап в развитии ранних форм власти правителя у древних майя с первой реформой майяского календаря, когда у местных племен появляется официальная хронологическая система — это 354—38 гг. до н. э.[34] Не берусь судить о точности ранней даты. Но сам факт появления важнейших признаков цивилизации майя не позднее I в. до н. э. хорошо подтверждается археологическими данными и вряд ли подлежит сомнению. «Введение хронологии, — подчеркивает Ю. В. Кнорозов, — вполне может рассматриваться как одни из признаков возникновения государства. Представляется неточным связывать потребность в хронологии с властью царя или правителя. Во главе формирующихся государств не обязательно стояли цари с пожизненной властью. Царской власти еще нужно было добиться своего признания, преодолев сопротивление племенных традиций. История календаря в Мезоамерике как раз и отражает эту упорную борьбу»[35].

Вторая реформа майяского календаря, относящаяся ко времени не позднее 179 г. до н. э., призвана была дать идеологическое обоснование продления срока власти правителя с одного до четырех лет. «. . .Получалось, что 13 небесных богов правят теперь по четыре года каждый. Отсюда весьма легко было сделать вывод, что земной владыка также должен править бессменно четыре года, чтобы все было, как у богов»[36].

Логическим завершением длительного процесса становления царской власти у древних майя явилось введение около 337 г. н. э. в качестве основной календарной единицы 20-летнего цикла — катуна. Согласно новым жреческим учениям, в течение каждого двадцатилетия правил теперь один из 13 небесных богов, что создавало идеологическую базу для продления на тот же срок власти царя[37]. Однако, как свидетельствуют «юбилейные» стелы в честь окончания катунов, реальной смены власти у царей уже не происходило и через 20 лет. Просто они получали от очередного правящего бога право на следующий цикл правления, т. е. на следующее 20-летие и возводили с пышными церемониями новую стелу. Длительная борьба за царский трон между различными группировками знати закончилась. Царская власть стала пожизненной и наследственной[38].

Исключительный интерес для исследования ранних форм государственности в Мезоамерике представляет и весьма своеобразная «должность» бога-распорядителя, наблюдавшего на «майяском Олимпе» за правильной

сменой власти среди великих небесных богов. Аналогичная должность существовала и в реальной жизни: в качестве ее носителя выступал, по-видимому, верховный жрец. Во всяком случае у юкатанских майя в X—XVI вв. н. э. упомянуты в письменных источниках жрец Вайом Ч'ич, бывший «стражем циновки ягуара», т. е. царского трона [39], и верховный жрец из рода Ах Май, носивший весьма знаменательный титул «Ах-ав Кануль», т. е. «Страж Владыки» (т. е. царя, правителя) [40].

О том, что смена власти в далекой древности происходила у майя во время пяти предновогодних «роковых» дней уже говорилось выше, при описании празднества Вайеяб. В доме «князя», выбираемого жителями селения на один год, всегда помещали статую очередного правящего бога и устанавливали перед ней статую бога-распорядителя. После торжественных церемоний статую правящего бога помещали в храм, а фигуру бога-распорядителя относили в ту часть селения, где находилось изваяние следующего правителя бога [41].

В рукописях майя XII—XV вв. н. э. бог-распорядитель носил титул «Ах'-кан-ваай-тун» или «Ах'-хо-ваай-тун» — «владеющий четырьмя (или пятью) зловещими днями года». Он изображался в виде старика с морщинистым лицом и беззубым ртом, часто вместе с раковиной улитки на спине. Он же определенно был при этом одним из богов дождя у древних майя. Другой его титул — «Йуу-аан». В реальной жизни правитель выступал в качестве имперсонатора очередного правящего бога, а верховный жрец — имперсонатором бога-распорядителя — Хо-Ваай-Туна. В этой связи весьма знаменательно, что когда войска майяпанской коалиции захватили в XIII в. н. э. город Чичен-Ицу на севере полуострова Юкатан, то были лишены власти правитель с титулом Чаак (имперсонатор бога-правителя) и человек с титулом Йуу-аан (имперсонатор бога-распорядителя) [42].

В классический период (I тысячелетие н. э.) бог-распорядитель, надежно отождествленный сейчас с богом-улиткой, часто изображался на полихромной расписной керамике, происходившей из наиболее пышных гробниц майя (видимо, царских и высшей знати). Он был богом V неба среди 13 небесных богов майяского пантеона, богом дождя, а также одним из правителей подземного царства мертвых (бог «N», по П. Шелльхасу и М. Ко). Следовательно, и в I тысячелетии н. э. бог-улитка Хо-Ваай-Тун, он же бог-распорядитель, выполнял весьма

важные функции, наблюдая за правильной передачей власти очередному правящему богу (одному из 13) с вручением соответствующих инсигний [43].

Аналогичные процедуры происходили и в реальной жизни, где правитель (он же имперсонатор бога, получающего власть на 20 лет) получал от распорядителя — верховного жреца (имперсонатора бога-распорядителя) законное право на власть и соответствующие царские инсигнии («ритуальные полосы» и «скипетры»).

Анализ этих инсигний по изображениям I тысячелетия н. э. позволяет предполагать, что правители майя благодаря своим символам власти (в которых отчетливо прослеживается взаимосвязь с божествами грозы, дождя, «небесного огня» — молнии и в конечном счете плодородия) выступали и как носители магической силы по управлению силами природы, как своеобразные гаранты, обеспечивающие выполнение всего цикла земледельческих работ и сбор хорошего урожая. Одновременно эти царские инсигнии («ритуальная полоса» или «скипетр») служили и грозным предостережением для всех врагов правителя, поскольку они «заключали в себе» и могучую, разрушительную силу «небесного огня» — молнии [44]. Вера в это была настолько велика, что когда в 1521 г. последний правитель («тлатоани») ацтеков Куаутемок исчерпал все свои ресурсы в борьбе с испанцами, осаждавшими Теночтитлан, он попытался бросить на чашу весов свой «решающий козырь» — «небесный огонь» из жезла бога Уицилопочтли. Но, как и следовало ожидать, эта попытка кончилась безрезультатно, вызвав глубокое уныние и разочарование в лагере осажденных.

В свое время Ю. П. Аверкиева, анализируя материалы по этнографии североамериканских индейцев, пришла к очень важному выводу о характере социальной организации в переходную эпоху от первобытнообщинного строя к раннеклассовому. «Территориальной единицей в обществе на этапе военной демократии, — подчеркивает она, — становится соседская община в различных ее формах — сельской, рыбацкой, кочевой. Вырастая из родовых делений, она носит еще черты родственного коллектива, преодолевая в то же время родовые деления общинников» [45].

Выше в настоящей статье была сделана попытка проследить постепенную трансформацию органов общинного самоуправления (выборный вождь или вожди, совет старейшин и народное собрание) в органы формирующегося

раннеклассового государства. Что же представляли собой в социально-политическом плане наиболее развитые области майя накануне испанского завоевания? Как далеко зашел у них процесс дальнейшего развития общинных структур? И это тем более важно, что, по признанию подавляющего большинства исследователей, сельская (соседская) община составляла сущность любого раннего государства, будь то на Ближнем Востоке, в Тропической Африке или Латинской Америке.

В настоящее время наиболее полно представлена в этноисторических источниках социально-политическая структура майя, живших в X—XVI вв. на полуострове Юкатан. К моменту испанского завоевания здесь имелось около полутора десятков небольших государств («провинций»). Во главе каждого из них стояла своя царская династия.

В структурном отношении эти небольшие государства представляли собой иерархию общинных структур: от мельчайшей единицы в виде «домовой общины» (большой патриархальной семьи) до «суперобщины» в виде города-государства, или «нома». Размеры юкатанских «номов» в канун испанского вторжения в XVI в. колебались от 1200 до 9000 кв. км, а число жителей — от 30 тыс. до 120 тыс. человек [46].

Центральным поселением, столицей «нома» считалось место, где находилась резиденция правителя государства — «халач виника». Последний правил с помощью верховного жреца и городского совета, состоявшего из глав четырех подразделений («кварталов») столицы — «батабов». Помимо столицы, в поселениях достаточно значительных (видимо, они были центрами сельских общин — одной или нескольких) в качестве главы местной администрации также выступают батабы. Все они происходят из знатных майяских фамилий и часто состоят в родстве с правящей царской династией. Батабов назначает на их должности непосредственно сам «халач виник».

Селение (и «большой квартал» столицы) в свою очередь делится обычно на более мелкие единицы (как правило, на четыре квартала), во главе которых батаб ставит особых должностных лиц — «ах-куч-кабов» — пожилых богатых мужчин из числа местных жителей [47]. Батабу помогают в его деятельности жрец селения и совет из четырех ах-куч-кабов. В его распоряжении находится небольшой отряд профессиональных воинов («хольканов») и несколько мелких чиновников, выполняющих полицейские

функции. Главной обязанностью ах-куч-кабов в селении (или городе) был сбор налогов и дани для халач-виника; они заботились также о надлежащем состоянии домов и посевов, о проведении религиозных празднеств и обрядов в своих подразделениях и кварталах [48]. «Их (майя. — *В. Г.*) управление, — сообщает конкистадор Хуан де ла Камара в 1580 г., — состояло в том, что они имели сановников и признавали таковыми тех, кого называли «батабами». Батабы делили селения на кварталы в виде округов и назначали человека богатого и умеющего управлять каждым из них; те заботились о том, чтобы собирать дань, организовывать в нужное время работу и созывать жителей своих кварталов как для празднеств и пиров, так и для войны. . .» [49].

Подобную картину рисует в 1639 г. и другой испанский автор — Карденас Валенсия. «Для каждого квартала или его подразделения сановник (cacique) назначает по своему выбору знатного индейца, который служит предводителем квартала. . . Тот собирает дань, приношения и остальные вещи, принадлежащие государству. И когда сановник хотел решать общие дела, то он просто созывал этих упомянутых предводителей и отдавал им приказания, которые выполнялись неукоснительно. . .» [50].

В мелких юкатанских селениях и деревушках, состоявших из 5—15 «домовых общин» (большесемейных домохозяйств), власть осуществлял «ах-куч-каб» — пожилой богатый мужчина, выбираемый обычно из числа наиболее влиятельной «домовой общины» данного селения [51].

Таким образом, несмотря на наличие у юкатанских майя в XVI в. сильной общинной организации, внешне сохранившей в ряде случаев традиционные формы и институты предыдущей, первобытной, эпохи, там наблюдаются коренные изменения в самой сущности этой общинной структуры. Во главе государства — «нома» (столица с группой зависимых от нее сельских общин) стоит наследственный правитель — «халач виник» с весьма широкими политико-административными, военными и ритуальными функциями. Он лично назначает на все сколько-нибудь важные должности (глав селений и глав кварталов в своей столице) сановников — батабов — выходцев только из аристократических семейств. Халач виник опирается на постоянное профессиональное войско, чиновничий аппарат и мощную идеологическую поддержку со стороны многочисленного и влиятельного жречества. Именно к халач винику стекается в столицу основная масса прибавочного продукта,

отчуждаемого с помощью налогов, поборов и даней с рядовых общинников. В крупных селениях главы кварталов и более мелких подразделений — ах-куч-кабы — также назначались сверху, по выбору батабов. И лишь на уровне мелких общинных структур (деревушек и крохотных селений из полутора-двух десятков домовых общин) главу селения — ах-куч-каба действительно выбирали. И хотя мы не знаем точно, кто именно его выбирал, совершенно очевидно, что избранник этот всегда был человеком богатым и пожилым. Таким образом, перед нами — типичный образец раннеклассового государства со всеми его признаками и атрибутами.

[1] *Никифоров В. Н.* Восток и всемирная история. М., 1977.
[2] *Пиотровский Б. Б.* О формах хозяйства, способствовавших образованию классов и становлению государства // Тезисы докладов, посвященных итогам полевых исследований 1969 г. М., 1970. С. 17.
[3] *Никифоров В. Н.* Восток... С. 256.
[4] *Гуляев В. И.* Города-государства майя. М., 1979. С. 7.
[5] *Аверкиева Ю. П.* О месте военной демократии в истории индейцев Северной Америки // СЭ. 1970. № 5. С. 44.
[6] *Толстов С. П.* К вопросу о периодизации первобытной истории // СЭ. 1946, № 1; *Першиц А. И.* О «военной демократии» (к вопросу о периодизации первобытного общества) // СЭ. 1953. № 2; *Косвен М. О.* К вопросу о военной демократии // Проблемы истории первобытного общества. М.; Л., 1960; *Хмелинский В. М.* О понятии «военная демократия» // СЭ. 1973. № 4; *Аверкиева Ю. П.* Индейцы Северной Америки. М., 1974.
[7] *Аверкиева Ю. П.* О месте военной демократии... С. 44.
[8] *Sanders W. T., Price B. J.* Mesoamerica. The Evolution of a Civilization. N. Y., 1968. P. 115; *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
[9] См.: *Кнорозов Ю. В.* Заметки о календаре майя. Общий обзор. Ч. 1 // СЭ. 1971. № 2; Ч. 2 // СЭ. 1971. № 3.
[10] *Sanders W. T., Price B. J.* Mesoamerica... P. 42—43.
[11] *Массон В. М.* Экономика... С. 184. Рис. 22.
[12] *Sanders W. T., Price B. J.* Mesoamerica... P. 43—44.
[13] *Аверкиева Ю. П.* О месте военной демократии... С. 121.
[14] Там же, с. 83.
[15] *Goddard P. E.* Indians of the Southwest. N. Y., 1921. Handbook Series, N 2. P. 99.
[16] *Eggan F.* Social organization of the western Pueblos. Chicago, 1950. P. 106.
[17] *Smith M. G.* The plains Indians. Lincoln, 1924. P. 60—61.
[18] Пополь-Вух. Л., 1959. С. 107—108.
[19] *Fuentes y Guzman F. A.* Historia de Guatemala o Recordación Florida. Madrid, 1882. T. 1. P. 26.
[20] Memorial de Solola. México; Buenos Aires, 1950. P. 60.
[21] Memorial... P. 74.
[22] Memorial... P. 77.
[23] The Annals of the Cakchiquels. Norman, 1956. P. 87.
[24] Ibid. P. 80.
[25] Ibid. P. 87.

[26] *Guillemin G. F.* Development and function of the Tikal ceremonial center. Ethnos. Stockholm, 1968. N 1—4. P. 31.
[27] *Кнорозов Ю. В.* Иероглифические рукописи майя. Л., 1975. С. 253—254.
[28] *Кнорозов Ю. В.* Заметки о календаре майя (монумент «Е» в Трес-Сапотес) // Латинская Америка. 1973. № 6. С. 87.
[29] *Ланда Д.* Сообщение о делах в Юкатане. М.; Л., 1955. С. 51.
[30] Там же. С. 169—170.
[31] *Coe M. D.* A model of ancient community structure in the Maya Lowlands // Southwestern Journal of Anthropology. Albuquerque, 1965, V. 21. N 2. P. 105—106.
[32] *Кнорозов Ю. В.* Письменность индейцев майя. М.; Л., 1963. С. 72.
[33] *Las Casas B.* Apologética historia sumaria. Mexico, 1967. T. 1. P. 500.
[34] *Кнорозов Ю. В.* Заметки о календаре майя. Общий обзор. Ч. 1 // СЭ. 1971. № 3; Ч. 2 — СЭ. 1971. № 3. С. 81, 84.
[35] *Кнорозов Ю. В.* Заметки... Ч. 2. С. 84.
[36] *Кнорозов Ю. В.* Заметки... Ч. 1. С. 33—35.
[37] *Кнорозов Ю. В.* Заметки... Ч. 1. С. 37.
[38] *Кнорозов Ю. В.* Иероглифические... С. 255.
[39] *Кнорозов Ю. В.* Письменность... С. 24.
[40] *Кнорозов Ю. В.* Иероглифические... С. 254—255.
[41] *Ланда Д.* Сообщение... С. 169—170.
[42] *Кнорозов Ю. В.* Иероглифические... С. 255.
[43] *Coe M. D.* The Maya scribe and his world. N. Y., 1973.
[44] *Гуляев В. И.* Атрибуты царской власти у древних майя // СА. 1972. № 3.
[45] *Аверкиева Ю. П.* Военная демократия у индейцев Северной Америки // Возникновение раннеклассового общества. Тез. докл. конф. М., 1973. С. 44.
[46] *Sanders W. T.* Cultural ecology of the Maya Lowlands // Estudios de Cultura Maya. México. 1962. V. 2. P. 94.
[47] *Villa Rojas A.* Notas sobre la tenencia de la tierra entre los Mayas de la antigüedad // Estudios de Cultura Maya. México. 1961. V. 1. P. 8.
[48] Ibid. P. 30.
[49] Ibidem.
[50] Ibidem.
[51] *Coe M. D.* Maya... P. 107.

М. Ф. Косарев

ПРЕДПОСЫЛКИ СЛОЖЕНИЯ И СПЕЦИФИКА РАННЕКЛАССОВЫХ ОБЩЕСТВ В ТАЕЖНОМ ОБЬ-ИРТЫШЬЕ

Оценивая возможности социального развития таежных западносибирских аборигенов, необходимо, кроме всего прочего, учитывать их малочисленность и распыленность. Так, средняя плотность остяков и вогулов составляла по

документам XVII—XVIII вв. около 1 человека на 30—40 кв. км, т. е. была в 35—70 раз ниже, чем у скотоводов башкир. Еще более контрастны данные, касающиеся сравнительной численности охотничьего (охотничье-рыболовческого) и земледельческого населения. Поскольку древние земледельческие общества лучше всего изучены на юге нашей страны, обратимся к свидетельствам среднеазиатской археологии. По подсчетам Г. Н. Лисицыной, плотность древних земледельцев южной Туркмении изменялась примерно следующим образом: в неолите и раннем энеолите (VI—середина IV тысячелетия до н. э.), когда еще не было искусственного орошения, она составляла 10 человек на 1 кв. км; в развитом и позднем энеолите и в эпоху ранней бронзы (середина IV—начало II тысячелетия до н. э.) — 25 человек на 1 кв. км; в периоды развитой, поздней бронзы и раннего железа (II—начало I тысячелетия до н. э.) — 80—90 человек на 1 кв. км [1]. Эти данные показывают, что земледельческие общества по сравнению с охотничьими и охотничье-рыболовческими имели почти необъятный резерв увеличения численности населения.

Говоря об особенностях социальной жизни остяков начала текущего столетия, тобольские этнографы с горечью отмечали: «На борьбу с природой суровой родины, на труд добывания от нее себе средств для существования тратили прежде, тратят и доселе остяки свои силы, физические и духовные. К успеху этого дела и свелась главным образом остяцкая культура. Та угрюмая страна, которая породила остяка, завладела им, покорила его своей природе. Против последней оказалась бессильной даже сила общественности. Тундра и лес раздробили остяков на сравнительно небольшие, разбросанные по стране, по берегам местных вод общества. Не нашлось в этой стране удобного места, которое могло бы стать центром политической жизни остяков, положив начало крепкому политическому союзу. Разъединенные огромными пространствами и условиями местной жизни, остяцкие общества, удаленные от культурных соседей, жили обособленно и выработали такие формы быта, которые были удобны для жизни в данной местности, но которые сделали остяка непригодным для жизни в иных условиях. Он покорился лесу и тундре и не мог стать выше этих форм, создать что-либо большее» [2]. В этом высказывании, если не обращать внимания на проскальзывающие в конце фатальный настрой и неверие авторов в способность таежного обско-угорского населения подняться до высоких ступеней социального раз-

вития в других условиях, правильно подмечено огромное влияние природного окружения на хозяйство и быт, на численность и плотность населения, на социальную структуру, на исторические судьбы таежных западносибирских обществ. Примечательно, что этнографы не зафиксировали для аборигенного населения обь-иртышской тайги сколь-нибудь выраженных признаков, которые можно было бы считать социальными атрибутами племени, за исключением, пожалуй, запрета брака внутри определенных групп родственных родовых коллективов, каковые группы условно приравниваются исследователями к фратриальным образованиям.

Однако приведенные факты и соображения (весьма логичные с экологической точки зрения и подтвержденные этнографическими свидетельствами) находятся в известном противоречии с археологическими данными. Последние говорят о том, что экономическая и социальная жизнь таежных западносибирских аборигенов в прошлом отнюдь не пребывала в хроническом застое. Так, в развитии таежного западносибирского рыболовства археологически отмечается два крупных скачка. Первый из них относится в основном к позднему неолиту и энеолиту. Он был ознаменован распространением стационарного запорного рыболовства. Это позволило более эффективно использовать на проточных озерах и некрупных реках сети и рыболовческие ловушки типа котцов и вентерей. Улучшились возможности запасать рыбу впрок, что повысило степень оседлости населения и создало условия для повышения его численности. Второй крупный скачок в развитии рыболовства имел место около рубежа бронзового и железного веков. Он был вызван изобретением усложненных сетных ловушек типа калдана [3], в связи с чем были открыты пути к освоению практически неиссякаемых рыбных ресурсов крупных сибирских рек, в том числе Иртыша и Оби.

Выход таежных западносибирских групп на большие реки открыл возможности для дальнейшего повышения численности населения, усилил связи со скотоводческим и земледельческим югом, привел к существенным социальным сдвигам. Выделяются районы повышенной концентрации памятников. Так, на Барсовой Горе в окрестностях Сургута, на участке материкового берега Оби протяженностью 8—9 км свердловские археологи открыли 60 городищ и не менее сотни поселений со следами более двух тысяч жилищ, относящихся в основном к эпохам железа

и средневековья. Конечно, не все они существовали одновременно, но даже с учетом всех возможных поправок есть основания считать, что плотность населения в отдельных районах Иртыша и Оби стала с конца бронзового века весьма высокой. Активизируются миграционные процессы, многократно расширяются ареалы ряда культур. Так, в несколько раз возросла площадь культур крестовой керамики (VIII—VII вв. до н. э.), кулайской культурной общности (III—I вв. до н. э.) и т. д. Нам представляется, что столь бурные исторические события не могли происходить в условиях распыленности и социальной разобщенности мелких производственных коллективов, как это имело место в этнографической современности. Для разрешения противоречия между этнографическими и археологическими данными очень интересны остяцкие героические сказания, повествующие о жизни и подвигах древних богатырей. Они подробно и обстоятельно проанализированы в работах С. К. Патканова [4].

Согласно сведениям, содержащимся в этих устных произведениях, обско-угорский мир делился в прошлом на ряд враждовавших между собой политических образований, во главе которых стояли военные вожди или, по первым русским письменным источникам, князья. Князь (остяцк. — ур, урт; вогульск. — атер, отер) обязательно был богатырем; на языке остяцких былин слова «князь» и «богатырь» — по существу синонимы. Обязанностью князей было защищать население от врагов и руководить походами на земли других князей и богатырей. Ближайшие родственники князя — братья, дяди, сыновья (тоже богатыри) составляли своеобразную привилегированную военную касту. Их особое социальное положение отражалось даже в именах и прозвищах. Так, братья-богатыри из городка Эмдер именовались: «Кольчугу с сотней торчащих рожков носящий богатырь»; «Звенящую кольчугу из блестящих колец носящий богатырь»; «Богатырь с остроконечным мечом» [5].

Князь и высшее богатырское сословие жили в городке (городище), окруженном рвом, валом и деревянным частоколом. Здесь же находилась сокровищница, основным распорядителем которой был военный вождь (князь). Богатыри не занимались производительным трудом. Иногда, правда, они охотились на лося или ловили осетров (это считалось благородным занятием), но скорей ради забавы, а не пропитания. Основную часть своего досуга они проводили в пирах и военных упражнениях. Около каж-

дого городка была особая площадка, где богатыри состязались в стрельбе из лука, беге, метании тяжестей, прыжках через натянутые между столбами ремни и т. д.[6] Князь и богатыри, судя по сказаниям, выделялись не только физической силой, но также красотой, мудростью, благородством и другими качествами, не присущими простым людям. Женились они только на дочерях князей и богатырей. Княжеская власть передавалась по наследству. В своей посмертной жизни они становились небожителями, родовыми богами, которым поклонялись и приносили жертвы.

Богатырей в городках обслуживала домашняя челядь, мужская часть которой называлась «теу», «орт», женская — «теу-нен», «орт-нен». Прекрасный знаток остяцкого языка С. К. Патканов переводит эти термины как «раб» и «рабыня» [7]. В перечне ценностей, выплачиваемых князем или богатырем за невесту, упоминаются в первую очередь «рабы», «рабыни», затем идут кольчуги, мечи, топоры, котлы и пр.[8] Основным источником рабства была война. Кондинские вогулы, постоянно страдавшие от набегов кодских остяков, жаловались в 1600 г., что последние «жены их, и дети и людей емлют к себе в юрты... в холопи». Далее документы Сибирского приказа констатируют: «Ныне де жены их (т. е. кондинских вогулов. — *М. К.*), и дети, и сестры, и братья, и племянники у князя Ичигея и у его людей в волостях служат в холопех шесть лет, и живучи де у него и у людей его с работы и с нужи, и с голоду, и с наготы и босоты в конец погибли и помирают нужною смертью» [9].

Простые общинники («земляные люди») жили за пределами городков в обычных поселениях, кормясь трудом рук своих. Их главной обязанностью было поставлять в случае необходимости воинов в княжеское войско. Они в отличие от богатырей не имели кольчуг и мечей, а были вооружены лишь луками и лиственничными или еловыми дубинами. В мирное время, когда угроза военной опасности ослабевала, бывшие воины вновь обращались к рыболовческо-охотничьим занятиям. В такие периоды они, судя по документам Сибирского приказа, платили князю так называемые «поминки» — своеобразный вид полудобровольных приношений [10]. Эта социальная категория с приходом русских в значительной своей части влилась в разряд служилых людей на службе русских властей. Так, Кодские княжества не платили ясак русскому царю, но зато кодские остяки обязаны были участвовать в похо-

дах, предпринимаемых русскими, в строительстве острогов и т. д.[11]

Помимо свободных общин, находившихся близ городища, были зависимые роды-данники, обитавшие в основном вдали от больших рек по речкам и озерам. Они должны были отдавать определенную часть своей добычи на содержание князя, богатырей и их челяди и на пополнение княжеской казны. Князь, имея запас материальных ценностей (главным образом в виде пушнины) и значительный пищевой фонд, был в состоянии надолго выключать свободных общинников («земляных людей») из сферы производительного труда, отправляясь с ними в завоевательные походы. Целью этих походов был захват жен, рабов и материальных ценностей. Зависимые роды оставались в стороне от социальных бурь, будораживших центры княжеств, продолжая жить на первобытно-родовом уровне и, будучи распылены по глухим таежно-болотным местам, не смогли создать каких-либо четких и устойчивых социальных объединений, которые можно было бы квалифицировать как племя. Вот почему, когда с приходом русских остяцкие княжества распались, эти многочисленные группы, рассеянные в зауральской и западносибирской тайге, в значительной мере определили общий социальный колорит обско-угорского мира, представшего позднее глазам этнографов.

Князь и богатыри, прежде чем окончательно решиться на военный поход, созывали свободных общинников на народное собрание. Оно проходило в специальном помещении, которое было намного крупнее обычных жилищ. В одном сказании упоминается о таком общественном строении, состоявшем из «800 жердей» [12]. Сначала совершались жертвоприношения, затем устраивался пир. Насытившись, старики открывали собрание традиционным вопросом к князю и богатырям — в чем причина сборища и пира. Узнав, с кем предполагается война, старейшие рассуждали о том, насколько это предприятие может быть успешным и стоит ли вообще начинать его. Князь и богатыри, выслушав советы стариков, все-таки обычно решали дело по-своему. Собрание, как правило, заканчивалось отбором воинов для предстоящего похода.

Перед походом остяки и вогулы нередко приносили человеческие жертвы. «А в прошлых де годах, — сообщает Пермская летопись, — бывало у их братьи иноземцев, что похотят де великим государем изменить и заведетца какая шатость в них, что похотят де на город притти и

людей государевых побить, и они де побивали по своей вере шайтану свою братью остяков; а как де после того у их братьи у иноземцев измены и шатости не бывало, и они де людей шайтану не побивали, а побивали де шайтану по своей вере оленей и лошадей» [13]. Следы человеческих жертвоприношений выявлены западносибирскими археологами на городищах кулайской и усть-полуйской культур эпохи раннего железа (Сарово, Усть-Полуй и др.).

Несмотря на то что князья обладали большой политической властью, передававшейся по наследству, известны случаи, когда народ смещал неугодного князя или когда недовольные уходили к другому князю. Так, по преданию, некогда в Чиликтинских юртах возникли разногласия между князем и народом, и часть населения покинула пределы княжества. Однако через некоторое время местный князь восполнил потерю за счет людей, пришедших из княжества Эмдер [14]. Одним из самых крупных владений было упоминаемое во многих сказаниях княжество во главе с городком Тапар-вош. Там в походах участвовало 300 воинов, что соответствовало населению примерно в 1200 душ обоего пола. Но С. К. Патканов считает численность ополчения несколько завышенной. В другом сказании говорится о небольшом княжестве где-то на Оби, которое могло выставлять лишь 50 воинов [15].

Согласно сказаниям, главным врагом остяков были северные самоеды. Последние, особенно после приобщения к оленеводству, по отношению к остякам выступали в роли, напоминающей отчасти роль кочевников скотоводов степей и полупустынь по отношению к оседлым земледельцам. Сходной была даже манера их нападения. Самоеды появлялись внезапно, так как обычно транспортировались на оленях и не теряли времени на добывание пищи (совершая военный поход, они специально для пропитания гнали с собой оленье стадо). Окружив городок, самоеды вынуждали осажденных остяков, не имевших значительных пищевых запасов, сдаваться на милость победителя, если вовремя не приходила подмога.

При особой опасности, грозившей со стороны общего врага, остяцкие князья заключали между собой военные союзы. Так, остяцкий князь Лугуй в начале освоения Сибири русскими правил шестью городками, объединяя под своей властью, кроме ляпинских, также казымских и куноватовских остяков [16]. Во время похода на север вниз по Иртышу ближайшего сподвижника Ермака атамана

Богдана Брязги Демьянский князь Нимнян собрал в своем городке до 2 тыс. воинов, причем в его союзниках были не только остяки, но, видимо, и кондинские вогулы [17]. По остяцким преданиям, их предки перед началом войны укрепляли свои городки: исправляли валы, углубляли рвы и возводили новые частоколы. В ожидании прибытия врагов по реке в речное дно забивали наклонно колья, остриями в ту сторону, откуда должен был появиться враг (лодки у самоедов были раньше берестяными), и принимали другие защитные меры. Осажденные подавали своим союзникам знак о помощи, выставляя длинные шесты с красными лоскутами на вершине [18].

Видимо, в смутный период конца XVI—XVII в. часть таежного западносибирского населения, значительно поредевшего в результате войн, участившихся голодовок и эпидемий, покинула большие реки и переселилась в более труднодоступные места — на малые речки и проточные озера глубинных районов Обь-Иртышья, вернувшись к архаичным способам рыболовства и охоты, что не могло не привести к известной архаизации социального устройства. Нам представляется, что зафиксированный этнографически социально-экономический уклад обских угров, равно как численность и плотность их населения по документам XVII в., более сопоставимы с эпохами неолита и бронзы, чем с периодами железа и средневековья — героическими временами богатырей, народных собраний и завоевательных походов.

Можно допустить, что отмеченная этнографами нечеткость шаманских верований у обских угров (отсутствие специального шаманского костюма, невыраженность института ученичества, характерность «домашнего», или «семейного» шаманства и т. д.) объясняется тем, что городки в период их расцвета были центрами не только политической, но и религиозной жизни древнего обско-угорского населения. Вряд ли случаен тот факт, что особенно часто священными местами у кондинских остяков являлись так называемые «чудские городки» [19]. Упадок городков мог привести к архаизации не только социальной, но и религиозной жизни общества. Это тем более вероятно, что по некоторым сведениям в дорусский период служители культа или во всяком случае наиболее авторитетные шаманы были одновременно богатырями и военачальниками (князьями) [20].

М. А. Кастрен и Ф. Белявский описали интересную ритуальную церемонию у остяков, совершавшуюся перио-

дически один раз в несколько лет и заключавшуюся в ночных военных плясках, которыми руководил вооруженный шаман. Собирали участников этого ритуального действия дети нарочито испуганными криками, как бы под впечатлением внезапно возникшей опасности. «Когда все соберутся, — сообщает Ф. Белявский, — тогда шаман гремит железными саблями и копьями, заблаговременно приготовленными перед кумиром на шестах. Каждому из предстоящих (исключая женщин, закрытых занавеской) дает саблю или копье, и сам берет по сабле в обе руки, становясь к кумиру спиной; по получении обнаженных сабель остяки становятся вдоль юрты рядами и вертятся вокруг по три раза, держа перед собой сабли и копья. Шаман ударяет саблями одна о другую, тогда остяки как бы по команде поднимают крик на разных голосах и, качаясь с одной стороны на другую, кричат то редко, то часто, отставая один от другого, и при каждом повторении «гай» переваливаются на сторону, осаживают свои орудия то книзу, то кверху. Крик сей и движение продолжаются около часу. Чем более остяки в это время кричат и качаются, тем более приходят в исступление так, что наконец нельзя смотреть на них без сожаления. После сего, умолкнув, вертятся по-прежнему, отдают свои орудия, которые шаман кладет на прежнее их место. Тогда остяки садятся на нары и по полу; занавес открывается, остячки выходят и начинается пляска и музыка. Через несколько времени потом шаман снова раздает сабли и копия и начинается «гай». В заключение стучат своими оружиями по три раза в пол, отдают их шаману и расходятся по домам» [21].

По запискам М. А. Кастрена, эту церемонию организовывали роды, жившие в низовьях Оби, но участвовали в ней все низовые остяки; празднество продолжалось несколько ночей подряд, причем в первую ночь пляску с оружием перед идолом совершал один шаман [22].

Совершенно очевидно, что в вышеописанных действиях шаман выступает прежде всего как военный вождь — военачальник и распорядитель военного арсенала. Изображения сцен таких военных плясок известны на костяных и металлических предметах, относящихся к началу средневековья и даже к ранним этапам железного века [23]. Чаще всего они процарапаны на древних серебряных блюдах среднеазиатского происхождения. Среди фигурок пляшущих воинов, как правило, выделяется на переднем плане крупная фигура богатыря [24]. Он стоит в полуприсев-

шей позе, ноги расставлены, колени развернуты в сторону; в приподнятых и согнутых под прямым углом руках сабли с обращенными вверх остриями.

Н. Харузин в одной из своих работ дал богатую подборку этнографических и исторических примеров, из которых следует, что с переходом от родового строя к раннегосударственным образованиям нередко возникала тенденция к монополизации вождем не только верховной военной и гражданской, но и высшей религиозной власти. Затем, когда власть правителя стабилизировалась на уровне царской, необходимость такого совмещения отпадала, светская и духовная власть вновь разделялись. Разделение происходило и тогда, когда раннегосударственное образование по тем или иным причинам вновь уступало место более архаичному родо-племенному обществу [25].

Охарактеризованная тенденция помогает понять особенности социальной и политической истории обско-угорского общества. Проявление этой тенденции мы видим и в истории ряда других этнических групп Сибири. По материалам, собранным М. Н. Хангаловым и Д. А. Клеменцом, у северных бурят с разложением родового строя возникло в прошлом своеобразное раннегосударственное образование, основным проявлением которого была организованная на военный лад облавная охота на диких животных, сочетавшаяся с грабительскими набегами на соседей. Во главе общества стоял главный шаман-галши. Во время религиозных обрядов он был верховным жрецом, в военных действиях — высшим военачальником, на облавной охоте — главным руководителем, во время тяжб и споров — верховным судьей. Он был также основным распорядителем общественной казны, владельцем больших богатств и многих рабов. Затем, в изменившихся исторических условиях, власть шаманов пала; вслед за этим у северных бурят вновь возобладали родовые начала, основными распорядителями общественной и экономической жизни опять стали родоначальники и выборные старейшины, а на смену шаманам-начальникам пришли обычные шаманы, которые, по словам Д. А. Клеменца и М. Н. Хангалова, «вполне подчинились условиям новой жизни наравне с простыми бурятами периода массового общинного скотоводства» [26].

Остяцкие богатыри, по сказаниям, были вещими людьми и обладали чудодейственным даром: чуяли приближение врага, умели превращаться в зверей, гадов, птиц и рыб, могли исцелять раны и даже воскрешать

мертвых. Как и шаманы, они были способны не только посещать «сем концов земли», но также достигать «Верхнего Мира», спускаться в подземное царство, где они даже вступали в сражения с обитателями «Преисподней» [27]. Обращаясь к высшим божествам, былинные остяцкие князья-богатыри не прибегали к посредничеству шаманов, а осуществляли этот контакт сами, совершая моления и жертвоприношения не только от себя, но и от своих подданных [28]. Примечательно, что в остяцких героических сказаниях шаманы как таковые вообще не упоминаются.

После исчезновения богатырей как реальной социальной силы продолжала сохраняться вера в их сверхъестественную, религиозную значимость. «Души их, — писал С. К. Патканов, — и поныне витают над страной остяков, посылают им удачу в рыбной ловле и на охоте и, будучи любимцами бога, устраняют от них многие бедствия, за что благодарные потомки молятся им, как добрым духам, и приносят им кровавые жертвы и дары» [29]. «Многие из родовых и семейных богов, — отмечал Н. Л. Гондатти после этнографической поездки в Нижнее Приобье, — не что иное, как именно... богатыри, признаваемые почему-то покровителями» [30]. Еще в текущем столетии путешественники и этнографы встречали на Вахе среди остяцких «прикладов» в жертвенных местах огромные кафтаны и халаты, предназначенные для обожествленных предков-богатырей (матур) [31]. У салымских остяков также был распространен культ предков-богатырей (тонхов). Тонхи изображались в виде деревянных идолов с жестяным лицом; при них имелось богатырское вооружение. Л. Шульц, посетивший на р. Салым несколько священных амбарчиков — обиталищ тонхов, перечисляет оружие одного из них: железный меч с раздвоенной рукоятью, топор, нож для скальпирования врагов и бердыш [32]. В XVIII в. культ богатырей у обских угров был еще более выражен. Гр. Новицкий, побывавший у них в начале XVIII столетия, писал: «Обаче знамения воинских дел: шабель, панцеров множество обретаются, но вся сия ветхая, а наипаче при кумирах, и оттуду является, что древних лет народ сей упражняшеся воинскими делы» [33].

Можно предположить, что почитание богатырей нашло свое обобщенное выражение в культе Орт-ики (Ортика) у остяков и Мир-суснэ-хума у вогулов — светлых солнечных божеств, ведающих всеми делами на земле, посредников между Верхним и Средним мирами. Они, как и богатыри, представлялись нередко в виде всадников,

а их деревянные изображения в кумирнях сопровождались боевым оружием и имели, подобно предкам-богатырям (тонхам, матур и др.), серебряное, медное или вообще блестящее металлическое лицо.

С архаизацией социального устройства обских угров после упадка городков и социальной гибели богатырей место княжеских сокровищниц заняли родовые сокровищницы, однако хозяином и распорядителем их попрежнему считался князь или богатырь, но уже в виде обожествленного родового предка. По свидетельству П. Инфантьева, в священные амбарчики, где находилось родовое божество и хранились сокровища, «каждый нуждающийся вогул мог во всякое время приходить и брать из них столько, сколько ему нужно с тем, разумеется, условием, чтобы впоследствии, после первой же удачной охоты возвратить взятое обратно» [34]. По данным, собранным Н. Л. Гондатти, еще в 50—60-х годах прошлого столетия в некоторых вогульских священных амбарчиках русские и зыряне «находили по сотням разных шкур и по десяткам пудов серебра; подобные запасы имели большое значение в жизни инородцев в случае несчастных происшествий как у отдельных лиц, так и целых родов, так как из них можно было брать взаимообразно какое угодно количество вещей с тем, понятно, чтобы потом, при улучшении условий, все возвращалось обратно с известным увеличением» [35].

Социальная структура, описанная в остяцких героических сказаниях, начала складываться, на наш взгляд, с рубежа бронзового и железного веков, когда в связи с изобретением усложненных сетных ловушек увеличивается общая экономическая стабильность и часть населения из глубинных таежных районов переселяется на большие реки и прочно оседает здесь. Раскрывая содержание остяцких былин, С. К. Патканов приходит к выводу, что в те времена «остяки умели добывать рыбу не только в озерах и речках, но и морскую рыбу в крупных реках Иртыша и Оби, где лов требует большого искусства и более крупных снастей» [36]. Былинные богатыри, например, ловили крупных осетров, мясо и жир которых составляли их любимое лакомство.

Уже в конце бронзового века на крупных западносибирских реках таежной зоны повсеместно возникают мощные земляные укрепления (городища или городки): Малый Атлым, Остяцкая Гора, Шайтанка и др. Ф. Белявский приводит интересный факт: по словам остяков, «места,

где жили прежде их князцы и владельцы, назывались городами и отличаются... изобилием рыболовства» [37]. Таким образом, городища строились, видимо, лишь там, где их стратегическая необходимость сочеталась с экономическими выгодами.

Выход на большие реки, т. е. по западносибирским понятиям на «большие дороги», способствовал усилению связей с югом, где в это время возрастает спрос на сибирскую пушнину. В обмен на «мягкое золото» в Западную Сибирь поступают высококачественные товары, изготовленные в торгово-ремесленных центрах Средней Азии и других южных стран: предметы роскоши в виде разнообразных серебряных изделий, художественно оформленные зеркала, металлическая посуда, дорогое оружие и т. д. В руках родовой верхушки и военных вождей скапливаются большие материальные ценности, усиливается их политическая власть, возрастает алчное внимание к богатствам соседей. На смену относительно мирной жизни приходит эпоха захватнических войн и грабительских походов. Вся Западная Сибирь покрывается городками-крепостями, являвшимися центрами социально-политических единств, убежищами в дни опасности, местами хранения накопленных богатств.

Нам представляется, что характеризуемые общества отражают третью, последнюю, стадию развития родового строя, когда, по К. Марксу, управление сосредоточивается в руках совета вождей, народного собрания и высшего военачальника [38]. Ф. Энгельс, применительно главным образом к обществам с производящей экономикой, употреблял для обозначения подобных социально-политических организмов термин «военная демократия» [39]. Общество, построенное на военный лад, было, как правило, более организованным в социально-экономическом и более сильным в военно-политическом отношениях. «Война, — писал К. Маркс, — раньше достигла развитых форм, чем мир; способ, каким на войне и в армиях и т. д. такие экономические отношения, как наемный труд, применение машин и т. д., развились раньше, чем в гражданском обществе» [40].

Таким образом этнографически засвидетельствованный (и экологически объяснимый) факт, что таежные сибирские аборигены по своей социальной организации во многом оставались на уровне первобытности, не может быть формально спроецирован на древние эпохи; археологические материалы, данные фольклора и отчасти письмен-

ные источники говорят о существовании здесь в прошлом достаточно развитых социально-политических организмов — на уровне раннегосударственных образований.

Вместе с тем, если учитывать весь комплекс накопленных данных, напрашивается вывод о неровной, «волнообразной», если можно так выразиться, социальной истории таежных западносибирских обществ в древности. Скорее всего здесь в течение нескольких последних тысячелетий, начиная, видимо, с эпохи раннего железа, а возможно с поздних этапов бронзового века, периоды социальной консолидации — до уровня «военной демократии» чередовались с периодами, когда вновь возвращались к жизни и приобретали силу находившиеся временно в угнетенном состоянии многие элементы древних родовых традиций (во времена сравнительно мирной жизни, ослабления или прекращения южных экономических связей в связи с оскудением тайги пушным зверем, после опустошительных эпидемий и т. д.). Конечно, волны этих социальных «подъемов» и «спадов» имели в разные эпохи в разных районах разную выраженность, но то, что в целом социальная история здесь шла «неровным» путем, представляется нам почти очевидным. Подобная «волнообразность» социального развития не является беспрецедентной. Нечто похожее мы видим в истории степных кочевых обществ, где, согласно концепции Г. Е. Маркова, неоднократно совершались переходы от общинно-кочевого состояния к военно-кочевому и наоборот [41]. Это, видимо, является особенностью обществ с консервативным укладом, которые при данной форме хозяйства, в данных экологических условиях и на определенном эпохальном фоне уже в значительной мере исчерпали возможности своего социально-экономического развития.

Военная демократия (или какой-то ее аналог) у древнего охотничьего и охотничье-рыболовческого населения Западной Сибири была, видимо, высшей формой социально-политической консолидации, которая могла быть там достигнута. В условиях традиционного присваивающего хозяйства рассмотренный уровень социального сплочения таежных западносибирских аборигенов не был следствием достаточно высокого уровня производительных сил. Здесь в отличие от более южных областей Евразии не могли утвердиться производящие формы экономики, не мог появиться постоянный прибавочный продукт, не могли возникнуть города как центры ремесла и торговли.

Поэтому главной причиной возникновения здесь поли-

тических образований типа военной демократии была милитаризация общества перед лицом длительно существующей военной опасности, необходимость вести частые оборонительные и наступательные войны с соседями. Когда эта опасность проходила, должен был исчезать или во всяком случае затухать стимул, поддерживавший жизнь таких объединений. Именно в силу этих обстоятельств процесс перехода от родового строя к государству в течение последних нескольких тысячелетий возобновлялся здесь неоднократно, но в условиях присваивающей экономики и крайне низкого лимита плотности населения не шел (и не мог идти) дальше этой переходной стадии.

Изложенное не означает, что «волнообразность» социального развития таежных западносибирских обществ диктовалась лишь сменой благоприятных и неблагоприятных исторических ситуаций. Необходимо учитывать специфику присваивающей экономики, проявляющуюся прежде всего в периодических колебаниях объема и доступности естественных пищевых ресурсов. Нельзя не принимать во внимание и другие факторы, в частности степень готовности обществ с присваивающей экономикой к крупным общественным разделениям труда.

С изобретением усложненных сетных ловушек, а затем развитием оленеводства у западносибирского населения активизировался процесс расчленения подвижного и оседлого хозяйственно-бытовых укладов. В новое время результаты этого процесса выразились в разделении нижнеобских угров на кочевых оленеводов и оседлых рыболовов с транспортным собаководством у последних. На более ранних исторических этапах этот процесс шел по линии выделения в пределах ареала присваивающей экономики обществ подвижных охотников (представленных в наиболее чистом виде в каменном и бронзовом веках тундровой зоны) и оседлорыболовческих обществ (представленных наиболее четко в энеолите озерного Притоболья), между которыми локализовались более динамичные по своей хозяйственной структуре охотничье-рыболовческие общества с перевесом в хозяйстве то охотничьего, то рыболовческого промыслов.

Тенденция к расчленению подвижных и оседлых элементов хозяйства у охотничье-рыболовческого населения Сибири выступает на уровне исторической закономерности, характеризуя одно из необходимых условий поступательного развития общества — общественное раз-

деление труда. Однако в условиях присваивающего хозяйства таежной и тундровой зон по существу любое крупное разделение труда почти неизбежно приводило к распаду общества на два разных социально-хозяйственных организма — в данном случае на общество подвижных охотников (оленеводов) и общество оседлых рыболовов. Это давало социально-экономическому развитию односторонее направление, что нередко вынуждало рыболовческие и охотничьи общества возвращаться к комплексному охотничье-рыболовческому хозяйству, которое на определенных исторических этапах или в изменившихся экологических условиях вновь обнаруживало тенденцию к расчленению подвижного и оседлого укладов. Эти тенденции особенно усиливались после очередных экономических открытий, среди которых наиболее значимы широкое внедрение запорного рыболовства, лыж и нарт (накануне эпохи металла), изобретение усложненных сетных ловушек, совершенствование приемов пушного промысла (около рубежа бронзового и железного веков), приручение оленя (железный век) и т. д.

[1] *Лисицына Г. Н.* История орошаемого земледелия в Южной Туркмении // Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1972. Вып. 1. С. 11—16.
[2] *Пигнатти В. Н., Ивановский В. А., Гладышев Т. П., Шульц Л. Р., Чукомин П. П.* Изделия остяков Тобольской губернии // ЕТГМ. 1911. Т. XIX. С. 9—11.
[3] *Васильев В. И.* Проблема происхождений орудий запорного рыболовства обских угров // ТИЭ. 1962. Т. 78.
[4] *Патканов С.* Стародавняя жизнь остяков и их богатырей по былинам и сказаниям // ЖС. 1891. Вып. 3/4; *Он же.* Остяцкая былина про богатырей города Эмдера // ЖС. 1892. Вып. 2.
[5] *Патканов С. К.* Остяцкая былина... С. 92.
[6] *Патканов С.* Стародавняя жизнь остяков... С. 43.
[7] Там же. С. 49.
[8] *Патканов С. К.* Остяцкая былина... С. 94.
[9] *Бахрушин С. В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII веках // Изв. научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера. Л., 1935. Вып. 3. С. 24.
[10] Там же. С. 45.
[11] Там же. С. 47—49.
[12] *Патканов С.* Стародавняя жизнь остяков... С. 32.
[13] *Шишонко В.* Пермская летопись с 1263—1881 г. Период 2. С. 1645—1676 г. Пермь, 1884. С. 714.
[14] *Патканов С.* Стародавняя жизнь остяков... С. 20—21.
[15] Там же. С. 22.
[16] *Бахрушин С. В.* Остяцкие и вогульские княжества... С. 37, 67.
[17] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М.; Л., 1937. С. 242.
[18] *Патканов С.* Стародавняя жизнь остяков... С. 68.
[19] *Городков Б.* Река Конда // Землевладение. 1912. Кн. 3/4. С. 198.

[20] *Иванов С. В.* Элементы защитного доспеха в шаманской одежде народов Западной и Южной Сибири // Этнография Алтая и Западной Сибири. Новосибирск. 1978. С. 138—142.
[21] *Белявский Ф.* Поездка к Ледовитому океану. М., 1833. С. 90—91.
[22] Этнографические замечания и наблюдения Кастрена о лопарях, карелах, самоедах и остяках, извлеченные из его путевых воспоминаний 1838—1844 г. // Этнографический сборник, издаваемый ИРГО. СПб., 1858. Вып. 4. С. 308—309.
[23] *Спицын А.* Шаманские изображения // Зап. отд. русской и славянской археологии ИРГО. 1906. Т. 8. Вып. 1. Рис. 4; 7; 9.
[24] Там же.
[25] *Харузин Н.* Этнография. СПб., 1903. Вып. 3. Собственность и первобытное государство. С. 240—281.
[26] *Клеменц Д. А., Хангалов М. Н.* Общественные охоты у северных бурят // Материалы по этнографии России. СПб., 1910. Т. 1.
[27] *Патканов С.* Стародавняя жизнь остяков... С. 45, 47.
[28] Там же. С. 63.
[29] Там же. С. 74.
[30] *Гондатти Н. Л.* Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. М., 1888. С. 37.
[31] *Шатилов М. Б.* Ваховские остяки // Тр. ТКМ, 1931. Т. 4. С. 105.
[32] *Шульц Л.* Краткое сообщение об экспедиции на р. Салым Сургутского уезда // ЕТГМ. 1913. 21.
[33] *Новицкий Гр.* Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Гр. Новицким в 1715 г. СПб., 1884. С. 44.
[34] *Инфантьев П.* Этнографические рассказы. СПб., 1909. С. 245.
[35] *Гондатти Н. Л.* Следы язычества... С. 8.
[36] *Патканов С.* Стародавняя жизнь остяков... С. 34.
[37] *Белявский Ф.* Поездка к Ледовитому океану. С. 52.
[38] *Маркс К.* Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество» // Архив К. Маркса, Ф. Энгельса. Л., 1941. Т. 9. С. 88.
[39] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 164.
[40] *Маркс К.* Экономические рукописи 1857—1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 46.
[41] *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976. С. 313.

Ю. М. Кобищанов

ПОЛЮДЬЕ И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИ ПЕРЕХОДЕ ОТ РАННЕГО К РАЗВИТОМУ ФЕОДАЛЬНОМУ ГОСУДАРСТВУ

Фундаментальные исследования ранних государств, предпринятые Хенри Й. М. Клэссеном, Петером Скальником и их коллегами [1], не уделили достаточного внимания одному феномену, в котором, как в фокусе заключены многие важнейшие черты раннего государства. Я имею в виду феномен, называвшийся в англосаксонском языке

гэфол, или феорм, в древнем скандинавском — вейцла, в древнерусском — полюдье, в древнепольском — стан, или гощение, в гавайском — макахики и т. д., и имевший почти глобальное распространение [2].

При полюдье носитель государственной или жреческой власти (вождь-жрец, священный царь) или его заместитель (наследник престола, наместник, посланец и т. п.) обходит по традиционному маршруту подвластные ему общины и пограничные земли, осуществляя здесь свои привилегии и выполняя свои главные функции.

В наиболее полном виде полюдье представляет собой центральный момент функционирования зарождающейся государственности, в котором сочетаются экономические, социальные, политические, судебные, коммуникативные, символические и религиозные функции священных царей.

Экономическое содержание полюдья прежде всего заключалось в том, что оно устанавливало продолжительное, относительно регулярное, фиксируемое обычаем изъятие прибавочного продукта у организованных в общины мелких производителей при личном участии глав ранних государств. Этот продукт перераспределялся среди окружения царя, сопровождавшего его как свита. В полюдье царь кормился сам и кормил свой двор, свою дружину. Полюдье предполагает наличие некоторого прибавочного продукта, отчуждаемого царем в виде дани на месте его производства. Это одна из наиболее примитивных форм феодальной ренты, но вместе с тем прообраз ренты-налога. Она предполагает также значительную роль общины, господство мелконатурального производства лично свободных земледельцев-общинников (протокрестьян) [3]. Систему изъятия прибавочного продукта путем полюдья я считаю раннефеодальной.

Касаясь экономической функции этого института, М. Блох указывал, что европейский феодал IX—XI вв., будь то император или барон, должен был «со своей свитой постоянно переезжать из одного своего владения в другое. Приходилось их посещать, чтобы тут же на месте потребить съестные припасы, перевозка которых в общий центр была бы и затруднительной, и дорогостоящей» [4].

Сказанное выше можно отнести и к главам других ранних государств, складывавшихся в разное время в разных регионах мира, например в Ирландии I—IV вв., Англии и скандинавских королевствах VIII—IX вв. или в центральноафриканских саваннах и на Маршалловых островах XIX в.

В Англии короли обходили свои владения, собирая дань. Когда они прибывали в принадлежавшие им усадьбы или «королевские селения», окрестное население было обязано снабжать их продуктами земледелия, скотоводства, пчеловодства, рыболовства, а также ремесленными изделиями [5].

В Швеции и Норвегии конунги и правители менее высокого ранга расчищали в лесах участки и создавали домохозяйства, в которых поселяли личнозависимых людей. Эти домохозяйства они периодически обходили полюдьем [6]. «Когда конунг прибывал в один из своих дворов, разбросанных по стране, жители окружающей местности привозили сюда продукты, которые шли на содержание конунга и его спутников... Не существовало, по-видимому, твердо установленных норм обложения, отнюдь не присуща была этим поборам и строгая регулярность; присваивались они не через посредство специальных сборщиков, а самим конунгом и его слугами во время постоянных разъездов по стране, которые в значительной мере этим и вызывались» [7].

На Маршалловых островах каждый остров был разбит на множество участков, обрабатывавшихся отдельными семьями сервов-каюров и принадлежавших разным вождям — членам высшей касты. Считалось, что вождю принадлежит первый из двух годовых урожаев, а второй — его сервам. Вожди в лодках разъезжали по островам, посещая своих сервов и собирая дань, часть которой вожди низшего ранга передавали своим сюзеренам — вождям высшего ранга [8].

По свидетельству О. Е. Коцебу, в 1817 г. исследовавшего острова Ратак, или Радак (восточная часть Маршалловых), они за несколько лет до их открытия были объединены вождем Ламари, истребившим прежних вождей. Свои владения Ламари обходил с военным отрядом, посаженным на лодки, подолгу (в одном случае два месяца) останавливаясь на каждом острове, везде собирая с населения дань продовольствием и высоко ценимыми железными орудиями, а также набирая ополчение на войну с соседями [9]. Сообщение О. Е. Коцебу рисует полюдье основателя раннего государства.

Согласно С. Ли Ситону, на Гаваях «цикл макахики... регулировал материальный обмен между членами экологической системы». Его экономическое и социальное значение состояло из взаимодействия подсистемы производство — распределение — потребление с подсистемой ранг — мана — табу [10].

В государствах Грузии полюдье сохраняло свое экономическое значение еще в XIX в. По словам советского абхазского историка Г. А. Дзиндзария, для абхазских крестьян XIX в. полюдье правителя, совершавшееся один или два раза в год, имело «характер едва ли не самого тяжелого оброка», когда, как писал русский начальник Черноморской линии А. И. Будберг, «в один день истреблялся труд целого года» [11]. В Картли-Кахетии и Имеретии их цари, в Мегрелии, Гурии, Нижней Сванетии — их правители ежегодно с большой свитой путешествовали по стране, живя за счет местного населения [12].

Как на Кавказе[13] и в Полинезии[14] XIX в., так и в Норвегии IX—X вв. пышность пира во время полюдья была выражением лояльности и предметом гордости лица, которое его устраивало для своего сюзерена [15].

Другая экономическая функция полюдья (в раннефеодальных обществах на периферии развитых феодальных и позднефеодальных обществ) заключалась в том, что через его посредство отчуждались экзотические продукты и люди, превращавшиеся в товары дальней торговли с центрами цивилизаций, где эти товары становились предметами роскоши.

В X в. Константин Багрянородный детально описал полюдье в Киевской Руси, длившееся всю холодную половину года. Полученные в полюдье ценности (меха, мед, воск, невольников) в теплую половину года везли в Константинополь [16].

В Тропической Африке полюдье давало значительную часть золота, слоновой кости, шкур диких зверей, а также невольников на экспорт в зону древних цивилизаций. Часто торговые экспедиции (в Аксуме IV в. [17], в Мали XIV в.) за золотом являлись продолжением полюдья [18]. Вероятно, правители Мономотапы и ее вассальных владений путем полюдья получали золото для продажи арабско-суахилийским и португальским купцам.

Царям христианской Нубии полюдье давало невольников для поставок в Египет в счет бакта — принудительного межгосударственного обмена [19].

На востоке Индонезии морские полюдья (хонги) султанов Тернате и Тидоре давали им воск, смолы, кору массои, пряности, шкурки райских птиц, невольников[20] — товары дальней торговли средневековья и эпохи великих географических открытий.

Политическое значение полюдья заключалось в том, что царь укреплял свою власть на местах и границы

своей державы, принимая знаки верности, усмиряя непокорных и отражая набеги врагов. Посылая в полюдье других лиц вместо себя, царь тем самым внедрял элементы государственного аппарата в систему общин. Однако именно неразвитость государственного аппарата является одной из причин существования полюдья.

По С. Ли Ситону, «цикл макахики (так называли комплекс полюдья на Гаваях. — *Ю. К.*) устанавливал ритуальный инструмент для регулирования гавайской экологической системы. Эффект такой регуляции состоял в поддержании политического равновесия, мешавшего формированию государства ... Цикл макахики фактически служил для интегрирования политической культуры в поддержании политической суперструктуры, и его предельным эффектом было политическое равновесие» [21].

О социальной и политической функции этого института Марк Блох писал, что «в Европе IX—XI вв. не было такой службы или технического средства, которые заменяли бы личный контакт. Управлять государством, сидя во дворце, было невозможно; чтобы держать страну в руках, приходилось беспрестанно разъезжать по ней во всех направлениях» [21а]. В полюдье царь укреплял свои личные связи как с сопровождавшими его людьми, так и с населением тех общин, которые он посещал. Вместе с тем при таком кочующем дворе-дружине формировался определенный тип личности. Все это составляло социальное содержание полюдья.

Полюдье вырабатывало особый походный, почти кочевой ритм жизни царя, его семьи, приближенных и гвардии, далекий от оседлой жизни городов и феодальных замков, сопряженный с различными тяготами и опасностями. Европейские монархи раннего средневековья, по выражению М. Блоха, «буквально не вылезали из седла. Так, в течение одного года, отнюдь не исключительного, а именно 1033, император Конрад II проехал из Бургундии к польской границе, оттуда в Шампань, и, наконец, вернулся в Лужицу» [22]. Константин Багрянородный с удивлением писал о «зимнем и суровом образе жизни» правителей Киевской Руси, которые в начале ноября вместе со всеми русами выступали из Киева в полюдье, или круговой обход славянских племен [23]. В 1523 г. Давид Реувени в течение десяти месяцев сопровождал в полюдье царя фунгов, основателя Сеннарского султаната Амара Дунка (1504—1633 гг.). По его сообщению, этот «царь обходит свои владения месяц за месяцем от одной

стоянки до другой... Специальные чиновники путешествуют впереди него, чтобы воздвигать «деревянные дома» для царя и всех его чиновников и слуг... И после отъезда они сжигали свои дома». Рассказав о женщинах в свите Амара Дунка — царицах, наложницах — Давид Реувени добавляет: «Так они путешествуют с царем. И даже в дождь они сидят нагие под дождем, люди и животные; и они спят на земле, не имея домов; и каждый из них, мужчин и женщин, зажигает огонь перед собой, чтобы согреться» [24].

В условиях почти постоянных конфликтов и столкновений между отдельными общинами и племенами большое значение имела судебная функция полюдья. Обходя свои владения, правитель или его представитель прекращали междоусобные войны, вершили суд, штрафовали нарушителей мира и закона.

Коммуникативные функции полюдья многообразны и не могут быть подробно рассмотрены в настоящей главе. В их числе — регулярный обмен культурной и иной информацией, необходимой общинам для их развития [25].

Как известно, в семиотическом поле архаического мышления объезд территории (на коне или в лодке), обход ее пешком или вспахивание ее плугом воспринимался как способ ее приобретения. В связи с этим Х. Г. Пайер обращает особое внимание на принятие царем во время полюдья присяги от своих подданных, а также на представление, что царю в его полюдье оказывалось гостеприимство [26].

Однако символическое значение этого института более многообразно — от архаической символики кругового движения и аналогии с видимым движением небесных светил вокруг земного пространства (поскольку священный царь уподоблялся небесным светилам) до знака признания царя олицетворением социума (этносоциального организма, этнополитической общности).

Характерно, что в Киевской Руси [27], в Швеции [28] и в других европейских странах круговое движение полюдья происходило по солнцу.

Дань приравнивалась к угощению гостя гостеприимным хозяином в обществе, где свято соблюдался обычай гостеприимства, а это угощение соединялось с жертвоприношением богам и духам.

Таким образом, полюдье во многих случаях имело и религиозное (ритуально-магическое) значение, состоявшее в том, что священный царь, обходя свои владения,

уже своим присутствием, а также жертвоприношениями, различными магическими действиями и молитвами богам (духам, богу, христианским святым в условиях религиозного синкретизма) сообщал плодородие земле, скоту и людям, вносил гармонию в общинное мироздание. Вейцла (полюдье) у скандинавов раннего средневековья включала в себя сакральные элементы, прежде всего жертвоприношения богам, позднее — Христу и Марии [29].

Еще более определенно религиозная функция этого института выступает в раннесредневековой Ирландии, где верховный правитель и короли (ри-моор) каждой из четырех частей острова, совершая ежегодный объезд своих владений, должны были соблюдать целый ряд различных табу, специально приуроченных к тому или иному месту, расположенному на пути его следования [30].

В Хеттском царстве царь (иногда с царицей) дважды в год, в апреле—мае и в ноябре совершал объезд телипури (административно-хозяйственных центров и как бы «филиалов» царского домена, существовавших в различных частях «страны Хатти» [31], напоминавших царские усадьбы и царские селения раннесредневековых Англии, Швеции, Норвегии, Киевской Руси). Во время этих объездов цари совершали ритуальные действия в местных святилищах и храмах. Центральное место в этих действиях занимали трапезы царей, сопровождавших их лиц, жрецов и местного населения, сочетавшиеся с жертвоприношениями богам [32]. По мнению В. Г. Ардзинба, в ранний период хеттской истории имело место типичное полюдье, которое с течением времени приняло более символический характер [33]. В царстве Мероэ (Судан) в V в. до н. э. цари Аман-нетеиерике и Горсиотеф, судя по их анналам, после своего официального избрания оракулом в Мероэ и последующей коронации в Напате обходили свои владения и государственно-храмовые хозяйства, напоминающие хеттские телипури, везде устраивая празднества в храмах, принося жертвы местным богам и дары храмам, вместе с тем кормя в пути свою свиту, усмиряя мятежников, отражая набеги кочевых племен [34]. В древнем Судане, как и в Египте, социальную и государственную структуру которого он копировал, видимо, существовала храмовая форма государственного хозяйства [35]. В Египте, по-видимому, также в древнейшее время существовало полюдье фараона [36].

Религиозно-ритуальная функция полюдья ясно выступает в государствах Юго-Восточной Азии, даже в таких сравнительно развитых, как Ангкорская империя IX—

XII вв. и индонезийская империя Маджапахит XIV в. Их правители, принявшие титул и ритуал индусских священных царей (девараджа), считались мистическими посредниками между людьми и богами. В Ангкоре существовал развитой бюрократический аппарат и храмовая иерархия, сложная система земле- и рентовладения. Тем не менее сохранялось и полюдье. Свиту императора Ангкора составляли тысячи мужчин и женщин. «Ангкорские цари (за исключением правителей позднего периода империи) с такой огромной свитой регулярно обходили свою страну для проверки дел на местах и паломничества в различные храмы. Во всех главных храмах и ашрамах имелись специальные царские опочивальни, выполнявшие роль временных резиденций царя во время таких поездок. Во многих надписях упоминаются специальные чиновники, ответственные за поддержание в порядке и охрану этих опочивален» [37]. Вероятно, это тот же уровень развития полюдья, что и в Мероэ.

В Маджапахите эпохи расцвета (XIV в.) деварджа со всем своим двором совершал полюдье из своей столицы в Ламджанг, на восточную оконечность Явы, и обратно, посещая святилища и храмы, производя жертвоприношения и пр.[38]

Более распространенный тип полюдья описан на материале ранних государств Полинезии начала XIX в. Характерный пример — Таити, где, кроме регулярного полюдья царя, проводилось в стиле «ритуальной анархии» полюдье танцевального общества ареоев, которых впрочем обычно сопровождали вожди и даже сам царь [39]. Религиозная функция этого института на Таити выражена в формах, близких к тем, которые известны в ранних государствах Тропической Африки. На Гаваях центральным событием года был праздник плодородия макахики. В начале праздника царь, считавшийся «церемониальным представителем» бога Лоно, проходил обряд, имитировавший «ритуальное восстание» и как бы наступление нового царствования. Затем он обходил свои владения, собирая дань продовольствием, особенно свиньями, и перераспределяя ее среди сопровождавших его жрецов, придворных и воинов. Жрецы, сопровождавшие царя, если собирали достаточное количество дани, «освобождали» землю общины от табу и разрешали земледельцам полевые работы. Этот обход царства включал в себя обязательное посещение храмов и святилищ. В конце макахики сооружалось новое святилище земледелия или рыбной ловли. Согласно

поверьям гаваицев, приношения царю в праздник макахики должны были обеспечить обильный урожай и улов рыбы [40].

Религиозная функция полюдья несомненна в дохристианском Аксуме III — первой половины IV в., как она отразилась в надписях на языке геэз неогласованном письмом Drewes 73 и DAE 8 [41]. Она ясно прослеживается также в ранних государствах Африки XV—XIX вв., например у банту низовьев р. Конго и пояса южных саванн.

В Дарай, раннем государстве хауса, по мнению Г. С. Киселева, «на ранних этапах изимание дани, возможно, происходило в форме «полюдья». . . Об этом, на наш вгляд, говорит сохранение в ритуальных обязанностях правителя, только что взошедшего на престол Дарая, необходимого путешествия по своим владениям, где общинники и представители администрации подносят ему подарки» [42].

В низовьях р. Конго полюдья совершали король Конго (мани-конго), его вассалы, такие, как правитель Нсунди, китоме (верховный жрец с чертами священного царя), цари Лоанго, Каконго, Нгойо и др. Перед своей коронацией царь Лоанго отправлялся в обход святых мест своего царства, которое длилось до года, а то и более, так как он подолгу останавливался в каждом из них. Царя сопровождали воины, придворные и жрецы, а также две жены (происходившие из царских родов Каконго, Нгойо и Вунгу), с которыми он сочетался при своем избрании на престол. За время полюдья каждая из них должна была родить по ребенку. В Нгойо царь на каждой стоянке должен был вырастить банан и вкусить его первые плоды, а его жены — родить ребенка [43].

Таким образом, цари Лоанго, Каконго, Нгойо доказывали свою полноценность — наличие мистически понимаемой плодовитости. Это несколько напоминает обрядовый комплекс ашвамедха в древней Индии. В начале своего царствования раджа с войском направлялся за свободно пущенным конем. Следуя за ним в течение года, раджа обходил свои владения и вторгался в чужие, подчиняя себе их правителей. В заключение коня приносили в жертву в присутствии раджи-завоевателя и вассальных раджей [44].

Характерно, что во многих указанных случаях полюдье совершал священный царь в начале своего царствования, иногда до коронации. Наместник Нубии времен Нового Царства был принцем, часто сыном фараона и носил

титул «царский сын Куша». В ряде ранних государств Тропической Африки, а также у хеттов известна форма полюдья наследника престола, либо ритуальная имитация этой формы. Так, согласно сообщению Жуана душ Сантуша, в государстве Китеве, вассальном владении Мономотапы, в полюдье отправлялся сын царя в сопровождении трех других вельмож и более чем ста прочих лиц, которые собирали и переносили дань, составлявшую $^1/_{20}$ часть урожая [45]. В Сеннарском султанате (Судан) в 1523 г., когда здесь находился еврейский мистик и путешественник Давид Реувени, в полюдье ходили как сам правитель, так и его сыновья. Давид упоминает прибытие царских сыновей с 200 людьми в область Донголы. Хотя о сборе дани в этом случае не говорится ни слова, можно не сомневаться, что он имел место. Сам Давид уверяет, что во время его пребывания в одном из нубийских городов (ал-Хабир, севернее Донголы) «люди этого города и живущие вокруг него пришли ко мне, неся в дар пшеницу и ячмень, и агнцев, и тельцов как десятину» [46]. Вероятно, такого же рода «дары» получали правитель Сеннара и его сыновья во время объезда своего государства.

Иногда наследники престола (весьма многочисленные при полигинных браках и экзотических порядках престолонаследия) злоупотребляли этим правом. В книге Нджойи (1889—1923 гг.), царя (фон) Бамума (Центральный Камерун) мы находим предание о том, что в правление фона Мбвембве (1757—1814 гг.) «братья фона ходили вокруг Фумбана и брали, и брали... Узнав об этом, фон Мбвембве страшно разгневался и запретил своим братьям ходить вокруг Фумбана» [47].

В Европе раннего средневековья примитивная форма полюдья существовала в Исландии периода народовластия. «Сага о людях с Льосаватна» рассказывает, что годи (жрец — глава общины) Гудмунд Могучий «часто разъезжал с тремя десятками людей и таким же количеством коней и во многих местах проводил по семь ночей». Он ездил к людям из своего тинга (общины) и «был от этого великий голод у тех бондов (общинников), кто делал небольшие запасы». Исландские бонды XI в. сочли это «насилием». Они обсудили создавшееся положение и решили отплатить своему годи той же монетой. «Вот их тридцать человек числом отправляются в Мадрувеллир к Гудмунду. Они живут у него несколько дней и столько едят (а их кони тоже не отстают от них),

что Гудмунду Могучему приходится отправиться покупать еду и сено». В заключение сага говорит: «А весной Гудмунд отправился из дому на север и с ним девять человек, и там, где он раньше останавливался на семь ночей, он пробыл теперь две» [48]. Полюдье сохранилось.

Тот же процесс и в то время происходил в Норвегии, но в более широких масштабах, чем в Исландии. Согласно «Хеймскрингле», в давние времена конунги объезжали Уппланд лишь каждую третью зиму в сопровождении 60—70 человек. Но затем полюдья стали ежегодными, а свита конунга возросла. Бонды долго сопротивлялись этим разорительным для них нововведениям, то действуя уговорами, то прибегая к насилию, но в конце концов вынуждены были смириться [49].

В Киевской Руси варяжская династия в лице князя Игоря Старого и его вассала Свенельда значительно увеличила тяжесть ренты во время полюдий и древлянам и уличам [50].

В Африке XIX в. сходный процесс наблюдался в предколониальное время в государствах пояса южных саванн (Луба, Лунда, Луйи и др.). Согласно устным традициям луба, их вожди издавна обходили свои владения полюдьем, собирая дань. Так же поступал верховный правитель государства Луба—мулохве [51]. При мулохве Касонго Каломбо (ок. 1873—1875) размеры дани определялись прихотью верховного правителя, который мог захватить в посещенной им деревне все продовольствие и людей (женщин, детей) [52].

Начальные формы полюдья наблюдались еще в середине XX в. в складывавшихся («сегментных») государствах у нилотских народов ачоли и алур на крайнем севере области Великих африканских озер. У ачоли на четвертый день по восшествии на престол князь или вождь начинал обход деревень своего княжества, причем в каждой убивали быка[53]. У алур князь обходил подвластные ему общины для прекращения в них беспорядков, для вызывания дождя или просто для поддержания своего престижа. В любом случае клан, во владениях которого останавливался князь, предоставлял большую часть продовольствия ему и свите. В первый день глава клана резал быка или козла, снабжал пришельцев растительной и мясной пищей и в последующие дни, а после дождя, «вызванного» магическими действиями князя, дарил этому вождю овцу или мотыгу. Князь взимал также штрафы с общин за участие в беспорядках. Те подданные князя, которых

он брал с собой, не только освобождались от поставок продовольствия, но сами кормились вместе с ним. При сравнительно небольших размерах княжеств общины после сбора урожая присылали дань своему князю [54].

Создание обширных ранних империй сопровождалось возрастанием экономического значения полюдья. При этом собирать дань посылались представители царя с сильным военным отрядом. Хронологически самые ранние известные нам случаи — регулярные экспедиции египтян эпохи Древнего Царства в Палестину и Ливан для сбора дани. Значительно менее регулярны были египетские экспедиции в Пунт, которые, по нашему мнению, никак нельзя считать торговыми [55]. Стадиально еще более ранними были экспедиции правителей «империи Яп» (в Микронезии) на Ифалук и другие подвластные им острова, королей Таити на о-ва Туамоту и пр. Сходный характер имели полюдья в раннесредневековых империях Европы, в частности в империи Конрада II и, вероятно, правителей самого восточного из славянских ранних государств — народа вятичей [56], а также ранней Киевской Руси. Наибольшее число примеров, притом относящихся к XVII—XIX вв., дает Африка, особенно берберские Магриб и Сахара и пояс саванн от Шамбалы (в Танзании) до Лунды (в Анголе, Заире, Замбии). Иногда полюдье такого рода существовало здесь в течение веков, несмотря на смену господствовавшего этноса. Например, оно было известно в государстве Луйи, затем в возникшем на его месте государстве Бахурутсе и на месте последнего — империи Макололо. Его практиковали в средние века императоры Эфиопии, главы империй Центрального и Западного Судана, цари Нубии и Сеннара [57], а в XIX в. цари Джиммы (на западе Эфиопии) [58], а также Борну, Багирми и Вадаи на окраинах своих владений [59]. В этой части Африки такой способ сбора дани был настолько распространен, что И. Юрвуа видел в нем классический механизм сюзеренитета [60]. К югу от суданского пояса правители Йорубской империи Ойо ежегодно с 1741 по 1818 г. посылали войско для сбора дани в Дагомею, Боргу и Нупе [61].

Устные хроники йоруба сохранили сообщения о том, что цари Ойо в XVI в. кочевали по своим владениям, а царь Оджиги на рубеже XVII и XVIII вв. лично возглавил экспедицию вокруг своих владений, причем часть пути двигался на лодках по р. Нигер и Бенинскому заливу [62].

Развитие государства (сначала в центрах, а затем на периферии) вело к трансформации полюдья. Повсюду

в Европе на смену полюдью приходит система вассальных держаний, сначала условных и временных, затем наследственных. В скандинавских странах с принятием христианства полюдье постепенно утрачивало свой сакральный характер, а с развитием государственного аппарата — и прежнюю политическую функцию. В XIII в. древняя вейцла превращается в лен, и эти термины становятся взаимозаменяемыми [63]. На Руси на смену полюдью приходит система кормлений, временных пожалований князьями своим слугам права на сбор податей с общин вместе с передачей им административных функций [64]. В Англии угощение короля и его свиты во время полюдья сменяется сдачей дани продовольствием и ремесленными изделиями в центральные селения округов [65]. С течением времени были введены денежные налоги. Параллельно этому англосаксонские короли уже с конца VII в., но особенно в VIII—IX вв., передавали земли своим дружинникам, приближенным и клирикам с правом взимать в свою пользу различные подати и повинности с населения этих земель, постепенно превращавшихся в церковные и частные вотчины [66]. В общем сходной была историческая судьба полюдья и в других древних и средневековых обществах. Там, где оно сохранилось до XIX—XX вв., его заменили институты колониальных или полуколониальных, в том числе миссионерских, государств [67].

Во многих государствах в течение многих веков после исчезновения полюдья сохранялись его ритуальные пережитки. Таковы церемонии египетских фараонов, китайских императоров, венгерских королей [68] и др.

Ряд царских и жреческих ритуалов у древних хеттов является имитацией полюдья. К числу этих ритуалов относятся следующие: перечисление вельможей («человеком жезла») перед царем ряда населенных пунктов с храмами, в которые он уже не заезжал, во время осеннего обхода царем его владений на празднике нунтариясха; объезд хеттскими жрецами со священным руном ряда городов Северной Анатолии во время праздника антахшум; объезд царем,, царицей и жрецами расположенных в столице хранилищ продовольствия, доставленного из тех или иных городов, во время весеннего праздника килам, причем царь и его свита в то время получали от заведующих хранилищами обильное угощение; сходная церемония, совершавшаяся наследником престола на празднике хассумас; наконец, ритуалы, возглавлявшиеся жрицей, носившей титул «сестры бога», на празднике хисува [69].

В Маджапахите XIV в. царь ежегодно совершал обход своей столицы, производя жертвоприношения в присутствии представителей общин. Это празднество символизировало некогда производившийся обход этих общин полюдьем[69а].

В индусских государствах Индии производились аналогичные ритуалы (местами, как в Майсуре, до второй половины XX в.). При этом царь должен был сидеть верхом на коне или на слоне.

Сохранялось полюдье как ритуальный пережиток и в Китае. Один раз каждые пять лет своего царствования император объезжал свои владения. Весной он направлялся на восток, летом на юг, осенью на запад и зимой на север [70].

В некоторых государствах Западной Африки почти до наших дней сохранился обряд коронации священного царя, включавший имитацию полюдья. Считается, что новый царь, обходя места своей столицы, связанные с памятью о его предках, совершая здесь различные ритуалы и получая наставления от своих старших родственников, вельмож и жрецов, приобретает магическую силу. По совершении этих обрядов он вполне становится священным царем и отныне ведет затворническую жизнь в своем дворце, непохожую на кочевую жизнь своих предков, обходивших сельские общины полюдьем. Подробнее всего такие обряды описаны у йоруба, моси и других крупных народов [71].

Б. А. Рыбаков, показал, как во Владимиро-Суздальской Руси полюдье постепенно превращалось в праздничное ритуальное путешествие по монастырям; его экономические и политические функции ослабевали [72]. В позднее средневековье и в новое время круговые объезды монастырей — пережиток полюдья — совершали русские цари, французские и португальские короли и пр.

История Грузии, Дагестана, стран Магриба и Северо-Восточной Африки показывает поразительную устойчивость полюдья при время от времени предпринимавшихся попытках создать структуры развитой государственности с более регулярным извлечением прибавочного продукта. В ряде случаев эти попытки опирались на культурно-политический и религиозный комплекс священного царства, в других — на политическую культуру византийского православия или ислама, иногда — то и другое вместе (как в средневековой Нубии и в Эфиопии XV в., в частности при императоре Зэрэ-Якобе I, 1434—1468 гг.).

В Эфиопии, как мы видели, в полюдье ходили цари раннего Аксума. По нашему предположению, таким путем собиралась дань на южных границах Аксумского царства еще в IV—VI вв.[73] Предания послеаксумского времени также содержат образ скитающегося царя. В «Гадла Яред», в основном описывающем эфиопскую действительность XV в., но повествующем о послеаксумском периоде, говорится, что царь Дегна-Жан «управлял Эфиопией и обходил ее из конца в конец»[74].

Первые Соломониды, в частности фактический создатель Эфиопской империи Амдэ-Цыйон I (1312—1342), также обходили свои владения полюдьем. Император Зэрэ-Якоб I первым выстроил постоянную резиденцию Дэбрэ-Бырхан, вокруг которой начал расти город. В Дэбрэ-Бырхане император жил постоянно. Он пытался превратить Эфиопию в абсолютистскую монархию, управляемую чиновниками. Однако после его смерти, в правление его сына Бэыдэ-Марьяма (1468—1478), большая часть реформ Зэрэ-Якоба была отменена. Возможно, иногда он, как и его отец, принимал ежегодные налоговые поступления в Дэбрэ-Бырхане. Пытался он основать и собственную резиденцию на севере в Тигре[75]. Бэыдэ-Марьям возобновил полюдье, обходя одну за другой провинции своего царства, посещая монастыри, строя церкви, создавая военные колонии и главным образом усмиряя и казня мятежных или подозреваемых в мятеже вассалов, т. е. укрепляя свою власть над подвластными ему областями. Вассальные правители некоторых эфиопских земель, в том числе таких отдаленных, как Годжам, Адаль, Данкали (Афар) и др., доставляли дань в пункты, указанные императором, лежащие на пути его следования[76].

В общем преемники Бэыдэ-Марьяма жили более оседло, чем предшественники его отца. Значительная часть дани доставлялась царскими вассалами в те области, которые тот или иной царь делал своим, если не постоянным, то предпочтительным местопребыванием. Однако роль дани, собираемой полюдьем, была все еще относительно велика. Так, император Лыбнэ-Дынгыль (1508—1540), царствовавший в период иноземных нашествий и непрерывных войн, жил главным образом в походных лагерях. Но его сын и преемник Гэлавдевос (Клавдий, 1540—1552) отказался от сбора дани полюдьем. Хроника его царствования рассказывает, что он «оставил обычай своих отцов переходить с места на место всю жизнь до часа успокоения непреходящего и часа успения вечного»[77].

Но непрерывные войны не давали возможности построить вокруг царской резиденции город — столицу Эфиопской империи. Поэтому во второй половине XVI в. полюдье эфиопских императоров возобновилось [78].

Лишь после того как император Фасилидас (Василид, 1632—1667) основал г. Гондэр, а его преемники превратили его в настоящую столицу Эфиопии, правители этого государства начали вести относительно оседлую жизнь в своем построенном из кирпича замке [79]. С превращением Эфиопии в развитое феодальное общество, каким несомненно являлась эта страна в гондэрский период (вторая треть XVII—середина XIX в.) полюдье как полифункциональный институт раннефеодального общества отмирает, хотя вплоть до конца XIX в. сохраняются его пережиточные формы.

В обществах и государствах с большой долей кочевого населения соблазнительно объяснять полюдье устойчивым номадизмом, но, по нашему мнению, длительное сохранение в них полюдья в общем имеет те же причины, что и в ранних государствах с оседлым населением. Целый ряд характерных примеров мы находим в истории доколониальных государствах Рога Африки, у народов афар и сомали. Эти государства испытали мощное влияние политической культуры ислама и средневековых султанатов Адаль и Аджуран. Тем не менее они отличались рядом глубоко самобытных и архаичных черт. Царь государства Миджертейн носил титул богор, или бокор, который в форме пакар существовал в Мероитском царстве как титул правителя Средней и Нижней Нубии. Сомалийское значение слова богор — «пояс» («ибо он, как пояс, связывает народ»), по-видимому, народная этимология древнего мероитского титула. История Миджертейна до второй половины XIX в. известна главным образом из местных преданий. В 1860—1909 гг. здесь царствовал богор Исман Махмуд, известный европейским путешественникам как «султан Осман». Он вел жизнь полуномада, дважды в год посещая столицу, приморское селение Алула. Остальное время он обходил свои владения полюдьем [80].

Таким образом, Северо-Восточная Африка, кушитская и нилотская, наряду с банту южных саванн является одной из территорий, где архаичный институт полюдья дожил до XX в.

Полюдье существовало не во всех ранних государствах. Например, оно отсутствовало в таких, как Куба, Зулу, государствах Межозерья и др. Во многих случаях (Шам-

бала в Танзании, Багирми в Центральном Судане и др.) сбор дани полюдьем практиковался лишь на окраинах государства, но не в его основной, центральной части. В некоторых случаях можно предполагать исчезновение полюдья с развитием политических структур, но, например, в раннем государстве Шамбала, возникшем лишь в XVIII в., полюдье отнюдь не предшествовало тем институтам, которые существовали в колониальное время [81]. Значит ли это, что ранние государства, не знавшие полюдья, перешагнули соответствующий этап исторического развития? Или, что более вероятно, полюдье представляет собой лишь один из возможных путей развития политической структуры и рентовладения на ранних этапах?

Историческая трансформация полюдья нуждается в дальнейшем изучении. При этом следует различать следующие разновидности полюдья, так как некоторые из них носят стадиальный характер:[82] ежегодное полюдье священного царя (царей); одноразовое (при восшествии на престол, перед коронацией) полюдье наследника престола; полюдье членов правящего дома; полюдье царских слуг на окраинах государства; полюдье вассальных правителей областей; полюдье с явным преобладанием ритуального элемента и пережиточная ритуальная форма этого института (вар. — погребальное полюдье правителя, как у скифов времени Геродота); обязанность населения развитого феодального государства снабжать продовольствием местных и центральных правителей, их слуг, послов и пр.

Всемирно-историческая роль полюдья до сих пор не вполне ясна. Однако есть основания предполагать важное значение этого института в процессе генезиса феодализма. Известное марксово определение места «внеэкономического» и духовного принуждения в системе феодальных производственных отношений[83] заставляет обратить особое внимание на религиозно-ритуальную функцию полюдья. Последняя, как и связанный с нею культ священного царя, в условиях раннего государства, особенно на стадии его становления, в значительной мере компенсировала неразвитость административно-государственного аппарата — основного органа «внеэкономического» принуждения.

[1] The Early State / Ed. by H. J. M. Claessen, P. Skalnik. The Hague; Paris; New York. 1978.

[2] Мы располагаем данными о полюдьи или его пережитках в более чем 100 обществах древнего Востока, древней Восточной Европы (царство скифов), раннесредневековой Европы, средневековых Центральной, Южной и Юго-Восточной Азии, а также Индонезии и Океании нового времени, Грузии и Дагестана XVI—XIX вв., но главным образом Африки — от Древнего Египта, Мероэ и Аксума до «вождеств» и «сегментных государств» середины XX в. Х. Г. Пайер (*Peyer H. G.* Das Reisekönigtum des Mittelalters // Vierteljahreschrift für Sozial — und Wirtschaftsgeschichte. 1964. Bd. 51, H. 1. S. 1—20) одним из первых показал почти всемирное распространение этого феномена. К сожалению, я узнал о работе Пайера лишь из статьи В. Г. Ардзинбы через 17 лет после ее опубликования и через 20 лет после начала моей собственной работы по этой теме.

[3] *Кобищанов Ю. М.* Крестьянство в Африке: процесс классообразования // Азия и Африка сегодня. М., 1982. № 1.

[4] *Bloch M.* La Société féodale. P. 1939. V. 1. Pt. 2.

[5] *Гуревич А. Я.* Роль королевских пожалований в процессе феодального подчинения английского крестьянства // Средние века. М., 1953. Вып. 4. С. 63; *Он же.* Английское крестьянство в X—начале XI в. // Средние века. М., 1957. Вып. 9. С. 72. Прим. 12, 74.

[6] *Гуревич А. Я.* Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967. С. 106 и сл., 118—120, 127.

[7] По определению А. Я. Гуревича, этот «институт... принадлежит к фундаментальным чертам дофеодальной и раннефеодальной общественных структур у многих народов Европы», и его «изучение ... вводит нас в круг вопросов, непосредственно связанных с проблемой генезиса раннефеодальной общественной структуры в Норвегии. Именно здесь пролегает путь к пониманию условий возникновения государства, отношений складывавшейся королевской власти с населением, зарождения прослойки служилых людей, на которых опирались норвежские короли в раннее средневековье; наконец, анализ комплекса явлений, объемлемых понятием «вейцла» (так называли полюдье в Норвегии. — *Ю. К.*) поможет обнаружить немаловажные источники как налоговой системы, так отчасти и ранних форм феодальной ренты» (*Гуревич А. Я.* Свободное крестьянство... С. 107, 117—118).

[8] *Wedwood C. H.* Notes on the Marshall Islands // Oceania. 1942. V. 13. N 1.

[9] *Коцебу О. Е.* Путешествия вокруг света. М., 1948. С. 191, 195, 198, 200, 219, 287. О. Е. Коцебу посетил острова Ратак на корабле «Рюрик» трижды: в начале и в октябре—ноябре 1817 г., и в апреле—мае 1824 г.

[10] The Early State, p. 281—282.

[11] *Дзиндзария Г. А.* Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в. Сухуми, 1958. С. 254.

[12] *Инал-Ипа Ш. Д.* Абхазы. Историко-этнографические очерки. Сухуми, 1965. С. 429. Обширная библиография на грузинском языке любезно сообщена нам Абесаломом Тугуши (г. Зугдиди).

[13] *Инал-Ипа Ш. Д.* Абхазы... С. 428 и сл.

[14] *Moerenhout J.* Voyage aux Iles du Grand Océan contenant des documents. P., 1837. T. 2. P. 19, 138, 153—154.

[15] *Гуревич А. Я.* Свободное крестьянство... С. 127.

[16] Porphyrogenitus Constantine. De Administrando Imperio / Ed. by Gy. Moravcsik. Budapest, 1949. V. 2. P. 60—63; Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. М.; Л., 1934. С. 10.

[17] *Кобищанов Ю. М.* Золотоносная страна Сасу // Палестинский сборник. 1962. Вып. 11 (74). С. 97—100.

[18] *Куббель Л. Е.* Из истории древнего Мали // Этнографический африканский сборник. М.; Л., 1963. 5. С. 86—87. Арабские авторы сообщают, что в случае недостатка военнопленных нубийцы вынуждены были отдавать своих детей в счет дани людьми (бакт.).

[19] *Goeje M. J.* Liber expugationis regionum auctore... al-Baladzori. Lugduni Batavorum, 1866. P. 238; Древние и средневековые источники по этнографии и истории народов Африки южнее Сахары: Араб. источники VII—X вв. / Подборка текстов и пер. Л. Е. Куббеля, В. В. Матвеева. М.; Л., 1960. С. 26, 28). Один из источников, притом наиболее информативный, говорит, что в Алве, одном из двух нубийских царств, притом экономически менее развитом, бакт собирал сам царь. Согласно сообщению Ибн Сулейма ал-Усвани, «их царь порабощает для себя кого захочет из своих подданных, за вину или без вины, и его за это не порицают, но падают перед ним ниц (подчиняясь) его приказу, относящемуся к ним, и возглашают: «Да здравствует царь! Да будет воля его!» (*Ал-Макризи.* Китаб ал-хитат... Ал-Кахира. 1324/1906. Т. 1. С. 311. На араб. яз.). Вероятно, так же было и в Мукурре, меньшем, более северном, но наиболее развитом из государств Судана. Об этом свидетельствует следующее место из жизнеописания отцов-патриархов Севера ибн ал-Мукаффа. Известный нубийский царь Захария, в то время уже престарелый, восклицает: «Кто со старанием соберет для меня бакт за 14 лет? Ведь я не могу покинуть мой трон» (*Evetts B. T.* History of the Patriarches of the Coptic Church of Alexandria // Patrologia Orientalia. P., 1915. T. 10. P. 505). Таким образом, для сбора бакта царь Мукурры должен был покинуть свою столицу Донголу. Только обычай полюдья дает удовлетворительное объяснение этому месту в книге Севера ибн-аль-Мукаффа. Очевидно, цари Мукурры и Алвы взимали дань рабами, обходя свои владения с вооруженным отрядом. Совершенно неизвестно, каким способом в Нубии собирались другие налоги, пока при мамлюках не были назначены сборщики налогов (*Кобищанов Ю. М.* К вопросу о социально-экономических отношениях в средневековой Нубии // Социальные структуры доколониальной Африки. М., 1970. С. 127 и сл.). Однако после падения Алвы в возникшем на ее месте государстве фунгов было установлено полюдье.

[20] *Миклухо-Маклай Н. Н.* Берег Папуа-Ковиаи // Собрание сочинений. М.; Л., 1950. Т. 2; *Членов А. М.* Население Моллукских островов. М., 1976. С. 155.

[21] The Early State, p. 281—282.

[21а] *Bloch M.* La Société féodale. V. 1. Pt. 2.

[22] Ibidem.

[23] Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. М.; Л., 1934. С. 10.

[24] *Hillelson S.* David Reubeni — an Early Visitor to Sennar // Sudan Notes and Records (Khartoum). 1931. V. 16. Pt. 1. P. 57—58. То же самое отмечали и более поздние путешественники в страну фунгов. Так, например, Е. П. Ковалевский, побывавший здесь в середине XIX в., писал: «Арабы-вожатые... как скоро начался дождь, сняли с себя фереды, единственное их одеяние, и просидели на них нагие всю ночь; когда дождь прошел, они сушились, обогрелись и оделись в совершенно сухое платье» (*Ковалевский Е. П.* Путешествие во внутреннюю Африку. СПб., 1849. Ч. 2.

С. 64). Вероятно, в XVI в. у фунгов еще не было феред. Под «деревянными домами», как полагает С. Хиллельсон, «подразумеваются травяные хижины» (*Hillelson S.* David Reubeni... P. 57).

[25] *Черных Е. Н., Венгеров А. Б.* Нормативная система в структуре древних обществ // Причины превращения первобытного общества в рабовладельческое и феодальное. Тез. докл. конф. М., 1984. С. 62 и сл.

[26] *Peyer H. G.* Das Reisekönigtum... S. 1—4, 6—9, 11—15.

[27] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества в XII—XIII вв. М., 1982. С. 321.

[28] *Vries J. de* Altgermanische Religionsgeschichte. Berlin, 1970. Bd. 1. S. 473.

[29] *Гуревич А. Я.* Свободное крестьянство... С. 107. Эта религиозная функция менее ясна в древнерусском полюдье. На нее, возможно, намекает известный летописный рассказ о том, как киевский князь Игорь во время полюдья к древлянам Полесья нарушил установленный обычай, явившись к ним дважды в один сезон (*Шахматов А. А.* Повести временных лет. Пг., 1916. С. 62), и был за это подвергнут жестокой ритуальной казни: по словам Льва Диакона, его привязали к верхушкам двух деревьев, а затем их отпустили, так что князь был разорван на части (*Лев Дьякон.* История в десяти книгах. Будапешт, 1961. Кн. 6, § 10) и погребен в стране древлян (*Шахматов А. А.* Повесть... С. 62). Сходная участь постигла Хальфдана, конунга Уппланда (Восточная Норвегия); его тело было расчленено на четыре части, зарытые в землю в четырех областях Уппланда, чтобы его магическая сила осталась в этих землях.

[30] *Frazer J. G.* The Golden Bough. L., 1923.

[31] *Георгадзе Г. Г.* Очерки по социально-экономической истории Хеттского государства. Тбилиси, 1973. С. 236—237.

[32] *Ардзинба В. Г.* Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982. С. 9 и сл.; 26 и сл.; 58 и сл.; 76 и сл.

[33] *Ардзинба В. Г.* Ритуалы и мифы... С. 20—21; *Он же.* Хеттский праздник Хассумас // ВДИ. 1981. № 4. С. 92—93.

[34] *Laming-Macadam M. F.* The Temples of Kawa. L. 1949. V. 1: The Inscriptions.

[35] *Стучевский И. А.* Храмовая форма царского хозяйства древнего Египта. М., 1962.

[36] Его следы сохранились в описаниях праздника хеб-сед (заменившего ритуальное убийство царя и имевшего целью восстановить его слабеющую жизненную силу магическими средствами) *Матье М. Э.* Хеб-сед: (Из истории древнеегипетской религии) // ВДИ. 1956. № 3. С. 27—28), в частности в надписях храма Эдфу, где описывается путешествие фараона в образе воина-сокола (Гора Бехдетского) по Египту, дается имитация хеб-седа и описание очистки священных каналов. Полюдье, вероятно, существовало в Нубии периода Нового Царства Египта. В этом смысле можно толковать известное изображение всеобщего сбора дани, производимого Хеви, египетским принцем-наместником Куша при Тутанхамоне, в виде золота, звериных шкур, шкатулок, сосудов с благовониями (*Davis N. G., Gardiner A. H.* The Tomb of Huy Viceroy of Nubia in the Reign of Tutankhamon. L., 1926).

[37] *Седов Л. А.* Ангкорская империя (Социально-экономический и государственный строй Камбоджи в IX—XIV вв.). М., 1967. С. 58—59, 67 и сл.; 70—71; The Early State, p. 117.

[38] *Pigeaud G. Th.* Java in the 14th Century. A Stady of Cultural History. The Hague, 1963. V. 3.

[39] *Moerenhout J.* Voyage... T. 2. P. 19, 130 et suiv.; *Mühlmann W. E.*

Die geheime Gesellschaft der Areoi, eine Studie über polynesische Geheimbünde. Leiden, 1932.

[40] *Лисянский Ю. Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах ... на кораблях «Надежда» и «Нева». СПб., 1809. Т. 1. С. 194—195; *Malo D.* Hawaiian Antiquities. Honolulu, 1951. P. 47, 141—146, 151; State The Early, p. 275, 278—279, 282—285. Интересные прежде неизвестные документы русских экспедиций о макахики см.: *Тумаркин Д. Д.* Материалы первой русской кругосветной экспедиции как источник по истории и этнографии Гавайских островов — СЭ, 1978, № 5, с. 76—77; *Он же.* Материалы экспедиции М. Н. Васильева — ценный источник по истории и этнографии Гавайских островов // СЭ, 1983, № 6.

[41] *Кобищанов Ю. М.* Общественные отношения в Аксумском царстве // Африканский этнографический сборник. М.; Л., 1963. 5: История, этнография, лингвистика. С. 139—140; *Он же.* Аксум. М., 1966. С. 168 и сл.; *Он же.* К вопросу о социально-экономических отношениях в средневековой Нубии: Социальные структуры доколониальной Африки. М., 1970. С. 123 и сл.; *Он же.* Полюдье в Тропической Африке: (К вопросу о формах отчуждения прибавочного продукта в раннефеодальных обществах) // Народы Азии и Африки. М., 1972. № 4. С. 65—78; *Он же.* Африканские феодальные общества: воспроизводство и неравномерность развития // Африка: возникновение отсталости и пути развития. М., 1974. С. 288 и сл.; *Kobiščanov Yu. M.* Poludye in North-East African States. — IV Congresso Internazionale di Studi Etiopici (Roma, 10—15 aprile 1972). Roma, 1974. T. 1 (sezione storica). P. 537—546; *Kobishchanov Yu. M.* Axum. University Park (Penn.); L., 1979. P. 162—168.

[42] *Киселев Г. С.* Хауса: Очерки этнической, социальной и политической истории. М., 1981. С. 118.

[43] *Орлова А. С.* История государства Конго (XVI—XVII вв.). М., 1968. С. 249; *Bastian A.* Die Deutsche Expedition an der Loango-Küste nebst älteren Nachrichten Über die zu erforschenden Länder. Jena. 1874. Bd. 1. S. 200, 237, 264.

[44] *Киселев Г. С.* Хауса... С. 118.

[45] *Dos Santos J.* Histoire de l'Ethiopie orientale. P., 1684. P. 88—89.

[46] *Hillelson S.* David Reubeni... P. 57—63.

[47] *Ndjoya.* Histoire et coutume des Bamum. Cahora, 1952. P. 44.

[48] *Эйнар Ольгерссон.* Из прошлого исландского народа. М., 1957. С. 155.

[49] *Гуревич А. Я.* Свободное крестьянство... С. 128—130.

[50] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь... С. 322 и сл.

[51] *Colle P. R.* Les Baluba. Bruxelles, 1913. V. 2. P. 736—737.

[52] *Cameron V. L.* Trough Africa. L., 1878. P. 90 ff.

[53] *Girling F. K.* The Acholi of Uganda. L., 1960. P. 44.

[54] *Southall A. W.* Alur Society. A Stady in Processes and Types of Domination. Cambridge, 1953. P. 79—81, 89, 196—198, 203 ff.

[55] *Кобищанов Ю. М.* На заре цивилизации: (Африка в древнейшем мире). М., 1980, с. 71 и сл., 82 и сл.

[56] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь...

[57] *Кобищанов Ю. М.* Полюдье в Тропической Африке... С. 65—78.

[58] *Lewis H. S.* Jimma Aba Jifar (South-West Ethiopia). 1830—1932. Madison, 1965.

[59] *Carbou H.* La Region du Tchad et du Ouadai. Paris, 1912. T. 2. P. 238—268; *Chevallier A.* L'Afrique Centrale Francaise. P. 1907. P. 356; *Urvoy Y.* Histoire de l'empire Bornou. P., 1949. P. 119.

[60] *Urvoy Y.* Histoire des populations du Soudan Centrale: (Colonie du Niger). P., 1936. P. 32.

[61] *Talbot P. A.* The Peoples of Southern Nigeria. Sketch of Their History, Ethnology and Languages. L., 1926. V. 1. P. 289; *Dalzel A.* The History of Dahomey, an Inland Kingdom of Africa. L., 1703. P. 14, 52, 73.

[62] *Johnson S.* The History of the Yorubas from the Earliest Times to the Beginning of British Protectorate. L., 1921. P. 174.

[63] *Гуревич А. Я.* Свободное крестьянство... С. 131—149.

[64] *Новосильцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма: (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 152, 153, 322.

[65] *Lehmann K.* Abhandlungen zur Germanischen insbesondere Nordischen Reichgeschichte. Berlin und Leipzig, 1888, S. 77—78; *Гуревич А. Я.* Английское крестьянство... С. 74.

[66] *Гуревич А. Я.* Английское крестьянство...; *Он же.* Роль королевских пожалований...

[67] *Koskinen A.* Missionary Influence as a Political Factor in Pacific Islands. Helsinki, 1953.

[68] *Hillebrandt A.* Ritual, Literatur, vedische Orfer und Zauber. — Grundriss der indo-arischen Philologie und Altertumskunde. Strassburg, 1897. Bd. 3. H. 2. S. 146.

[69] *Ардзинба В. Г.* Ритуалы... С. 10, 20—47; *Он же.* Хеттский праздник хассумас. С. 92—93.

[69a] *Pigeaud G. Th.* Java... V. 3. Canto 83—86; V. 4, p. 479; *Von Heine-Geldern R.* Conceptions of State and Kingship in South-East Asia // Southeast Asia. The Politics of National Integration. N. Y., 1973. P. 74—78.

[70] *Granet M.* La pencée chinoise. P., 1934. P. 102—103.

[71] В йорубском царстве Ойо будущий алафин (царь) до своей коронации обходил ряд находящихся в черте города Ойо мест совершения различных ритуалов. Сначала в присутствии особой группы придворных он совершал жертвоприношение в царском дворце. Вечером того же дня будущий алафин направлялся в она-ишокун, дом своего «официального отца» (главы его родовой группы). На следующую ночь он переходил в дом царского евнуха, жреца бога Шанго, который давал ему съесть сердце его предшественника и посвящал в таинства культа Шанго. Затем царь на три месяца затворялся во временной резиденции, где проходил обучение искусству правления. По истечении этого затворничества производилась коронация. Через пять дней в храме бога Ориньяна новый алафин получал утверждение в своем звании от они (царя) Ифе — особы наиболее высокого ранга у йоруба и бини. Еще через пять дней алафин следовал в храм бога войны Огуна и приносил ему жертвы. И, наконец, возвращался в свой дворец через главные его ворота (*Johnson S.* The History of the Yoribas... P. 79). В других городах-государствах йоруба обряд возведения царя на престол имел свои особенности. Так, в Кету затворничество длилось около года и будущий царь должен был пройти по всем местам, где, по преданию, проходил первый правитель Кету (*Parrinder G.* The Story of Ketu, an Ancient Yoruba Kingdom. Ibadan, 1956. P. 71). В царстве народа моси вновь избранный правитель (моро-наба) совершал верхом на старой лошади ритуальный объезд своей столицы, делая остановки в строго определенных местах. Первым из них был квартал Паспанга (букв. «Увеличение силы»), где моро-наба просил свою мать дать ему советы, призванные увеличить его мудрость и магическую силу. Там же он принимал клятву верности от главнокомандующего и вельмож. Вторую остановку моро-наба делал в Димвуссе (букв.

«Царь отдыхает»), где он принимал присягу кандидатов на посты наместников областей. И лишь затем он мог занять царский дворец (*Ki-Zerbo J.* Histoire de l'Afrique Noire. D'Hier à Demain. P., 1972. P. 256).

[72] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 366 и сл.

[73] *Кобищанов Ю. М.* Северо-Восточная Африка в раннесредневековом мире (VI—середина VII вв.). М., 1980. С. 204.

[74] *Тураев Б. А.* Агиалогическое повествование о падении Аксумского царства // Сборник в честь В. И. Ламанского. СПб., 1905. С. 2.

[75] *Perruchon J.* Les chroniques de Zar'a Ya'gob et de Be'eda Maryam, rois d Ethiopie. P., 1893. P. 140; *Тураев Б. А.* Абиссинские хроники XIV—XVI вв. М., 1936. С. 93.

[76] *Perruchon J.* Les chroniques... P. 131, 138, 150, 160; *Тураев Б. А.* Абиссинские хроники... С. 90, 92, 95, 98. Возобновление бродячей жизни императорского двора вызвало недовольство придворных и гвардейцев. Верноподданный хронист говорит об этом крайне пристрастно, ограничиваясь изложением той полуправды, которую предпочел сам Бэыдэ-Марьям. Хроника сообщает: «Он (Бэыдэ-Марьям. — *Ю. К.*) услышал, что все осуждают его: «Царь не живет по закону и уставам царства, но постоянно стремится быть на коне — ведь он юноша». Посему разгневался царь наш весьма, и повелел собрать все свое воинство, препирался с ним: «Зачем вы меня осуждаете и говорите: «Этот царь наш не живет по закону и обычаям царства, но сидит на коне». Так вы говорите обо мне. Разве этот обычай ездить на коне и стрелять из лука не был у моих отцов издревле? Ныне же, выведя людей, которые говорили это, передайте их мне, а если нет — все умрете» (*Perruchon J.* Les chroniques... P. 134; *Тураев Б. А.* Абиссинские хроники... С. 89). Можно не сомневаться, что свита Бэыдэ-Марьяма выражала неудовольствие не самим фактом стрельбы из лука, а походной, кочевой жизнью его двора, от которой они отвыкли при Зэрэ-Якобе.

[77] *Conzelman W. E.* Chronique de Galawdewos (Claudius), roi d'Ethiopie. P. 1895. P. 117; *Тураев Б. А.* Абиссинские хроники... С. 143). В 1550 г. Гэлавдевос обосновался в земле Водж, затем в земле Годжам, в общежительном монастыре Дэбрэ-Ворк.

[78] В источниках XVI—начала XVII в. мы встречаем названия многих «столиц» Эфиопии — временных императорских резиденций, походных лагерей (*Crawford O. G. S.* Ethiopian Itineraries Circa 1400—1524. Cambridge, 1958. P. 14 ff.).

[79] В XII в. Й. Лудольф утверждал, что «после того как цари Эфиопии покинули Аксум, они никогда не жили в домах и дворцах, довольствуясь шатрами (*Pankhurst R.* An Introduction to the Economic History of Ethiopia from the Earliest Times to 1800. L., 1961. P. 418). Лудольф допускает неточность, но в общем близок к истине. Однако Мануэл д'Алмейда (ум. в 1646 г.) мог с полным правом утверждать, что эта «столица Эфиопской империи» заслуживает это название лишь из-за многочисленности ее обитателей. На деле же она — военный лагерь. За предшествующий тринадцати- четырнадцатилетний период император жил в пяти или шести различных лагерях, каждый из которых он посещал от двух до четырех раз. Частые передвижения императора по стране вновь поднимали значение полюдья, так как население тех общин, через которые проходил император со своим двором и гвардией, обязано было снабжать его пищей и всем необходимым (эта повинность называлась дурго).

[80] *Révoil G.* Voyage au pays des Medjourtines. — Bulletin de Société

Géographique. 1880. P. 261—262; *Cerulli E.* Il diritto consuetudinario della Somalia Italiana. — Bolletino della Società Africana d'Italia Roma, 1919. V. 38.

[81] *Winans E. V.* Shambala: the Constitution of the Traditional State. Barkeley, 1962.

[82] Известны и такие ранние формы полюдья, которые совершало население целых привилегированных общин, обходя подвластные общины (например, так называемая пахта в некоторых «вольных обществах» Дагестана XVIII—XIX вв.). Другие ранние формы полюдья существовали в то время на о. Калимантан (Индонезия), у туарегов Сахары (до XX в.) и других африканских народов.

[83] *Кобищанов Ю. М.* Африканские феодальные общества: воспроизводство и неравномерность открытия // Африка: возникновение отсталости и пути развития. М., 1974.

С. А. Маретина

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВА

(на примере малых народов Индии)

Становление классового общества и раннего государства — процесс крайне сложный и длительный, хронологически не совпадавший у разных народов, процесс протекавший во множестве конкретных форм, но единый по общему направлению. Поскольку исследование исходных этапов классообразования в недрах разлагавшейся первобытнообщинной формации испытывает постоянный недостаток в полноценных материалах (археологические слишком молчаливы, исторические отсутствуют или носят полулегендарный характер), серьезного внимания заслуживает изучение социальной стратификации, проходившей в не слишком далеком прошлом (а в отдельных районах — продолжающейся поныне) у народов, оказавшихся на периферии развитого классового общества. Этнографические материалы, рассмотренные в сравнительно-историческом аспекте, помогают воссоздать картину развития сословно-классовых категорий и проследить те процессы, которые у большинства народов земного шара были пройдены в глубокой древности. Конечно, нельзя полностью проводить знак равенства между процессами классообразования на закате первобытности и в наши дни, когда на них не может сказываться пройденный человечеством многовековой путь поступательного развития. И все же этнографические источники имеют неоценимую важность, помогая оживить приходящие к нам из глубокой древности, но

немые материалы археологии или этнической антропологии.

К числу такого рода этносов-изолятов относятся малые народы (племена) Индии, которые на протяжении многих столетий были оторваны от общего развития всего региона в связи с особенностями экологической и исторической ситуации у них. В результате в то время когда на больших индийских равнинах сменяли друг друга могущественные империи, основанные на отчетливо выраженном сословно-классовом членении общества, горные народы делали только первые шаги по пути начальной социальной дифференциации. Больше того, внутреннее развитие общества горных народов так и не привело к окончательному сложению классовых отношений: до наших дней это общество остается бесклассовым (предклассовым). Те процессы экономической дифференциации, которые получают развитие в последние десятилетия, после того как горные территории были открыты для контактов и туда началось стремительное проникновение товарно-денежных отношений с равнин, являются уже результатом не спонтанного развития, а воздействия извне более сильной и развитой экономической системы.

Для процесса социальной стратификации у рассматриваемых народов в целом характерны три особенности. Во-первых, сложные географические условия: горы — действенный фактор, влияющий на ход развития многих социальных процессов у народов любой этнической принадлежности. Горы определяют такие особенности этнографической характеристики населяющих их этносов, как дробность этнического состава, консерватизм социальной организации и культуры, более низкий по сравнению с равнинными народами уровень общественного развития. Здесь процесс становления классовых категорий оказывается несравненно более длительным, чем у народов равнин, развитие идет не по линии создания крупных региональных и этнических объединений государственного типа, а по линии локальной сегментации общества. Социальная организация этих народов включает сумму автономных децентрализованных общин, не образующих социальной иерархии, которые лишь в единичных случаях объединялись под общей политической властью. Горы как изолирующий фактор дополняются лесом, который покрывает горные склоны и создает среду обитания для горцев: лес «ограничивает способность центрального правительства перемещать людей и грузы через свои владения.

Другими словами, лес поддерживает местную автономию и служит серьезным препятствием для государственной организации[1] — такова роль леса в процессе политической стабилизации, подтвержденная материалом по народам многих географических регионов.

Вторая особенность — неуниверсальный характер социальной стратификации: далеко не у всех малых народов спонтанное развитие привело к выделению тех или иных социально-привилегированных групп. У многих народов социальное равенство в пределах общины не было нарушено вплоть до прекращения изоляции горных районов. Наконец, третья особенность — разновременность процессов классообразования у разных этносов, что проявляется даже в пределах ограниченного региона. Если у одних народов социальная стратификация имела место уже к началу II тысячелетия н. э. (о более ранних периодах отсутствуют нужные материалы), то у других народов аналогичные процессы, точнее — разные моменты этих процессов можно наблюдать на материалах европейских и американских исследователей середины XIX и начала XX в.

Общая для всех народов на рассматриваемой стадии развития специфика классообразования заключается в том, что этот процесс идет в недрах земледельческой общины, которая является основным социально-экономическим и политическим институтом малых народов. Именно в общине, которая, как правило, территориально совпадает с древней, проходят все основные процессы социальной эволюции общества горцев. Это относится и к начальным этапам классообразования, которое также получает развитие в границах отдельных деревенских общин. Хотя общину горных народов уже нельзя считать родовой, поскольку родовое начало не является в ней ведущим и роды являются разросшимися и делокализованными группировками, но родовые институты являются органической частью общинной организации и не отделимы от нее. Роды не конституированы как организованное целое и реальное существование обретают только в общине. Именно эти роды и становятся исходной базой для социальной стратификации общины. Развитие социальной структуры по существу выражается в трансформации общинно-родовых институтов.

Заложенную в самой родо-племенной организации способность порождать расслоение общества отмечал еще К. Маркс: «Племенной строй сам по себе ведет к делению

на высшие и низшие роды» [2]. Для родовой структуры это вытекает из самой сути структуры — важную роль играет принцип первородства. Широко распространено представление о происхождении родов от двух братьев-родоначальников — старшего и младшего, соответственно выделяются восходящие к ним старшие и младшие роды — как изначальные, так и более дробные, а также старшая и младшая ветви одного рода [3]. Подобные традиции можно встретить не только в Индии, но и у народов других стран Азии и других континентов. Но у разных этносов в зависимости от конкретных исторических обстоятельств это деление на старшие и младшие роды и ветви родов проявляется по-разному: у одних народов, еще не достигших уровня сословной дифференциации, принадлежность к старшей или младшей категории сохраняет чисто престижное значение и сказывается в традиции выбора вождя предпочтительно из числа представителей старшего рода или в некоторых церемониальных деталях (например, право членов старшей ветви начинать совместные праздничные трапезы и др.); у многих народов с традицией принадлежности к младшему или старшему роду не связываются даже эти престижные соображения. Иное положение у народов, которые вступили на путь социальной стратификации: у них именно разделение по групповому старшинству становится основой для возвышения группы родов или ветвей рода [4]. Дальнейшее развитие этой тенденции — выделение «благородных» родов и возникновение иерархии слоев (страт), основанных на старых родовых членениях.

Возвышение «благородных» родов и дальнейшее социальное расслоение рядовых общинников, как правило, связано со специализацией функций между сословными группировками, т. е. разделением труда между ними. Происходит отделение от производительного труда организаторских функций (военных, культовых и пр.). У горных народов, в жизни которых большую роль играла война, в первую очередь выделялись лица, связанные с ведением войны.

У большинства горных народов вождь, в условиях мирной жизни обладавший очень ограниченными организаторскими правами, занимал руководящее положение прежде всего в качестве военачальника, и вместе с ним поднимались над массой рядовых общинников его сородичи и соратники по войне.

Возникновение иерархии родов имеет следствием оформление этих родов в виде ряда сословий, каждое из которых включало группу равных по положению родов. Под сословиями мы понимаем социально-правовые группы, каждая из которых имеет свои определенные права и обязанности и свой статус. «Роды», на базе которых произошло становление сословий (или происходило — это процесс длительный и так и не получивший завершения), утрачивали свою генеалогическую сущность: это были предклассовые образования, имевшие тенденцию к эндогамности (в отличие от экзогамных родов). Хотя процесс выделения сословий шел во всем племени и выделившиеся страты имели общие для всего этноса наименования, но каждая община представляла собой иерархическую систему, имела своего вождя и знать, свои сословия, в каждой из них имелся слой рабов из числа военнопленных, которые стояли на низшей ступени социальной лестницы, но постепенно — через два-три поколения входили в состав общинников, хотя и сохраняли некоторые признаки неполноправия.

Процесс стратификации, проходящий у всех горных народов на базе разлагающейся родовой организации, имеет разные формы. Выделим три из них, наиболее обычные для Индии. Первый вариант: происходит группировка родов на нескольких иерархических уровнях, каждый из которых составляет сословие. Обычно над основной массой недифференцированных общинников-земледельцев имеются одно-два привилегированных сословия. При этом если роды, образующие высшие сословия, как правило, теряют свои экзогамные функции, то в среде простых общинников могут сохраняться роды в их первичной — генеалогической — форме. Этот вариант стратификации — наиболее типичный.

Второй вариант: на положение привилегированного сословия попадает один род, а именно род вождя, к которому принадлежат вожди всех деревенских общин. История знает немало подобных примеров, когда «благородный» род, члены которого не понуждаются к совместному существованию требованиями производства, по мере своего роста распространяются на значительные территории, сохраняя в то же время связи между своими членами. Наличие родственных связей между всеми общинными главами усиливает их солидарность и способствует упрочению их власти. Признание приоритета только одного рода перед всеми остальными родами — явление далеко не еди-

ничное, хотя обычно это признание не связано со сколько-нибудь заметными привилегиями.

Третий вариант: идет процесс обособления отдельных родов или подродов (ветвей родов) и превращения их в замкнутые группы с четким определением их места на иерархической лестнице. Этот процесс напоминает кастообразование, но у отдельных групп проявляются отдельные черты каст — такие, как профессиональная специализация, замкнутость, усиливавшаяся эндогамией, особая забота о чистоте крови. Однако эти признаки не выступают в совокупности и не приводят к возникновению той жесткой системы, какая сложилась в Индии [5].

У всех народов, у которых идет сословная стратификация, на разных полосах оказывается привилегированная верхушка — одно-два выделившиеся сословия и рабы, ей этнически чуждые. Основная масса общинников-соплеменников первоначально остается за ее пределами. Только позже намечается расслоение уже в среде этой массы земледельцев-производителей.

Для процессов классообразования у горных народов существенное значение имеет то обстоятельство, что эти процессы проходят в недрах экономически еще не расчлененной общины, базой для которой является подсечно-огневое земледелие. Это земледелие мотыжное, экстенсивное по своему характеру, связанное с постоянной сменой обрабатываемых участков. Такая форма земледелия не давала условий для развития частной собственности на землю: постоянно переходящая из рук в руки земля не давала сколько-нибудь значительного прибавочного продукта, индивидуальные права на землю не могли установиться, поскольку земля большую часть времени находилась под лесом, смена участков находилась под контролем общинных представителей. Таким образом, появление господствующих страт происходило в условиях неразвитых еще форм частной собственности. В результате для начальных форм классообразования у горных народов характерен приоритет чисто социальных факторов. Выделение сословий еще не означает имущественного расслоения общины — оно произойдет значительно позже. Безусловно, при формировании и выделении высших сословий экономические факторы играют немалую роль. Однако экономическое преимущество остается не более чем одним из моментов наряду с такими определяющими условиями, как принадлежность рода, на базе которого формируется сословие, к старшей ветви или к числу первонасельников,

как личные качества вождя, вокруг которого группируется аристократическая прослойка, и т. д. Социальный фактор является ведущим, и социальное положение человека определяется его принадлежностью к определенному стратуму, а не его отношениями к средствам производства. Конечно, со временем, по мере складывания предпосылок частного землевладения, высокое социальное положение облегчает привилегированным слоям путь к овладению земельными богатствами. Имущественный фактор выступает тогда на первый план.

Очень важное, а иногда определяющее значение для службы процесса классообразования имеет возникновение объединений раннегосударственного типа, которые вырастали на базе социального расслоения общества. В горных районах такие объединения возникали нечасто, поскольку особенности среды не благоприятствовали их созданию. Политическая организация государства укрепляла социальную дифференциацию общества и выводила ее за рамки общины на уровень всего общества. Мы остановимся на эволюции процессов классообразования в рамках одного из таких объединений — государства качари в Северо-Восточной Индии. Оно представляет особый интерес тем, что от него дошли сведения — правда, далеко не полные — о тех социальных институтах, которые лежали в основе государственной структуры. Хронологически это государство (как и большинство других периферийных объединений) относится к достаточно позднему времени (начало II тысячелетия н. э.), стадиально же оно принадлежит к эпохе трансформации общинно-родового общества в классовое, т. е. к самому раннему типу государственности.

Что же представляло собой государство качари? Качари — одно из племен, населявших Ассам — северо-восточный штат Индии. Первые достоверные сведения о них относятся к XIII в. н. э., когда здесь появились ахомы — бирманские шаны, от которых остались исторические хроники на языке пали, а также надписи на медных блюдах. Из этих письменных свидетельств следует, что к началу II тысячелетия н. э. большая часть Ассама находилась под властью раннегосударственных объединений, созданных народами группы бодо, к которым принадлежат качари; самым сильным и протяженным было государство качари. Оно включало обширную территорию к югу от р. Брахмапутры с центром в г. Димапур. «Миролюбивый, процветающий народ», — писал о качари

их исследователь Л. Шекспир [6], отмечая высокий уровень их культуры. Сейчас вокруг Димапура — глухие леса, и лишь открытые в конце прошлого века остатки городов и храмов свидетельствуют о том, что некогда здесь кипела жизнь сильного государства. Эти величественные развалины говорят о масштабе строительства и уровне строительного мастерства качари; видимо, одной из функций государства была организация рабочей силы.

Государство качари существовало в условиях постоянных войн, следствием чего была частая смена мест поселения. В XVI в. центр их перемещается южнее, в г. Майбонг. Двигаясь на юг, качари по пути подчинили себе независимые горные племена нага и куки, которые стали подчиненными раджи качари, их дома были обложены налогом в его пользу. Таким образом, государство постепенно приобретало свойственный большинству государственных объединений полиэтнический характер. Одновременно в ходе переселений происходило дробление в массе самих качари, которые распадались на отдельные группы.

Государство качари в этот период было процветающим политическим объединением, поддерживавшим интенсивные политические и культурные связи с индуизированными государствами Северной Индии, что явилось немаловажным фактором в укреплении государственной структуры качари; именно оттуда пришли такие важнейшие атрибуты государственности, как официальный язык (санскрит), религия, идеология. Если до XVI в. можно говорить о спонтанном развитии социальных институтов качари, то позже все сильнее дает себя знать влияние более развитых соседей, что приводит к постепенной индуизации верхушки политической системы качари. Конец государству наступил в результате разгрома его давними соперниками — ахомами. Наиболее цивилизованная верхушка качари была ассимилирована завоевателями, основная же масса собственно качари, расселенная в горах Северного Качара, сохранила до последнего времени свою общинную слабо дифференцированную организацию.

Государство качари — раннегосударственное объединение, формирующееся в результате разложения родовых общин [7]. Характерная его черта — незавершенность процессов классообразования, недостаточная стабилизация государственных институтов. В его состав входил целый конгломерат территорий, различных по уровню социально-экономического развития, что особенно отчетливо выступает при сравнении равнинных и горных территорий,

на которые распространялась власть раджей качари. Особенно велика была разница между непосредственным окружением раджи и далекими горными общинами. Такое сочетание суверенных территорий, на которых осуществлялась непосредственная юрисдикция государства, и более отдаленных сфер влияния, которые связаны с центральной резиденцией лишь налоговыми и отработочными повинностями, характерно для большинства быстро разрастающихся раннегосударственных объединений [8]. Экономической основы для объединения и цементирования всего комплекса разрозненных территорий еще не было (горное земледелие в общинах качари носило натуральный и полунатуральный характер), и в качестве важного фактора становления государства выступала война, и, как уже упоминалось, соседство развитых классовых обществ. Во всех ранних государствах война — механизм, «посредством которого утверждалось неравенство» [9], поскольку именно войны способствуют возвышению отдельных лиц и коллективов и установлению их господства над другими. Войны, как писал Е. М. Жуков, «. . .ускоряли, подталкивали вызревание эмбриональных форм государственной организации . . .» [10].

В социальном плане государство качари представляло собой систему деревенских общин, отношения внутри которых еще соответствовали нормам разлагавшегося родового строя. Сложение государства ускорило процесс разложения родовой структуры, но первоначальная стратификация началась раньше и сама явилась базой для возникновения государства. Основной социально-экономической ячейкой общества была община, по отношению к ней другие уклады — в первую очередь рабовладельческий — занимали подчиненное положение. И именно в общине следует искать социальные предпосылки сложения государства, каковыми явилось выделение социально неравноценных групп, тех «предклассов», утверждению положения которых в дальнейшем способствовали войны, но которые зарождались именно в недрах общины, в ходе ее социальной стратификации на базе трансформации родовой структуры. Эти процессы представляют особый интерес для нашей темы.

На основании дошедших до нас сведений, можно проследить основные тенденции процесса социальной стратификации. К XIII в. у качари зафиксированы семь родов, называемых семфонг. Это, по-видимому, была та стадия, когда семфонг из чисто генеалогической группы

начал перерастать в группу сословно-профессионального типа, т. е. происходило выделение отдельных родов, получавших особый социальный статус. На первых порах возвышаются роды, связанные непосредственно с раджей и его окружением: правящий царский род, род, правивший ранее, род царских родичей и пр.[11] Со временем число выделяющихся групп увеличивается, продолжается процесс отпочкования, что в конечном счете приводит к образованию иерархии родов, которые по существу уже перестали быть родами. Число семфонгов возросло сперва до 12, а позже — до 42, что соответствует числу родов и у современных качари.

Семфонги, которые принято определять как «роды», — очень своеобразная категория, которая требует специального пояснения. Их называют «мужскими» родами, с течением времени (к концу димапурского периода, до переселения в Майбонг) появляется упоминание и о «женских» родах (джадди), число которых постепенно также достигает 42 [12]. Исторические материалы не дают никаких объяснений по поводу различий между этими группами, поэтому приходится прибегнуть к современному этнографическому материалу.

Сейчас у качари сохраняются и семфонги, и джадди, хотя они утратили всякую социальную специфику и выступают исключительно в функции регуляторов брака. Линейность у качари выглядит следующим образом: все мужские потомки считают свое происхождение по мужской линии и принадлежат к семфонгу отца. Дочери же принадлежат к роду — джадди — матери, т. е. ведут матрилинейный счет родства [13].

Итак, первым этапом социальной стратификации в государстве качари было выделение благородных родов, высшими из которых были царские. Такой порядок вообще характерен для начала сословного членения в большинстве обществ. Укреплению положения царских родов качари содействовали постоянные войны: как и у других горных народов (об этом речь шла выше), возвышение вождя — это прежде всего возвышение его как военачальника.

Дальнейший процесс социальной стратификации затрагивает уже роды «неблагородные», производительные (земледельческие). Это следует из того, что к XVI в. у качари существовала целая иерархия сословно-профессиональных групп, выделение которых шло по двум основным линиям. С одной стороны, продолжается появление новых и дробление уже имевшихся «благородных» родов,

причем это относится и к «женским» — например, «джадди матери раджи». Но основной процесс шел по линии выделения социальных групп в среде «неблагородных» родов, т. е. процесс стратификации затронул массу рядовых общинников. Есть упоминания о «роде царских поваров», «роде наследственных царских рыбаков», «роде профессиональных охотников» и даже о совсем «нечистом» «роде слуг, рабов и прочих отверженных» [14]. Этот процесс вызывает отчетливые ассоциации с процессом кастообразования, который мы отмечали в качестве третьего варианта стратификации у горных народов нашего века.

Соответствия с кастами проявляются и в самом порядке выделения социальных групп (и у индусов сперва — выделение высших варн), и в пути развития процесса — отпочкованием все новых групп, и в таких чертах, свойственных касте, как профессиональный принцип и социальная неравноценность выделяющихся групп. Первоначальное разделение на социальные слои — сословия (высшее — рядовые общинники) стало как бы субстратом для выделения множества социально неравноценных специализированных функционально групп (ср. варны и касты).

Выделение групп кастового типа — процесс, характерный для перехода от родового, социально однородного строя к социально групповому сословному. Социальное расслоение, складывавшееся внутри общества, т. е. внутри его элементарных ячеек-общин, получило оформление в структуре государства. Но важно отметить, что эти социальные группы — еще не классы, принадлежность к более или менее высокому социальному слою определялась по происхождению, а не по отношению к средствам производства, как в классовых структурах. Поэтому и в период государства качари, как и в новое время у народов, не знавших государственности, высшие привилегированные группы не являлись господствующими экономически, а были чисто социальными по своей природе. Государство качари, таким образом, представляло собой не столько раннеклассовое, сколько предклассовое образование, в котором дальнейшее развитие социальных группировок и перерастание их в классы было остановлено распадом государства качари после его поражения под ударами новых завоевателей.

Таким образом, материалы, относящиеся к XIII—XVI вв. показывают, что уже в те времена начались те процессы социальной стратификации, которые у ряда народов продолжаются до нашего времени. Это был спон-

танный процесс социальной эволюции, растянувшийся на многие века, в силу тормозящего воздействия экологических условий. Но историческая ситуация у народов, создавших свои государства, и у народов, которые не знали государственности, оказалась различной, что не могло бы не сказаться на характере стратификации. Если у народов, не знавших государственности, каждая община представляла собой социально стратифицированное самостоятельное и самоуправляющееся целое, то в политически оформленном государстве часть привилегированных кругов поднималась над общинным уровнем и выступала в качестве верхушки всего политического объединения в целом. Произошло сложение автократической организации во главе с наследственным вождем и аристократией — уже не в границах одной деревни, как у других горных народов, а в масштабе всего большого территориального образования в целом. Степень социальной и экономической интеграции внутри государства была очень слабой: даже в период наибольшей стабильности оно представляло собой конгломерат деревенских общин, связь которых с центром была тем слабее, чем удаленнее была «дальняя периферия» по отношению к «ближней периферии», тяготеющей к царской резиденции. Это отчетливо проявилось после распада государства качари. Разная судьба постигла горные и равнинные территории. На равнине, где продолжали сменяться потоки завоевателей, остатки качари оказались ассимилированными победителями и практически перестали существовать как этнос. Это были те группы, в среде которых в основном и происходила социальная дифференциация. Что касается горных общин, то они в большей степени сохранили свою этническую специфику и традиционные институты, причем эти институты практически не сохранили следов сословной трансформации. Последнее обстоятельство требует некоторых разъяснений.

Дело в том, что социальная стратификация не охватывала все общество качари. Роды в период государства качари выступали в двух различных формах: как кровнородственные категории, регулировавшие брачные отношения и экзогамные по своей сути (это их первичная функция), и как социальные группировки, утратившие свои исконные экзогамные функции и занимавшие различные ступени социальной лестницы. Трансформация родов в социальные группы происходила в первую очередь в окружении раджи, на территориях, тяготевших ко двору. Об

этом свидетельствуют сами наименования этих групп, которые, как правило, включают термин «царский» перед названием профессии: царские рыбаки, царские прачки и т. д. — т. е. речь идет не об обычной ремесленной группе, выделившейся в процессе естественного разделения труда в общине, а о профессиональной группе, признанной обслуживать прежде всего нужды двора. Закономерно, что до нас дошли сведения прежде всего об этих группах, поскольку исторические сведения относятся, как правило, к правителям и их окружению. Поэтому после разгрома государства качари родовые институты продолжали сохраняться в их первичных функциях; правда, родовая организация их оказалась более ослабленной, чем у народов, не знавших государственности, — община у современных качари более свободна от родовых традиций, чем у многих других индийских племен.

Такова была социальная основа, на базе которой сложилось государство качари. Что касается политико-административной надстройки, то сведения, которыми мы располагаем, относятся к сравнительно позднему периоду (начиная с XVI в.) и касаются преимущественно организации государства в горах Северного Качара.

Мы уже упоминали о том, что горные территории, хотя и были основной территорией племени качари, по мере роста государства и включения равнинных территорий оказались в силу особенностей экологии на положении дальней периферии, а потому пользовались сравнительной автономией. Горными территориями управлял наместник, при котором был целый бюрократический аппарат; второй главной фигурой был военачальник. Их власть распространялась не только на горных качари, но и на тех, кто населял предгорья; исключались лишь двор раджи и те качари, в этот период уже сравнительно немногочисленные, которые были расселены на равнине; этими последними управлял целый штат должностных лиц, судя по санскритизованным названиям, здесь, видимо, имел место довольно распространенный случай переноса целой бюрократической системы соседних бенгальцев на раннегосударственное объединение, уровень которого не соответствовал этой системе [15].

Каждая горная община имела собственное управление. Возглавлял ее староста, который представлял общину во всех государственных делах; должность эта была наследственной по мужской линии, но должна была санкционироваться военачальником. Обязательства общины по отно-

шению к радже и его двору состояли в уплате налога и в выполнении ряда повинностей. Налог платили с дома. Деревенские общины обязаны были выполнять определенные работы в пользу государства (постройка общественных зданий, прокладка дорог и т. д.); кроме того, у отдельных деревень и семей были особые обязательства по отношению к радже (обработка его личных полей, поставка необходимых ремесленных изделий ко двору и т. д.) [16].

В государстве, державшемся в значительной степени силой оружия, армия должна была играть важную роль. Здесь существовали определенные правила вербовки солдат: каждая деревня должна была поставлять установленное количество воинов, снабженных оружием; небольшой отряд постоянно находился при дворе, в столице. При военной угрозе или начале похода поднимались все мужчины, способные носить оружие.

Хотя государство качари носило предклассовый характер, однако рабы — еще не как класс, но как социальный слой — были многочисленны; широко практиковалась работорговля. Качари покупали рабов у горных племен, которые продавали пленных, захваченных в постоянных межплеменных столкновениях. Рабство было типично домашним, рабы жили и работали вместе со своими хозяевами, через одно-два поколения они входили в состав общины.

Напомним, что аналогичное положение можно было наблюдать у многих горных народов еще в первые десятилетия нашего века. Но основной производительной силой на всем протяжении существования государства качари оставались свободные общинники.

Особую категорию зависимых составляли долговые рабы, среди которых были и те, кто отрабатывал свой долг, и потомки должника, оказавшегося не в состоянии расплатиться с заимодавцем при жизни. Формой принудительного труда были работы на нужды двора, исполнявшиеся насильственно привозимыми из деревень жителями в качестве бесплатной повинности [17]. Таким образом, само государство участвовало в непосредственной эксплуатации населения — через налогообложения, принудительные повинности и пр. Это характерно для раннегосударственных объединений в целом.

Имеются отдельные сведения еще об одной функции государства — об организации культа до обращения раджи и его двора в индуизм. Ко двору были прикреплены

восемь семейств, из которых назначались жрецы; в пределах семьи должность жреца была наследственной. Верховный жрец считался главным духовным советником раджи [18]. Таким образом, в государстве качари наблюдалась дифференциация функций управленческих, военных и ритуальных (а не совмещение их в лице одного раджи). Правящая верхушка представляла власть военно-политическую и идеологическую в первую очередь, но не экономическую: монопольное владение основными средствами производства наступает только в результате длительного пути развития.

Так, в самых общих чертах, выглядело государство качари. Как мы видим, оно выросло на той же социальной основе — на основе социального расслоения, социального неравенства, — которая прослеживается у многих других горных народов. Но со стабилизацией государственной системы на этой базе вырастает политико-административная надстройка, охватывающая все объединение, и ее развитие в свою очередь приводит к тому, что часть привилегированных кругов поднимается над общинным уровнем и выступает в качестве верхушки всего политического объединения в целом. У народов, сохранивших общину в качестве основной политической единицы и не объединенных верховной властью, социальные сословия оказывались более органично связанными с общиной — ведь они не вышли за ее пределы, и потому прослеживаются поныне.

У исследователя закономерно возникает вопрос: почему при сходном характере социальной стратификации у многих горных народов, в частности у качари, на их основе сложилось раннегосударственное объединение? Какие факторы способствовали этому? Недостаток материалов пока не позволяет дать положительный ответ на этот вопрос. Можно привести лишь некоторые соображения, возникшие при попытке сравнительного анализа имеющихся данных.

Нам представляется, что непременным условием при изучении направлений и особенностей классообразования является учет особенностей экологии региона. Экологические особенности, которые определяют многие стороны хозяйства и культуры народов, далеко не безразличны и к их истории — как этнической, так и политической. Если равнины плодородные, обильно пронизанные реками, представляют прекрасные возможности для земледелия и позволяют прокормить, а значит и вместить, многочисленное население, то горы, труднодоступные, поросшие густым

лесом, могут вместить лишь ограниченное число жителей в силу условий хозяйствования. Поэтому реально завоеватели не могли утвердиться в горах, не могли размещать там сколько-нибудь значительные гарнизоны. Горы оберегали аборигенов от всяческих вторжений извне — и враждебных, но одновременно и полезных контактов, без которых культура неизбежно отстает в своем развитии.

Эта же противоположность всех жизненных условий в горах и на равнинах препятствовала объединению тех и других в рамках единого государства: вся система хозяйства, весь образ жизни настолько отличались, что власть государства могла распространяться на жителей гор лишь номинально (через налоговое обложение, вербовку солдат и т. д.), но не затрагивала основ жизни горцев. Короче говоря, горы в силу особенностей экологии — не приспособлены для того, чтобы быть ареной объединений раннегосударственного типа, которые подразумевают широкий охват разнородных территорий, обязательные контакты с более развитыми соседями, большие масштабы организации рабочей силы. (Мы не хотим сказать, что в условиях гор невозможно никакое государство, но в данном случае речь идет лишь о тех ранних «империях», которые рождались как результат объединения широкого круга разнородных этносов.)

Вспомним историю: все основные события, все драматические коллизии политической жизни решались на равнинах. Здесь возникали, возвышались и гибли государства, здесь происходила ассимиляция разнородных этнических элементов и синтезирование единой народности. Словом, история говорит о том, что чтобы создать государственное объединение, это объединение должно захватить равнину. Вот это обстоятельство следует учитывать при постановке вопроса: почему именно у качари (и у других народов той же группы бодо) возникали ранние государства.

Этническую историю Северо-Восточной Индии — региона, где живут качари и другие горные племена, можно схематично представить как последовательную хронологическую схему ряда этнических пластов. Древнейший (видимо, принадлежавший к экваториальной расе) слой проявляется лишь в отдельных антропологических вариациях у некоторых этносов. Следующими были монкхмеры (монголоиды), ассимилированные (в небольшой части — оттеснены в горы) последующими мигрантами: ведь все переселенцы стремились к плодородным долинам Брахмапутры и в горы попадали лишь под натиском

сильнейших. Тибето-бирманцы, следовавшие за мон-кхмерами, также первоначально расселялись по равнине.

Тибето-бирманцы двигались в Индию несколькими потоками, разделенными хронологически. Самый ранний из них составляли бодо, к которым принадлежали и качари. Таким образом, если последующие тибето-бирманские группы вынуждены были заселять горные районы, бодо первоначально оказались хозяевами обширных равнинных территорий. Существует известие, что уже «две тысячи лет назад, если не больше, бодо, по-видимому, занимали всю долину Ассама, большую часть Северного Бенгала. . .» [19]. В пользу этого свидетельствуют данные топонимики, в которых отражено влияние языков бодо на географические названия (в частности, на названия рек), а также прямые указания на бодо как на основное население региона в записках Сюань-цзана — известного путешественника, посетившего Индию в 640 г. н. э.[20]

Таким образом, есть основания считать, что в тот период, к которому относится начало создания государства качари, бодо занимали равнинные территории по течению Брахмапутры и ее притоков. Видимо, это и позволило им в отличие от других племен, которые были ограничены замкнутым пространством гор, вступить на путь образования государства. Это подтверждает видный исследователь истории Северо-Восточной Индии Гэйт: «Условия долины помогают укрепить власть. В горах эти процессы менее интенсивны. Некоторые, ныне горные племена раньше занимали равнины. Таковы качари, оттесненные ахомами в горы Северного Качара» [21].

Приведенные материалы показывают, что процесс формирования раннего государства в периферийных изолированных районах имеет ряд специфических особенностей, которые могут быть суммированы следующим образом: 1) замедленность и — в силу недолговечности государственных объединений — незавершенность процессов классообразования: социальные сословия так и не переросли в классовые категории; 2) сохранение земледельческой общины в качестве экономического фундамента раннегосударственного объединения; 3) при неразвитости форм частной собственности на основные средства производства и имущественной дифференциации — преобладание чисто социальных факторов в возвышении привилегированных сословий и государственной верхушки; 4) социальная стратификация в рамках родовой структуры, костяк которой сохраняется и в иерархии социаль-

ных слоев-страта; 5) важная роль войн и стабилизация государства и в утверждении господствующего положения выделившихся сословий; 6) обязательность контактов с развитыми государственными системами, откуда приходят необходимые атрибуты государственности; 7) бóльшая чем для более развитых по уровню народов, роль экологического фактора, выражающаяся в различии эволюции политических институтов в горах и на равнине. Выход на равнину как обязательный фактор образования раннего государства.

* * *

Итак, процессы социальной стратификации, которые проходили у изолированных народов Индии в период спонтанного развития их общества, т. е. до нарушения изоляции, не получили завершения — ни у народов, не знавших государственности, ни у тех этносов, которые имели свои государства. Наметившийся путь развития был прерван в первую очередь вовлечением горных народов в новый для них процесс — процесс обменных товарно-денежных отношений с народами равнин (это в большей степени, чем распад государственных объединений, сказалось на подрыве традиционных путей стратификации). Эти новые тенденции получили развитие начиная с конца XIX в., когда запоздало развивающееся в Индии капиталистическое хозяйство стало распространяться к границам горных районов. Характер классообразования кардинально меняется, ибо по мере роста товарного производства традиционная социальная стратификация отходит на второй план, а на первый выступает имущественное расслоение общества, связанное теперь в первую очередь со становлением частного землевладения.

Развитие имущественного неравенства имеет в своей основе изменившееся отношение племен к земле, которая с развитием товарных отношений приобретает цену и сама становится товарной категорией. Изменение ориентации в данном случае является результатом внутреннего развития, а именно, перехода к постоянным, более высоким формам орошаемого земледелия, что позволяет малой семье производить прибавочный продукт, достаточный для ослабления ее зависимости (экономической) от общины. Внешнее воздействие со стороны народов равнин, раньше вступивших на путь товарного развития, резко ускоряет такую переориентацию. Если раньше отдельные общинные вожди производили узурпацию общинных земель, опи-

раясь на свое социальное превосходство («первородство», «первонасельничество» и пр.), то новые тенденции порождают переход земли в индивидуальное владение уже в связи с экономической ситуацией. Это значит, что земельные богатства могут сосредоточиваться в руках человека, не принадлежащего к привилегированному сословию, но добившегося богатства в силу удачной экономической деятельности (владение орошаемым полем, выращивание выгодных коммерческих культур и пр.).

Воздействие новых экономических отношений оказалось универсальным, оно не миновало (рано или поздно) ни одного народа, в отличие от предшествующих форм социального расслоения, которые охватывали лишь часть племен. Новый путь имущественного расслоения не обязательно определяется традиционной расстановкой сил в общине: в одних случаях новые тенденции накладываются на проходившие процессы социальной дифференциации и подталкивают их, в других — процессы стратификации только начинаются под их воздействием. Ранее выделившиеся социальные группы, безусловно, имеют преимущества. Развитие имущественного неравенства помогает им утвердить свое положение, закрепить за собой права на средства производства, в первую очередь — на землю, превратиться из распорядителя земли в ее владельца.

Новые отношения между соплеменниками и общинниками приводят в конечном счете к выделению уже не социальных сословий (по принципу престижной иерархии), а классов (по принципу имущественного неравенства). Эти классы в условиях XX в. оказываются показателями уже не феодального, так и не состоявшегося развития, а капиталистического, черты которого все явственнее проступают в современных обществах малых народов.

[1] The Early State. The Hague—Paris—New York, 1978. P. 38.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 465.
[3] Подробнее см.: *Маретина С. А.* Образование сословий и классов у горных народов Северо-Восточной Индии: (К проблеме классообразования) // Индия — страна и народ. М., 1972. Кн. 3. С. 130—147. (Страны и народы Востока; Вып. 14).
[4] *Маретина С. А.* Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. М., 1980. С. 218 и сл.
[5] *Furer-Haimendorf Ch.* The Naked Nagas. L., 1912. P. 111.
[6] *Shakespear L. W.* History of Upper Assam, Upper Burmah and North-East Frontier. L., 1914.
[7] The Early State. P. 47.
[8] Ibid. P. 37.

[9] *Данилова Л. В.* Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. Кн. 1. С. 60.
[10] *Жуков Е. М.* Краткое вступление // Возникновение раннеклассового общества: Тез. докл. конф. М., 1973.
[11] *Crace J. H.* The hill Cacharis // Census of India. 1930. V. 1. Pt. 8.
[12] *Chosh D.* Descent and Clan among the Dimasa // Man in India. 1965. V. 45, N 3. P. 190.
[13] *Ghosn D.* Descent and Clan... P. 187.
[14] *Crace J. H.* The hill Cacharis. V. 1. Pt 8.
[15] *Soppitt C. A.* An Historical and Descriptive Account of the Kachari Tribes in the North Cachar Hills. Shillong, 1885. P. 6.
[16] Ibid. P. 27.
[17] Ibid. P. 49.
[18] Ibidem.
[19] *Gait E.* A History of Assam. Calcutta and Simla, 1926 («Duration of Bodo Domination».
[20] Ibid.; Encyclopaedia of Religion and Ethics. Edinburg, 1909. P. 753—754.
[21] *Gait E.* A History of Assam.

Э. В. Сайко

ФОРМИРОВАНИЕ ДРЕВНЕЙШИХ ГОРОДОВ И СТАНОВЛЕНИЕ РАННЕКЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА

(методологические аспекты)

Проблема становления древнейшего города в настоящее время приобрела особое значение в связи с актуализацией задачи дальнейшей разработки теоретических и исторических аспектов таких категорий, как общественно-экономическая формация, классы, понятия урбанизации, цивилизации, выступающих в числе важнейших средств познания марксистско-ленинской теории исторического развития. Проблема условий формирования классовых обществ, процессов, определяющих их становление, и перехода первобытных обществ на исторически новую ступень развития остро и конкретно встала в системе археологических знаний, владеющих широкими возможностями и способами изучения реальных показателей формирования материальной базы таких преобразований.

В таком переходе общества в исторически новое состояние, связанное с формированием нового социума, особое значение приобретал процесс урбанизации. Проблемы урбанизации и особенностей древнейших городов, в частности в связи с характеристикой исторического

уровня древнейших обществ, поднимались неоднократно как в советской, так и зарубежной литературе. Процесс урбанизации при этом определялся как показатель изменений условий жизнедеятельности первобытного общества и связывался со значительными достижениями в технической и общепроизводственных сферах его организации [1]. Усиление внимания к этой проблеме, проявившееся в последние годы, обусловлено, в частности, расширением историко-археологических знаний о социально-производственных структурах, о древнейших поселениях, различиях их, о характере крупных укрепленных поселений. Важное значение приобретает введение в научный оборот результатов анализа древнейших документов о составе, стратификации, связях различных групп населения. Вновь развернулись дискуссии и наметились новые линии исследований в плане характеристики условий, предпосылок и функций древнейших городов (что нашло отражение в историко-археологических исследованиях, в частности Р. М. Адамса [2], В. И. Гуляева [3], И. М. Дьяконова [4], К. К. Ламберг-Карловского [5], В. М. Массона [6] и др.[7]).

Обсуждение многих вопросов конкретизировалось в связи с интерпретацией таких крупных укрепленных неолитических поселений, как Иерихон[8] и Чатал-Хююк [9], относимых рядом исследователей к городам. Интерпретация последних имеет принципиальное значение в плане разработки исходных позиций понимания города. В результате открытия в южном Туркменистане древнейших на нашей территории поселений раннеземледельческих племен, относимых к раннегородским центрам, формирующимся в общей системе древнейших цивилизаций (хотя процесс перестройки в организации жизнедеятельности общества происходил здесь в менее выраженном варианте, на уровне «цивилизации второго порядка»), острее встал вопрос о многоплановости и сложности проявления процесса урбанизации [10], о более глубокой значимости его в общем историческом развитии. Четко встала задача раскрытия сущности этого процесса и исторического определения урбанизации. Город все в большей степени становится объектом глубоких и серьезных исследований и одним из важнейших остается вопрос определения города как особого исторического явления. Не случайно так активно дискутируется понятие города, его характеристика: что собой представляет город — политический, религиозный центр, центр ремесла и торговли?

Известно, что отсутствие четкости и единства прин-

ципов определения города как особого исторического явления породило множество классификаций его по различным признакам — функциональным, функционально-генетическим, динамическим, морфологическим и др. Но при определении города на этапе его возникновения, когда характерные признаки и функции города, все его особенности отчетливо не вычленяются, возникают особые сложности. Они обусловливаются еще и тем, что при исследовании процесса становления древнейшего города не дифференцируются принципы его оценки, в частности не разграничиваются условия, предпосылки его появления, признаки, его функциональная нагрузка и сущность как особого общественного организма, появление которого (и в этом согласны большинство исследователей) связывается с исторически новым уровнем развития общества. Разные по объему и степени действия факторы рассматриваются часто в одном ряду.

10 признаков, выделенных в свое время Г. Чайлдом, характеризовавшие город в связи с глубокими преобразованиями в обществе, позволили автору говорить о так называемой городской революции [11].

Предложенные Г. Чайлдом признаки, включающие численность населения, состав и занятия жителей, концентрацию прибавочного продукта, монументальные постройки, появление правящего класса, систему знаний, формирование государственности, т. е. признаки, разные по уровню и значимости, до сих пор подвергаются обсуждению в разной форме и на самом высоком уровне, в том числе на международных совещаниях, в специальных публикациях. Наметилась тенденция к дифференцированному анализу признаков и к усилению внимания к общим предпосылкам появления города. Одновременно четко проявляется различие во взглядах на решающие признаки определения и предпосылки появления города.

Ряд исследователей на первый план при определении города выдвигают ремесленные и торговые его функции (В. Массон, К. Флэннери), другие — управленческие, организационные (Б. Тригер, Р. Адамс), связывая возникновение города с глубокими изменениями в развитии общества, с глубокой социальной и политической иерархией, территориальным разделением, с государством, с разделением труда, особое значение придается политической функции городов. В качестве главных для ранних городов В. И. Гуляев называет политико-административную и культовую функции, подчеркивая общность этого

положения как для областей Ближнего Востока, так и для Мезоамерики и Перу.

Представляется, что в сложившейся в исследовании древнейшего города ситуации необходимо выделить три главные задачи.

Во-первых, дифференцировать разные стороны в определении древнейшего города: а) определение самого города; б) его роль в культурно-историческом процессе с точки зрения оценки общеисторической перспективы развития общества; в) оценка его значения в становлении исторически перспективного древнейшего классового общества; г) установление связи процессов урбанизации, цивилизации, классообразования.

Во-вторых, дать четкое определение города как момента процесса общественного развития в связи с переходом от первобытного общества к раннеклассовому, вычленяя те главные его особенности, которые присущи городу на всех этапах его истории.

В-третьих, на основе анализа функции города, его особенностей и раскрытия исторической роли выработать дефиницию города, содержащую теоретическое определение его внутренней сущности, генезиса, тенденции и принципов его развития.

В данном случае речь идет об определении города в плане оценки ситуации объективной возможности и необходимости его появления как условия прогресса и перехода на исторически новую ступень общественного развития.

Рассмотрение имеющихся определений древнейшего города, в том числе и вышеназванных, позволяет наметить два основных подхода. Один связан с характеристикой города на уровне эмпирического обобщения основных признаков его (фиксируемых непосредственно — монументальные постройки, укрепления и опосредованно — социальная дифференциация, определяемая по различию жилых комплексов, характеру захоронений и т. д.). Другой — функциональный, раскрывающий содержание понимания города с позиций определения основных функций (в иерархической связи, как совокупности различных функций или при вычленении главных, например город — центр политический, город — центр распределения продукта и т. д.). Оба этих подхода дают адекватную характеристику города на уровне эмпирического обобщения морфологических признаков его или функционального объяснения. При этом характерен различный акцент тех

или иных его особенностей для разных исторических периодов.

Продуктивные в соответствующем объеме и задачах познания города эти подходы не обеспечивают понимания всеобщего принципа рождения и исторической значимости города как фактора общественного прогресса.

Дело в том, что, например, функциональная характеристика фиксирует лишь специфическую ролевую нагрузку города как особого объекта. Но особенности существования и развития объекта как целого предполагают наличие причины законов его функционирования. Потому что функция не есть сущность и функция объекта не есть сам объект. Недостатки рассматриваемого определения породили, в частности, такое направление научного поиска определений города, как создание теоретической модели, представляющей наиболее обобщенную, абстрактную характеристику города. Однако раскрытие сущности города как особого исторического явления не может быть выражено на базе максимальной абстракции условных признаков. Оно требует понимания исторического смысла появления города, т. е. той абстракции, которая формируется на основе познания реальных конкретных фактов истории.

Именно поэтому представляется целесообразным формирование соответствующего нового подхода к исследованию города, когда в центре внимания стоит не столько обсуждение и ранжирование признаков, функций и совокупности предпосылок, сколько поиск его генетических корней и выявление характера глубинных преобразований базовых оснований организации общества, обеспечивающих возможность и необходимость появления города как проявления прогрессивной направленности развития общества и показателя стадиального характера происходящих изменений.

Встает, в частности, следующий вопрос. Связывается ли появление города только с кумулятивными процессами в развитии раннеземледельческих обществ, с постепенными, но порой значительными во времени изменениями таких социально-производственных структур, как поселения земледельческих общин, представляющих единственную форму социально-экономической интеграции: общим увеличением их, приобретением новых функций. Иными словами, вызревает ли город как необходимая составная часть общества ранних земледельцев на определенном уровне их прогрессивного развития? Или же го-

род является результатом глубоких принципиальных преобразований базовых основ организации жизнедеятельности этих обществ, т. е. преобразований, обеспечивающих выход за пределы возможностей развития собственно раннеземледельческих общин (как особого типа социально-экономической и культурной интеграции), что предполагает установление исторически нового уровня функционирования конкретных обществ и наличие принципиально новых условий и закономерностей общественного развития.

Возникновение города практически всеми исследователями связывается (независимо от характера его определения — как политического, административного, торгового или производственного центра) с особым уровнем общественного развития (хотя в зависимости от теоретической установки этот уровень, а потому социальный смысл города определяется по-разному) и с определенными социально-экономическими преобразованиями, обеспечивающими появление совокупности предпосылок его формирования [12].

Однако в контексте предлагаемого подхода к рассмотрению города основным выступает вопрос о том, при каких обстоятельствах, почему формирующиеся в активном развитии земледельческих общин предпосылки появления города приобретают преобразующую, действенную силу. И на передний план выдвигается задача (при учете многофакторной обусловленности появления города, сложности пути его становления) выделить главные интегральные преобразования в жизни общества, которые принципиально меняют условия существования, образуют исторически новый уровень развития последнего, делают необходимым формирование города как исторически нового социально-экономического образования.

Исторически экономические основы возникновения города вызревают в системе общества раннеземледельческих культур. Именно в результате активного развития раннеземледельческой экономики формируются предпосылки появления города. Активное развитие земледельческо-скотоводческой экономики обеспечивало в определенных условиях значительное накопление продуктов труда, увеличение и новое распределение населения и появление таких крупных поселений, как Иерихон, Чатал-Хююк, а намного позже, уже в других конкретно-исторических условиях трипольских макропоселений [13]. Такие крупные, выделяющиеся в системе других и на основе усложнения суще-

ствующих общественных связей и отношений поселения могли успешно осуществлять функции распределения, организации труда, политико-административных, идеологических центров, не будучи городами в собственном смысле слова (т. е. принципиально новыми социально-производственными структурами, несущими исторически новую в отличие от традиционных поселений земледельческих общин нагрузку).

Развитие земледельческо-скотоводческого труда обеспечивало возможности накопления излишков его продуктов и высвобождения времени и средств для материального обеспечения развития труда по изготовлению различного рода предметов потребления (сначала связанных с обработкой продуктов земледелия и скотоводства). Создавались условия для определенного расширения и разделения специализированной деятельности. Такое разделение деятельности обеспечивало увеличение не только общего объема потребительной стоимости, но приводило к росту многообразия и определенной специализации разных ее видов, что способствовало в известной степени общему росту производительной силы труда. Устанавливаемая при такой эволюции система общественных отношений в большей или меньшей мере была стабильна. Накопление продукта и выход его за пределы конкретных племен расширяли, порой в значительной степени, систему общественных отношений за счет обменных связей, но не изменяли их принципиально. Историческое движение общества, главной социально-производственной единицей организации которого была земледельческая община, могло обеспечить ее длительное существование и воспроизводство при сохранении главных производственных основ, в том числе всех особенностей внутренних связей общин как особой производительной силы (это характерно, например, для индейских общин). И сами по себе накопления результатов труда, рост населения, расширение и усложнение поселений (в том числе их структуры при количественном росте однотипных единиц) и даже определенное усложнение социальной структуры, стратификации общества — все эти порой значительные изменения составляли лишь предпосылки формирования города, обеспечивавшие только потенциальные возможности его появления как принципиально нового общественного организма. В то же время эти моменты могут обеспечивать на определенном этапе развития конкретно-исторических обществ и в определенных конкретно-исторических усло-

виях ситуацию, в которой количественное накопление однозначных компонентов создает новую, более сложную структуру их связей.

Такая структура связей возможна, в частности, для крупных поселений, образующих иерархическую систему определенной сложности, основанную на сохранении традиционных форм жизнедеятельности земледельческой общины. Функционирование таких поселений предполагало сохранение соответствующих типов организации общественного труда и условий производственной деятельности, свойственных земледельческой общине (как особого социально-исторического и экономического явления) на определенном уровне ее системной организации. Представляется, что примером этого могут служить в какой-то мере города майя I тысячелетия (например, Вашактун, пришедший в упадок в IX в. н. э.). Они представляют собой крупные образования, организуемые как особая совокупность определенных традиционных и единообразных в принципе архитектурных единиц при доминирующем положении конкретных групп (для Вашактуна — это две такие группы — А и В) [14]. Характерно, что город юкатанских майя (X—XVI вв.), как отмечает В. И. Гуляев, выступает как «проекция внутренней структуры идеальной общины или племени, состоящих из 4 фратрий или 4 групп родов» [15].

Несмотря на пышное оформление строительных комплексов, наличие высококачественных изделий, в частности различного рода украшений, производственная база общества здесь имела довольно низкий уровень. Это примитивные средства труда, сам характер подсечно-огневого земледелия (хотя и обеспечивавшего достаточный объем продуктов, но не стимулировавшего технический прогресс и производственную динамику), особенности содержания и организации специализированной деятельности, связанной в значительной своей части с такими работами, как строительство храмов, изготовление предметов роскоши, ритуала и т. д.

Такие поселения-города — показатели больших возможностей саморазвития обществ раннеземледельческих культур в рамках их системной организации и одновременно показатель предела общинной интеграции. Устойчивость традиционной схемы организации обществ конкретных раннеземледельческих культур в определенной степени связывала их в выборе новых путей исторического движения. Развитие этих обществ осуществлялось за счет

повторения увеличения объема, а при значительных изменениях условий существования и в случае невозможности воспроизводства на прежних принципах приводило их к разрушению. И чем в большей степени происходило осуществление собственно системных возможностей обществ раннеземледельческих культур в рамках традиционных форм воспроизводства, тем в меньшей мере существовали условия для выбора, варьирования в поиске, для появления нового на собственной базе развития таких конкретных раннеземледельческих племен. В исторических условиях неолитического общества Ближнего Востока на соответствующем уровне его развития примером общинной интеграции (проявившейся, в частности, в появлении крупных поселений усложненной организации) могут служить поселения VII—VI тысячелетия до н. э. Иерихон и особенно Чатал-Хююк. Это вариант особой формы реализации возможностей развития обществ раннеземледельческих культур, в том числе реализации прибавочного продукта, распределения населения, средств и т. д., совершаемых на традиционных основах организации жизнедеятельности обществ ранних земледельцев. Такой тип поселения-города был результатом развития традиционных специализированных форм жизнедеятельности раннеземледельческих обществ. Он как бы венчал собственно внутренние возможности их прогрессивного развития и, очевидно, требует своего собственного, более четкого определения.

Интегративные процессы осуществлялись здесь на уровне формирования крупных поселений, приобретающих новые качественные показатели за счет кумулятивных моментов в отличие от особого социального явления — собственно городов, выступающих органической частью преобразовательных процессов — урбанизации, цивилизации, классообразования и фиксирующих переход на исторически новую ступень общественного развития. Такой город представляет собой принципиально новое, противопоставленное другим предшествующим структурным формам организации явление. Он связывается классиками марксизма-ленинизма с рождением нового социума, с магистральным путем культурно-исторического процесса.

Само появление города как особого принципиально нового организма, как противоположности поселению-деревне и как вычленяемого в общественном сознании явления — это сложный, длительный процесс. Но связыва-

ется он с разрывом традиционных форм связей и изменением условий развития раннеземледельческих обществ. Принципиально новый, отличный от поселения-деревни социально-экономический организм город должен был выступать и выступал как результат революционизирующих преобразований во всей жизнедеятельности земледельческих племен и прежде всего в организации материального производства. Только серьезные изменения в организации последнего обеспечивали в рассматриваемый период усложнение и перестройку условий развития общества. Важнейшим механизмом таких перестроек было разделение труда. Это для древнейших этапов исторического развития еще далеко не в полной мере изученное явление играло особую роль в прогрессивном движении общества. Диалектико-материалистическое понимание становления города как результата разделения труда и отделения ремесла от земледелия является практически общепризнанным, и разделение труда называется многими исследователями древнейшей истории в числе предпосылок и условий появления города. Однако реальное содержание и основания процесса такого разделения в связи с изучением города изучается в гораздо меньшей степени. Между тем многоплановый и разноуровневый, разнохарактерный процесс разделения и специализации деятельности только при особых обстоятельствах приводил (на базе интенсивного роста производительности труда и общего технического прогресса) к более грубоким формам его проявления, к крупному общественному разделению труда. В данном случае речь идет о крупном разделении труда на уровне разделения производства.

Разделение труда на уровне разделения производства по своей емкости, по своему значению охватывает все различные формы, все уровни, все виды проявления разделения труда в самом широком его понимании (включая физический и духовный труд). Оно имеет сложное, многоуровневое содержание, связанное с изменением всей производственной деятельности, изменением состояния земледельческого хозяйства и формированием исторически нового типа организации общественного труда — ремесла.

Разделение труда выступает в таком случае не как один из факторов или важная предпосылка появления города, а как необходимый базис его формирования как новой социально-производственной структуры. Поэтому условия становления, развития ремесла как формы промышленности и приобретения им противоположной земледелию

производственной и социальной значимости (приведшие к отделению его от земледелия и к крупному общественному разделению труда) являются особенно важными моментами исследования города как социально-производственного организма и как особого исторического явления. Именно с таким общественным разделением труда, совпадающим с разделением производства на две главные отрасли его — промышленность и сельское хозяйство, связывался процесс становления новых форм и условий организации общественного труда, новая структура и характер собственно производственных отношений и многоплановых форм общения.

Такая глубокая в результате крупного общественного разделения труда перестройка в организации материального производства и разрыв в связи с этим прежних традиционных отношений были подготовлены всем ходом прогрессивного развития конкретных активно развивающихся обществ раннеземледельческих культур. Она предполагала постепенное вызревание (в определенной, особой ситуации развития) и начало активного действия новых факторов и законов, связанных с установлением новых форм труда и типов его организации, функционированием исторически новых явлений, со становлением новых конкретных условий воспроизводства жизнедеятельности общества, новым уровнем и характером дифференциации и интеграции производственных и социальных отношений. И такая перестройка обусловливала появление новых социально-производственных организмов, кумулирующих последние и обеспечивающих их функционирование. Таким исторически новым социально-экономическим организмом выступал город, т. е. формирование города как особой социально-экономической структуры являлось необходимым компонентом процесса названных изменений, фактором исторически перспективного развития. Такая исходная позиция не только обеспечивает новые линии исследования исторической сущности и генетических корней города в процессе его исследования в системе историко-археологических знаний, но и направляет поиск собственно археологических фактов в познании древнейших этапов развития города.

Известно, что многие определяющие город социально-экономические показатели не могут быть зафиксированы археологически. В то же время в плане конкретизированных задач настоящей работы нужно отметить перспективность раскрытия на археологическом материале суще-

ственных (если не по объему, то по значимости) показателей нового состояния организации общественного труда, в частности технико-производственного основания состава и содержания его, а также связи этих показателей с другими признаками изменений в жизнедеятельности конкретных обществ. Поэтому более четко направленное определение значимости и исследование характера памятников материальной культуры, обеспечивающие данные не только об общих особенностях последних (качественные показатели которых могут быть достаточно высокими) [16], но и об условиях их изготовления (опосредовано восстанавливаемые специальным анализом) [17], заключают значительные возможности установления технико-организационного уровня конкретных производств, определяющего степень и характер их специализации, важных в характеристике экономических условий возникновения города.

Учет взаимосвязи археологически вычленяемых показателей при выявлении главного исторического значения смысла рождения города открывает большие потенциальные возможности историко-археологического познания этого явления. Так, например, происходивший в период конца IV—начала III тысячелетия до н. э. в области Месопотамии процесс разделения поселений по объему и установление своего рода иерархической системы их связей, появление новых типов их [18] достаточно тесно увязываются с активной (выявляемой на основе археологических исследований) перестройкой технической базы и технологических схем процесса производства различного рода изделий. Усложнение внутренней структуры поселений, отражающее глубинные изменения в экономической и социальной сфере, отмечаемое для конца III—начала II тысячелетия до н. э. в южном Туркменистане, связывается с принципиально важными изменениями в технической организации и уровне ведущих производств — керамического и металлообрабатывающего, свидетельствующими о новом характере и глубине специализации производственной деятельности (соответствующей уровню специализации ремесленного труда) [19].

Итак, исходным является положение о том, что обязательным условием создания необходимой социально-экономической ситуации, обеспечивающей возможность возникновения города (как нового социального организма) выступают определенные, глубинные преобразования в экономических основаниях функционирования общества, в организации производства [20]. Эти конкретные преобра-

зования связываются с формированием и вычленением ремесла как особого типа организации общественного труда. Именно поэтому важно установить и исследовать характерные показатели последнего. Ремеслу, которое развивается в противопоставлении земледелию и является результатом объективно обусловленного и многопланово проявляемого процесса дифференциации и специализации производственной деятельности, свойственны определенные особенности, характеризующие его как специфический тип организации труда. Это особая цель производства, определенная производительность труда, особая связь работника со средствами производства, соответствующая техническая база и т. д. Такие важные условия, характеризующие ремесленный труд, выступают в свою очередь показателями исторического уровня специализации труда. Одним из необходимых условий установления нового уровня организации труда являются технико-производственные основания его. Поэтому выделение и изучение в качестве критерия уровня специализации, характера организации труда технико-производственные основания его в рамках исследования конкретных видов специализированных производств в комплексе с другими показателями обеспечивают необходимые данные о степени развитости промышленного труда, в том числе о наличии соответствующей формы его — ремесла. Разрыв традиционных норм в организации специализированного труда и установление в процессе дифференциации и специализации нового типа его происходили на базе формирования в V—IV тысячелетии до н. э. практически новой технической сферы. Именно в этот период, предшествующий появлению городов, в экономике наиболее развитых областей Месопотамии возникает возможность и потребность интенсификации специализированной производственной деятельности (обусловленные объемом прибавочного продукта и развернутостью межобластных контактов), которая осуществляется на базе технического прогресса в его техническом и технологическом выражении. Если проследить технические изменения и нововведения, произошедшие в V—IV тысячелетиях до н. э. при выделении соответствующих критериев, фиксирующих их преобразовательные действия и динамику, то получается достаточно выразительная картина технического прогресса. Это освоение теплотехнических средств, преобразующих существующий в природе материал и создающих новый. Развитие теплотехнических средств предусматривало про-

изводственное освоение наряду с механической тепловой управляемой энергии, высоких температур, управление огнем и т. д. Но возникновение их обусловливалось, как уже отмечалось автором, прежде всего необходимостью стандартизации условий производства, обеспечивающих постоянные возможности их изготовления. Показателен, в частности, в этом плане тот факт, что широкое производственное освоение печей в V—IV тысячелетии до н. э. происходило в ряде мест на более низком уровне их технической разработки, чем более ранних — ярымтепинских (VI тысячетилетие до н. э.). Примером могут служить печи Хафаджа — V тысячелетие до н. э., Мундигака I, датируемая IV тысячелетием до н. э. Внутренние производственные потребности конкретных обществ обусловливали поиск самостоятельных решений, ставших необходимыми и известных уже в практике технических средств [21].

Главными выступали производственные посылки стандартизации условий производства как необходимые условия специализации производственной деятельности. Далее, несмотря на то что освоение металла связывают с достижениями в повышении температур в керамическом производстве, происходит очень ранняя дифференциация теплотехнических установок именно по температурному режиму.

В керамическом производстве целевая направленность технического совершенствования — это не только необходимая высота температуры, но достижение регуляции, управления работой пламени, скоростью его движения, характером распределения тепла и т. д.

Анализ конструкции гончарных печей V—II тысячелетия до н. э., их рабочих возможностей свидетельствует о постоянном совершенствовании этих печей, о том, что заложенная в них технико-производственная идея с самого начала определяла перспективу технического развития этих средств производства, обеспечивая соответствующие линии технического прогресса.

На основе теплообрабатывающих технических средств создается особая технико-производственная ситуация, связанная с изменением принципов и характера технических приемов изготовления изделий, силы и возможностей воздействия на материал, условий работы мастера, с изменением общей позиции человека в системе человек-природа, когда все более активно внедряется в практику искусственно создаваемый материал.

На базе достижений в области теплотехники именно в V—III тысячелетиях до н. э. развивается принципиально новая технологическая сфера на основе освоения и разработки серии различных технических приемов, схем и т. д., связанных с обработкой металла. Вводится технико-технологическая система плавления металла, обеспечивающая возможности развития литейной техники. На ее основе формируется самостоятельно функционирующая технологическая система изготовления сплавов — силикатных, металлических.

Все шире осваиваются возможности тепловой энергии, свойства материала, особенности превращения веществ, разрабатываются различные технические приемы обработки керамики, металла, обеспечивающие не только новые возможности производственных действий, введение новых материалов (сплавов и т. д.), но и установление новых связей работников со средствами производства, с продуктами своего труда.

С IV тысячелетием до н. э. связывается появление одного из крупнейших достижений древности — гончарного круга, увеличившего производительность труда в 7—10 раз. Это средство труда, которое ввело новый принцип действия: орудие труда стало нести определенную исполнительную нагрузку [22].

Значительные изменения происходят в ткацком производстве, строительстве и т. д. Таким образом, на протяжении V—III тысячелетий до н. э. формируется принципиально новая техническая сфера, предполагающая изменение технической базы экономического развития земледельческих обществ областей Переднего Востока и прежде всего Месопотамии, что имело важное значение в определении возможностей их прогрессивного развития.

Оптимальные условия для развития городов, как проявления такого прогрессивного исторического движения устанавливались, в частности, в тех случаях, когда создавались возможности, во-первых, наибольшей реализации достижений в области экономики, в том числе в освоении технологических схем и технических средств; во-вторых, наименьшего сохранения действия традиционных форм связей и более свободного разрыва старых привычных форм отношений. Очевидно, не случайно первые города возникали в области Южной Месопотамии, а не в древнейших районах становления и развития земледельческой экономики.

Появление древнейших городов исследователи относят

к середине IV тысячелетия до н. э. Земледельческие поселения в этих областях Южной Месопотамии появились в конце Хассуны — раннего Халафа (V тысячелетие до н. э.), когда в исторической практике уже достаточно длительно существовали выработанные ранее традиции земледельческой культуры и здесь максимально реализовался опыт и возможности земледельческого труда. Реализация таких возможностей обеспечивалась определенным уровнем развития этого труда. В то же время иные, более сложные в долинах крупных рек Месопотамии условия требовали увеличения объема работы, новых технологических разработок, приемов, освоения новых принципов обработки земли, технологии орошения, специализации земледельцев, использования большего объема средств производства, новых форм концентрации рабочей силы. Свой вклад в создание общей ситуации и усложнения организации общественного труда, его дифференциации и специализации вносило и объективно обусловленное развитие обмена, расширение контактов с соседними племенами.

Все вышеназванные факторы обуславливали здесь, естественно, большие возможности и необходимость определенного разрыва старых экономических и общественных связей основных производителей. Устанавливались новые условия организации общественного труда, в частности появились возможности большей динамичности и усиления процесса дифференциации и специализации всех видов работ по изготовлению различного рода изделий, формировались основы стандартизации условий их изготовления. Именно здесь, в областях Месопотамии, наиболее активно осваивается такое специализированное оборудование, обеспечивающее постоянные условия постоянного производства продукта, как гончарные печи, изобретается один из древнейших прототипов станка — гончарный круг.

Итак, технико-технологические достижения середины IV тысячелетия до н. э. определили принципиально новый уровень специализации труда не только в отдельных видах производства, но и всей деятельности по изготовлению различного рода изделий. Сложилась техническая база, обеспечивающая в соответствующей общеисторической ситуации развития общества возможности перестройки в технико-производственной организации труда в этой сфере производства, формирования нового типа организации общественного труда. Последнее имело важное значение в установлении характера и направленности развития

всей производственной деятельности древнего общества. Данные о содержании, техническом уровне, глубине дифференциации и специализации промышленного труда, объеме продукции и т. д. характеризуют особую роль этого труда в создании технико-производственных оснований тех изменений в жизнедеятельности общества, которые фиксируются в IV—начале III тысячелетия до н. э. в областях древнейшей цивилизации (увеличение размеров поселений, числа жителей, дифференциация строений и появление крупных общественных сооружений, большой ассортимент изделий, наличие обширной для того времени торговли, активное развитие ирригации и т. д.). Техническая база организации этой сферы производственной деятельности предполагала новые нормы и условия труда, возможности его соответствующей организации во времени, новую, более высокую производительность труда.

Об увеличении места специализированного труда, по изготовлению различного рода изделий в жизни общества, изменений его объема и содержания свидетельствуют письменные источники (здесь, однако, необходимо помнить об определенном историческом запаздывании социального осмысливания реально совершавшихся фактов). В храмовых документах IV слоя Урука впервые выделяются некоторые специальности — столяр, например. В документах III и II слоев Урука появляются знаки «кузнец», «большой кузнец». В материалах периода раннего Ура список, фиксирующий названия, связанные со специализированными производствами, увеличился — это мастера медных сосудов, кузнецы, плотники. Растет число специалистов (кузнецы, кожевники, плотники, изготовители ткани, одежды, булочники), названных в документах Шуруппака — XXVII—XXVI вв. до н. э.[23] Некоторые из них получают земельные наделы, скот и, возможно, представляют специалистов, работающих не внутри храма, в храмовых мастерских, а за его пределами.

Рост числа специализированных производств, связанных с храмом и дворцом, отмечается в период первой династии Ура. Для времени третьей династии Ура (конец III тысячелетия до н. э.) показательно скопление во дворцах и храмах товаров массового производства не только для удовлетворения внутренних нужд, но явно имеющих и товарное значение.

Данные об отношениях дворцов и храмов с непосредственными производителями позволяют предположить, что существовало специальное производство по крайней мере

двух разных видов: 1) организуемое в храмах, дворцах и 2) осуществляемое специалистами, находившимися в каких-то опосредованных торговыми сделками с храмами и дворцами отношениях.

Безусловно, организация специализированного труда на базе дворцовых мастерских обеспечивала технические и производственные нормы ремесленного труда, определяла эти нормы и играла в этом плане важную роль в общем технико-производственном развитии. В то же время изготовление огромного количества не имеющих производственного значения изделий, изделий в качестве сокровищ делало такое производство в определенной степени тупиковым. Активное социальное значение его проявлялось только в связи с теми техническими и производственными нормами, которые устанавливались при их изготовлении в крупных организованных мастерских. Между тем источники, в частности клинописные таблицы Каниша и Аррапхи, исследуемые Н. Б. Янковской [24], содержат, например, данные о развитии семейно-общинной специализации, принципы и устойчивый характер которой свидетельствуют о длительном процессе формирования таких производственных организмов. Функционирование такого рода общин, связанных с промышленной деятельностью, — показатель значительного нарушения в этом случае традиционных норм замкнутой собственно общинной и домашней организации экономических отношений. Именно деятельность таких специализированных общин несет в себе прогрессивные тенденции развития ремесла. В целом источники достаточно убедительно фиксируют активные процессы дифференциации, специализации, прогрессивного развития промышленного труда в период IV—II тысячелетий до н. э. в областях древнейшей цивилизации, прежде всего в Месопотамии, что осуществлялось на базе технического прогресса и обуславливалось общим прогрессивным экономическим развитием раннеземледельческих обществ. Устанавливался особый тип организации общественного труда, сформированный в системе сельскохозяйственной экономики на базе домашнего производства, но как отрицание основных принципов их организации. Этот тип труда функционировал по своим внутренним законам. Его появление определило новое содержание всей производственной деятельности, структуру производства (выделение двух основных отраслей — земледелия и ремесла — как одной из главных осевых его структурной организации) и усло-

вия развития всего производства в целом. Но это значит, что обусловливаемое всем общим развитием конкретных раннеземледельческих обществ вызревание нового типа организации общественного труда, становящегося одним из основных в структурной организации производства, выступает как важный фактор, определяющий глубину воздействия на перестройку социально-экономических отношений. Появление нового типа организации общественного труда и те конструктивные перестройки, которые произошли в связи с этим во всей системе производства, явились экономическим условием появления новых (отличных от общинных) видов собственности.

«Эта собственность работника на его орудие предполагает особую форму развития промышленного труда — *ремесленный труд*» [25]. Но там, где существуют «отношение работника к орудию труда как к собственному, там, где он трудится как собственник орудия труда . . . там, где эта форма *работника как собственника*, или форма *работающего собственника*, уже дана как самостоятельная форма наряду с *земельной собственностью* и вне ее, — там, — пишет К. Маркс, — в качестве предпосылки дана уже и определенная вторая историческая ступень, наряду с первой и вне ее. . .

Так как самое орудие труда уже есть продукт труда, то есть элемент, конституирующий собственность, элемент, положенный трудом, то община (имеется в виду община, на которой основан этот второй вид собственности) не может уже более выступать здесь в такой естественно сложившейся форме, как в первом случае, ибо сама община должна представлять собой уже созданный, возникший вторичный коллектив, созданный самим работником» [26].

Появление и формирование частной собственности обеспечивало активное развитие торговли, развитие новых видов эксплуатации, определенных форм экономической эксплуатации. Создавалась более глубокая социальная стратификация общества, шло формирование более сложных отношений собственников, находящихся в опосредствованных связях.

Новые формы труда и типы социальных отношений не могли уже быть кумулированы и интегрированы такой социально-производственной структурой, как сельское поселение. Необходимым стало выделение исторически нового и более сложного организма, отвечающего новому уровню исторического развития.

На основе изменений в организации общественного труда и установления новых отношений, появления новых видов собственности и новых социально-производственных коллективов и в связи с ними конституируется новый социальный организм — город как противоположность единому прежде типу поселения — деревне, старым формам производственных и социальных связей. В этом заключается важный смысл, выражающий условия, причины, сущность его появления, фиксирующего раскол экономической базы развития первобытного общества, глубинную перестройку в организации общественного труда, всех общественных отношений и установление новых условий развития общественного производства как основы культурно-исторического процесса.

Поэтому очень важно более четко подчеркивать и целенаправленно проводить линию понимания того, что в прогрессивном движении общества появление города означает не просто накопление нового (сосредоточения средств, людей, возможностей, наличие высококачественных изделий, изменение структур поселения, определенное усложнение социальной стратификации и новый уровень ее), а принципиальное изменение условий существования самого общества. Это фактор развития, который связывается с качественно новым характером общества, новым путем его развития, определяемым, в частности, исторически новым типом организации общественного производства, обусловливавшим формирование новых производственных отношений, который фиксирует и определяет переход на исторически новую ступень общественного развития, к обществу классовому.

[1] *Childe G.* The Urban Revolution // Town Planning Review. Liverpool. 1950. V. 21, N 1.

[2] *Adams R. Mc.* The Evolution of Urban Society Early Mesopotamian and Prehispanic Mexico. Chicago, 1966; *Idem.* Wissen. The Uruc countryside. The natural setting of Urban Societies. Chicago; L., 1972.

[3] *Гуляев В. И.* Города-государства майя. М., 1979.

[4] *Дьяконов И. М.* Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тысячелетия до н. э. // ВДИ. 1968. № 3; *Он же.* Проблемы вавилонского города II тысячелетия до н. э. (по материалам Ура) // Древний Восток. Города и торговля. Ереван, 1973.

[5] *Lamberg-Karlovsky C. C.* An early city in Iran // Scientific Am. 1971. V. 224. N 6.

[6] *Массон В. М.* Первые города: (К проблеме формирования городов в среде раннеземледельческих культур) // В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Киев, 1974. Ч. 1; *Он же.* Городские центры

раннеклассовых обществ // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.

[7] Course toward Urban Life // Viking Fund Publication in Antropology. N. Y., 1962. N 32; Man, Settlement and Urbanism. L., 1972.

[8] *Kenyon K. H.* Jericho and its setting in Near Eastern History. — Antiquity. Cambridge, 1965. V. 120.

[9] *Mellaart J.* Catal Hüyük. A Neolithic Town in Anatolia. L., 1967.

[10] *Массон В. М.* Протогородская цивилизация юга Средней Азии // СА, 1967. № 3.

[11] *Childe G.* The Urban Revolution.

[12] *Мерперт Н. Я.* Неолитическая революция и ее памятники // Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982. С. 8.

[13] *Шмаглий М. М., Дудкин В. П., Зиньковский К. В.* О комплексном изучении трипольских поселений // Археология. Киев, 1973. № 10.

[14] *Гуляев В. И.* Города-государства майя. М., 1979. С. 161, 164.

[15] Там же. С. 213.

[16] Высокая качественность изделий домашнего производства, например ковров, вышитой одежды, деревянных и других изделий, хорошо известна, в частности, по этнографическим данным.

[17] В настоящее время такой анализ, предполагающий комплексное использование различных методов исследования технических наук (спектрального, металлографического, петрографического и др.) достаточно успешно применяется в археологической практике при решении не только историко-технических вопросов, но и более общих историко-производственных проблем.

[18] *Adams R. Mc., Nissen H. J.* The Uruc contryside the natural setting of Urban Societies. Chicago; L., 1972.

[19] Становление производства в эпоху энеолита и бронзы. М., 1981. С. 72—122.

[20] *Сайко Э. В.* Становление города как производственного центра. Душанбе, 1972; *Сайко Э. В., Терехова Н. Н.* Становление керамического и металлообрабатывающего производства // Становление производства в эпоху энеолита и бронзы. М., 1981.

[21] Показательно, что конструкции наиболее ранних известных печей (печи Ярым-тепе — IV тысячелетие до н. э.) в принципе более совершенны по своим архитектурным решениям, во всяком случае, чем, например, более поздние — Арпачия, Хафаджа, Сиалка.

[22] *Сайко Э. В.* Техника и технология керамического производства в историческом развитии. М., 1982.

[23] *Тюменев А. И.* Государственное хозяйство древнего Шумера. М.; Л., 1956. С. 45, 84, 286 и др.

[24] *Янковская Н. Б.* Децентрализованный сектор экономики в Передней Азии (по клинописным текстам Каниша и Аррапхи). Проблемы специализации общин. Автореферат докт. дисс. Л., 1982, с. 8.

[25] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-изд. Т. 46. Ч. I. С. 487.

[26] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-изд. Т. 46. Ч. I. С. 489—490.

С. А. Плетнева

ГОРОДА КОЧЕВНИКОВ

В исторической литературе тема о роли городов в кочевнических обществах никогда не ставилась. Однако изучение кочевников в настоящее время достигло такого высокого уровня [1], что необходимость исследования этого сложного вопроса стала очевидной. В 1977 г. С. Г. Кляшторный сделал на всесоюзной конференции «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья» интересный доклад о древних городах хунну, уйгуров, тюрок. В нем он, сопоставляя письменные и археологические данные, весьма убедительно доказывает существование в государственных объединениях всех трех этносов поселений несомненно городского типа [2]. Однако при этом он не учел динамики кочевнической экономики и общественных отношений, что создало несколько искаженное представление о якобы постоянных, извечно для кочевников характерных явлениях: частичной оседлости, поселениях, ремеслах, городах и пр.

Очевидно, для того чтобы правильно подойти к вопросу о городах кочевников, необходимо прежде всего остановиться на краткой характеристике закономерностей развития кочевнических обществ.

Этнографы четко выделяют три формы кочевого хозяйства: 1 — полностью кочевое (таборное), в настоящее время почти не встречающееся; 2 — полукочевое с определенными местами кочевок, зимниками и летниками; 3 — полуоседлое с параллельным кочеванию развитием оседлости и земледелия. Все эти формы не стабильны, они эволюционизируют, переходят одна в другую [3]. Поиски закономерностей этого перехода приводят к построению определенных социально-этнокультурных моделей на разных ступенях (формах) экономического развития.

В обширной исторической литературе традиционно принято считать, что кочевники — это варвары-кентавры, разоряющие и губящие как соседние, так и дальние народы и страны. Это подтверждается сотнями фактов, записанных в письменных источниках. Однако при анализе этих фактов следует учитывать, что о кочевниках писали хронисты разоряемых ими народов и объективно следует признать, что это были далеко не беспристрастные записи. Это вовсе не значит, что в записях неверно отражены бед-

ствия, которые обрушивались на страну, подверженную кочевническому нашествию. Но в то же время следует помнить, что о кочевниках всегда начинали писать в пору их наибольшей политической активности, тогда, когда они развертывали широкие военные действия. Сами кочевники, овладевая письменностью, также предпочитали записывать прежде всего свои воинские подвиги и описание этих подвигов содержало многочисленные перечисления убитых врагов и завоеванных народов.

Итак — война есть война и кочевники, ведшие ее, как впрочем и оседлые народы, создавшие великие цивилизации, несомненно варварски разрушали города и селения своих врагов, вытаптывали пашни, разоряли и уничтожали население.

Наиболее ярко проявлялись эти разрушительные тенденции в периоды нашествий — на первой стадии кочевания. Не будем здесь останавливаться на причинах, по которым полукочевое или полуоседлое государство или этнос разваливались на части и население отправлялось искать новые земли [4]. Обычно это явление вызывалось комплексом причин, одной из главных было уничтожение государства внешним врагом. После разгрома оставшаяся наиболее дееспособная часть населения отправлялась на поиски пастбищ вместо отнятых у них завоевателями. По существу такая массовая перекочевка являлась переселением. В нее втягивалось огромное количество встречавшихся на пути более слабых, мимоходом разоряемых кочевых или полукочевых этносов. Такой громадный, разросшийся как снежный ком вал подкатывался в конце концов к границам земледельческих стран и сталкивался с их населением.

В европейских степях такими этносами были гунны в IV в. и печенеги в IX в. Что же случилось с поселениями и городами, вставшими на пути этих двух кочевых волн?

Подкочевавшие к Дону гунны, покорив алан и частично втянув их в нашествие, обрушились на слабое Боспорское царство [5]. Все существовавшие в то время города и городки этого государства были разорены, сожжены и фактически уничтожены. Совершенно ясно, что они не нужны были гуннам. Характерна в этом отношении судьба Танаиса. Разоренный еще до гуннов, он не привлек их внимания и то, что оставалось в IV в. от этого большого города, не было сожжено ими. Однако город все-таки не смог существовать и развиваться в гуннском окружении и уже в V в. жизнь в нем прекратилась [6]. Гуннам в период

нашествий необходимы были добыча из взятых городов (именно потому уже разоренный Танаис не интересовал их) и пастбища. Они расчищали пространство для себя и своих стад. Море интересовало их только как резервуар, из которого в весеннюю путину они получали рыбу, подплывавшую для нереста к берегам. Города на побережье и их население только мешали и потому их сметали с пути, предварительно разграбив. Аммиан Марцеллин, лично принимавший участие в борьбе с гуннами, писал, что гунны, «придя на изобильное травою место располагают в виде круга свои кибитки. . . истребив весь корм для скота, они снова везут, так сказать, свои города, расположенные на повозках. . .» [7] Таким образом экстенсивное скотоводство и грабеж были основой экономики гуннского объединения того времени. Изготовление необходимых для жизни вещей происходило на кратковременных стойбищах. Из значительно более поздних источников, в частности записки Гильома Рубрука, известно, что в XIII в. кочевники-монголы обеспечивали себя сами оружием и одеждой, предметы же роскоши они получали от грабежа [8]. Ни развитое производство, возможное в условиях оседлости, ни торговля им практически не были нужны для жизни, а значит не требовались и пункты, где эти две отрасли экономики, свидетельствующие о ее высоком развитии, должны бы были сосредотачиваться, т. е. поселения городского типа.

Аммиан Марцеллин писал также, что у гуннов нет постоянных властителей, а только вожди — предводители орд военизированной этнической общности. Поскольку население в период нашествия находилось в военном походе, то вождям, происходившим из родовой аристократии, не нужны были постоянные места жительства. А это значит, что исключена была возможность возникновения укрепленных поселений этих вождей, т. е. замков. Таким образом и этот путь возникновения и разрастания города вокруг замка сильного хана был в ту пору абсолютно исключен для кочевников-гуннов.

Те же процессы характеризуют спустя 500 лет и печенегов, хлынувших из Заволжья в восточноевропейские степи в конце IX в.[9]

Наиболее подробно рассказал о печенегах (причем с относительной беспристрастностью) император Константин Багрянородный, который писал свой трактат в середине X в., как он сам сказал — 50 лет спустя после первого появления печенегов в южнорусских степях. Печенеги,

писал он, бежав из-за Волги от гузов, «бродили, выискивая место для своего поселения» [10]. Как гунны уничтожили черняховскую культуру, так печенеги почти полностью смели с земли салтово-маяцкую [11]. Следы мощных пожарищ, разгрома и грабежа оставлены на многих степных и лесостепных поселениях этой культуры. Некоторые из них, например Маяцкое городище, были оставлены населением еще до разгрома, т. е. жители полностью эвакуировались, увезя с собой все имущество.

За 500 лет, прошедших с гуннского нашествия, многие города в Приазовье были восстановлены. Жизнь вновь закипела в них. Появились в степях и новые города. Большинство из них печенегам удалось взять, сжечь и разграбить. В частности, такая судьба постигла Фанагорию, бывшую одним из крупных портовых центров Хазарского каганата [12]. Город был уничтожен — он даже не смог вновь возродиться — оставшееся в живых население перебралось на новые места. Выявлены следы разгрома в конце IX в. и в Таматархе (Тамани) и даже в Крыму — в Керчи (восстановленном Боспоре [13]) и на многих поселениях восточного Крыма. Таким образом печенеги в то время преследовали одну цель — захват земель для пастбищ. Все, что мешало этому, подвергалось разгрому.

Через 55 лет, в годы, когда писал Константин Багрянородный, положение в степях немного стабилизировалось. Он говорит, что печенеги владеют определенной землей и указывает места кочевий отдельных печенежских подразделений. У печенегов, видимо, начался тот период, который венгерские ученые в приложении к венграм очень верно называют «периодом обретения родины». Интересно, что печенеги, разрушившие в период нашествия города, в это время начинают постепенно обживать некоторые руины. Во всяком случае разрушенные поднестровские городки они, видимо, превратили в более или менее постоянные стойбища [14].

Эта традиция частичного восстановления небольших городков, превращения их в какие-то более или менее постоянные поселки-зимники встречается и у других кочевников в более позднее половецкое время.

Половцы появились в европейских степях в первой половине XI в. В первые десятилетия своего пребывания в степях они, вытеснив печенегов из Подонья и Приднепровья, находились на первой стадии кочевания. Мы не располагаем данными о том, какие города разрушили

половецкие орды. Пожалуй, только раскопки в Керчи дали материал о разгроме города в начале XII в.[15]

Попытки половцев расширить территорию пастбищ за счет окраин Руси не увенчались успехом. Несмотря на постоянный напор степняков («рать велика ... от половец отовсюду», — писал русский летописец [16]), несмотря на разрушительные рейды в глубь государства (вплоть до Киева) Русь крепко держала свои границы и восстанавливала сожженные пограничные крепости сразу же после их очередного сожжения. Однако до начала XII в. русские князья ни разу сами не ходили в степь. Это объясняется, очевидно, тем, что находившиеся на круглогодичном кочевании половцы, не имевшие постоянных зимников и летников, были практически неуловимы в степях — в любой момент они могли сняться и откочевать, предварительно зажегши за собой траву. В результате степь становилась недоступной и непроходимой. Первые походы русских князей в 1103 и далее — в 1109, 1111 и 1116 гг. означают, видимо, появление некоторой стабильности в месторасположении кочевий, т. е. переход половцев ко второй стадии кочевания. Это подтверждается и летописными данными о взятии половецких городков на Донце [17]: Шарукана, Сугрова и Балина. Известно, что главой Донского половецкого союза орд был Шарукан, а в степях кочевал хан Сугр, взятый в плен в 1107 г. русскими князьями [18]. Имя третьего хана не упомянуто в летописи. Но ясно, что городки были ставками сильных половецких ханов — их зимниками. При этом весьма важно отметить, что заселены они были, кроме половцев, которых в них было немного, старым, оставшимся еще от разгрома салтовцев населением — аланами или «ясами», как именует их русский летописец. Причем у них был свой князь, дочь которого взял за себя сын Владимира Мономаха в 1116 г.[19] Аланы в этих городках занимались кое-какими ремеслами. В частности, очевидно именно здесь отливались зеркала, столь широко распространенные в степных древностях и совсем неупотребимые в русских городах. Таким же небольшим городком-становищем стал и хазарский город Саркел. До 1117 г. он формально оставался русским городом — небольшим ремесленным и торговым центром [20]. Городок лежал на пересечении торговых путей, к тому же был прекрасно укреплен. Известно, что печенеги не смогли сами взять этот хазарский город-крепость. Разграблен он был только лихим Святославом Игоревичем, который, назвав его

Белой Вежей, заселил славянским (преимущественно боршевским) населением. Так, с 965 г. город стал русским, хотя в нем оставалось много местного болгаро-хазарского населения [21]. Город привлекал для своей защиты и какие-то отколовшиеся от основной массы орд части степняков: гузов, печенегов и даже половцев. У его стен расположен был печенего-гузский могильник с отдельными половецкими погребениями в нем [22]. Многие из них жили непосредственно в городе: сначала — в Саркеле, а потом в Белой Веже. Об этом свидетельствует прежде всего керамический материал: примерно 10—15 % всей кухонной керамики принадлежало этим кочевникам [23]. Кроме того, в слое этого города обнаружено большое количество различных характерных для степняков вещей: наконечники плетей, украшения печенежского типа, костяные изделия (части луков и пр.). Однако, несмотря на все это, город в половецкое время оставался русским и терпеть русское присутствие в глубине степи, особенно после разгрома половецких становищ на Донце, половцы не могли и не хотели. По-видимому, город так и не был взят штурмом — его взяли измором. Русские в 1117 г. ушли из Белой Вежи на Русь. Тот факт, что их не уничтожили, говорит о сравнительно мирном решении конфликта, вероятно, одним из главных условий было оставление всего имущества половцам. После ухода русских город еще какое-то время существовал в качестве зимника — верхний слой его наполнен остатками глинобитных мазанок — типичной для оседающего кочевника формой жилища. Однако очень скоро жизнь в нем прекратилась — в Саркеле—Белой Веже нет ни одной вещи, которую можно бы было датировать даже серединой XII в.[24]

Причины этого захирения кроются, вероятно, в том, что торговый путь через Саркел на Кавказ и далее и путь по Дону потерял свое значение. К тому же, судя по распространению половецких каменных статуй, которых нет на нижнем Дону в районе Саркела [25], половцы не считали эту степь своей землей и просто забросили не нужный им разрушавшийся городок. В то же время города и земли, которые стали им необходимы для торговли и получения из них некоторых предметов и продуктов, половцы в XII в. уже не разоряли.

В первую очередь это относится к приморским городам. Так, культурные слои Таманского городища свидетельствуют, что город в XII в. процветал, хотя для русских князей был уже «землей незнаемой». Тмутаракань под-

держивала активные торговые связи с Византией и Малой Азией. Были в ней и собственные ремесленные мастерские, во всяком случае о гончарных мастерских можно говорить с полной уверенностью [26]. В отличие от Саркела, в котором было найдено много вещей, характерных именно для кочевников XI—начала XII в., в Тамани таких находок не было. Город не был половецким — кочевники подходили к нему в определенные периоды года для торговли, подгоняя к международным портовым торжищам рабов (преимущественно русских пленных) и скот. Взамен они получали предметы роскоши, ткани, пряности, вино в амфорах. Ту же роль торжищ играли и среднеазиатские города для тюркских каганатов [27]. Причем богатые тюрки уже предпочитали проводить зиму в теплых сравнительно удобных городских жилищах. Здесь проходили те же процессы, что и в античных городах Причерноморья, которые постепенно заполнялись меотским или скифским населением и варваризировались.

В конце этого периода относительной стабилизации (второй стадии кочевания) в степях возникали и специально отстроенные поселения, предназначенные для жительства в них ханов в зимнее время. Так, Иордан описывает становище Аттилы: «Оно было подобно обширнейшему городу; деревянные стены его, как мы заметили, были сделаны из блестящих досок... Площадь двора опоясывалась громадной оградой; ее величина сама свидетельствовала о дворце. Это и было жилище короля Аттилы...» [28] Это селение по плану весьма напоминало выстроенную по приказу хана Аспаруха столицу болгар на Дунае Плиску: огромная, огражденная валами и рвами территория города с Внутренним городом в центре, окружавшим дворец хана [29].

Иордан писал, что Аттила предпочитал свою ставку всем завоеванным им городам. Это сообщение интересно потому, что ставки, разраставшиеся позже в города, возникали в степи, окруженные своим кочевым населением.

Завоеванные же города находились обычно на окраинах, где обитали, как правило, остатки земледельческого, ремесленного и торгового местного населения.

Итак, мы вплотную подошли к вопросу о собственно кочевнических городах, выстроенных или почти полностью восстановленных ими.

Естественно, что города могли появляться у кочевников только на высшей стадии их экономического и социаль-

ного развития — на третьей стадии (полуоседлости). Ограничение территорий кочевания на второй стадии, возникновение постоянных зимовок и летовок вызывали появление тенденции оседлости. Ежегодно на зимовках оставалась какая-то часть населения, не могущая кочевать. Они и начинали распашку соседних с зимовищами участков степи под бахчи, сады, виноградники, пашни. Следует помнить при этом, что недавние кочевники, как правило, заимствовали у соседей наиболее совершенные орудия труда. Сначала они отбирали их во время набегов, затем меняли и, наконец, сами осваивали их изготовление. Собственное производство тяжелых орудий труда, разнообразнейших предметов быта, роскошных украшений могло появиться только в обществе всесторонне развитом, т. е. в обществе, достигшем государственности. Наиболее богатые и знатные представители родовой аристократии, превращавшиеся в феодалов, несмотря на «патриархальную вуаль», накинутую на все взаимоотношения в кочевых сообществах, начинали активно отделяться от населения, фактически подчиненного им. Все чаще и чаще в степях возникали укрепления, аналогичные селению Аттилы. Укрепления возводились на видных, хорошо естественно укрепленных местах (отрогах гор, речных мысах). Так появились в степях своеобразные феодальные кочевнические замки [30]. Своеобразие их заключается в том, что аристократия в образованных кочевниками государствах продолжала кочевать, несмотря на то что большинство народа было уже оседлым и земледельческим, а значит феодальный замок был только зимником для хана. Летом из этого укрепленного зимника хан отправлялся в кочевку. Об этом очень красочно писал в середине X в. один из последних хазарских каганов — Иосиф. Он сообщал, что каган в апреле выходит из города, в котором живет зимой, и отправляется в кочевку вокруг своего владения по определенному маршруту [31]. Характерно, что его поля, сады и виноградники, о которых он писал, находятся в непосредственной близости от его укрепленного зимника. Этим зимником у хазарского кагана был, видимо, замок, вокруг которого разросся город Итиль.

Таким образом, первым вариантом образования степных городов было активное заселение окружавшей замок территории и превращение ее в ремесленный и торговый посад. Происходило это, во-первых, тогда, когда хан — хозяин замка был достаточно могущественным для того, чтобы защитить свою землю и людей, поселившихся на

ней, и, во-вторых, когда замок находился на удобном и оживленном торговом пути, на пересечении путей.

Именно на таком торговом пути и стоял Итиль — столица Хазарского каганата. Судя по описаниям ряда средневековых восточных авторов, неоднократно проанализированных востоковедами и археологами [32], Итиль состоял из двух частей. В одной (западной) жил каган. Она была укреплена мощной стеной, сложенной из кирпича. Мукаддеси добавляет, что это была не стена, а дворец в западной части Итиля. Восточная часть города была расположена на восточном берегу Волги. В ней много церквей, мечетей, синагог, медресе, караван-сараев. В городе были судьи и полиция, поддерживавшие строгий порядок. Особенно существенно то, что в гавани постоянно находились сборщики пошлин с караванов. Пошлины шли в личную казну кагана. Более поздние источники-компиляции указывают, что в каганской части города наряду с приближенными жило и большое количество простого люда — ремесленников и купцов. Это вполне вероятно — по мере разрастания усадьбы кагана в ней селились ремесленники, обслуживавшие лично кагана и его двор, причем нередко это были особо искусные и даже приезжие (иноземные) ремесленники. То же можно сказать и о купцах, торговавших от лица кагана, которому необходимо было продать огромное количество собранных в виде дани и податей мехов, рыбьего клея, захваченных пленных и т. д.

Весьма характерна была планировка этого степного большого города. Мы уже говорили, что поблизости от дворца располагались каганские сады и пашни. Они-то, вероятно, и заселялись постепенно ремесленно-торговым людом. Нам важно отметить факт расположения у дворца приусадебной территории потому, что все население города селилось в нем по этому же «усадебному» принципу. Это значит, что постройки располагались не улицами и кварталами, что считается характерным признаком любого города, а разбросанными на огромной площади «гнездами»—усадьбами, окруженными большими дворами и садами. В этом — одна из специфических особенностей города, заселявшегося в значительной степени оседавшими кочевниками, т. е. кочевнического города. Усадебная разбросанная планировка была типична для больших кочевнических стойбищ. Она была прослежена нами и на приазовских стойбищах, и на вполне оседлом Маяцком поселении, окружавшем замок [33]. Интересно, что нет улич-

ной планировки и в древней болгарской столице Плиске. Так, в так называемом Внутреннем городе, в центре которого стоял ханский дворец, жилища с небольшими двориками разбросаны беспорядочно [34]. Однако планировка каменных сооружений этого города также подчинена определенным кочевническим правилам: три концентрических прямоугольника с дворцом в центре [35]. Именно так планировали свои стойбища кочевники.

Археологически выявлены кочевые аилы, ставившие юрты по кругу и загонявшие на центральную площадь скот-молодняк или же ставившие на ней юрту главы аила [36]. Вполне возможно, что каждая городская семья внутри «гнезда» следовала древнему правилу планировки по кругу.

Другой существенной особенностью кочевнического города были типы жилищ.

Арабские источники в рассказах о хазарских городах подчеркивают, что в них преобладающим типом жилищ являются «палатки», т. е. юрты. Кроме юрт, были характерны жилища из дерева с «горбатыми кровлями», т. е., видимо, двускатными крышами [37]. Оба эти типа хорошо известны археологам: и основания юрт и полуземляночные основания двускатных жилищ исследованы достаточно полно [38]. Юрты были не только любимым и традиционным жилищем, но и чрезвычайно удобным. Интересно, что даже земледельческие народы, общавшиеся с кочевниками, нередко высоко ценили юрты. Китайский поэт в VIII в. с восторгом писал о юрте, в которой жил в своем городе зимой [39]. Юрта стояла у него во дворе. Именно так — во дворах ставились юрты в большом монгольском городе XIV в. Сарае, что прослежено экспедицией Г. А. Федорова-Давыдова, работавшей на Царевском городище [40].

Вторым вариантом образования степного города является разрастание его около какой-либо пограничной крепости. Примером может служить Саркел. Известно, что крепость Саркел была построена в 30-е годы IX в. византийским инженером Петроной. Во всяком случае Петрона наблюдал за строительством и дал ряд дельных советов в частности об изготовлении на местном сырье кирпича, из которого были сложены стены крепости [41]. Крепость была поставлена на северо-западной границе домена хазарского кагана, который и обратился к византийскому императору с просьбой помочь ему выстроить там это укрепление. Предназначена она была прежде всего для охраны домена от нападений венгров, которые в это время

пытались захватить главенство над всем населением восточноевропейских степей. Первоначально крепость не была заселена гражданским населением, вернее его было очень мало: только обслуга гарнизона. Гарнизон состоял из группы кочевников: печенегов, гузов или самих хазар, а обслуга была набрана из местного древнеболгарского населения, к тому времени ставшего уже вполне оседлым.

Прямоугольная небольшая крепость (186 × 126 м) была поставлена на искусственном острове, образованном рвом с проточной водой. Внутри она была разделена на две почти равные части мощной стеной с одними небольшими воротцами, соединявшими обе части между собой. Видимо, юго-восточная часть, не имевшая наружных выходов, была цитаделью. В ней стоял донжон и жил гарнизон [42].

Однако очень скоро после постройки вся территория крепости стала заселяться в основном ремесленным и торговым людом. Жилища ставились очень плотно — жители стремились жить внутри крепости, под охраной стен. Только позднее они заселили площадку между рвом и стеной перед главными воротами, сосредоточив там все огнеопасные ремесла (в частности, кузнечное). Несмотря на тесноту, жители ставили дома не кварталами, что было бы много выгоднее для экономии площади, а беспорядочно — традиция сохранялась даже при почти полной невозможности ее соблюсти. Дома также были двух типов: юрты и полуземлянки с двускатными кровлями.

Крепость превратилась в городок по двум причинам. Во-первых, она встала на границе с кочевнической степью, которая нуждалась в произведениях более искусных ремесленников, чем домашние мастера, работавшие на стойбищах. И, во-вторых, она стояла на бойком месте — на пересечении двух торговых путей: речного — из Крыма в Итиль и далее — в Хорезм и обратно и сухопутного — из Закавказья и Арабского Халифата на север — к славянам и на Русь. Город так активно рос как торговый центр, что пришлось дополнительно огородить валом и рвом большую площадь (700 × 250 м). Интересно, что площадь эта не заселялась. Видимо, она служила караван-сараем и базаром, на котором торговали и горожане, и приезжие купцы.

Таким образом своеобразие города, выросшего на основе пограничной крепости, заключалось в ограниченности заселяемого пространства (стенами и укреплениями крепости) и связанной с этим теснотой в расположении жилых и хозяйственных сооружений. Последними служили

глубокие ямы-погреба, окружавшие каждое жилище и занимавшие в широтном отношении максимально малое место.

Третьим вариантом образования степного города могут служить монгольские города. В степи на берегу реки на ничем не ограниченной площади ставились разнообразные домики, скомпанованные в усадьбы, а иногда в усадьбы и в составленные из них кварталы. Различные общественные постройки, дома, планировка — все отличалось необычайным разнообразием [43]. Это понятно — жителей сгоняли из самых различных земель, самих монголов здесь было немного. Таким образом как вся культура монголов того времени, так и их города отличались ярко выраженным, ничем не снивелированным синкретизмом. Общее между всеми ними была только большая площадь, занятая разбросанными кварталами и усадьбами, и отсутствие укреплений, что, как известно, объясняется вполне продуманной политикой монгольских ханов: ни один из городов не мог закрыть ворота и защитить себя от самодурства монгольских управителей.

Большая часть кочевнических городов, вернее городов в полукочевых государствах евразийских степей, возникала на развалинах старых городов, разрушенных этими же кочевниками в период нашествия. Как сказано выше, такие города начинали первыми восстанавливаться еще тогда, когда кочевники переходили на вторую стадию кочевания. Однако расцвет этих городов начинался только с образования полукочевого государства и включения их в орбиту этого государства. Восстановление их в значительной степени производилось оставшимся в живых населением, хотя, несомненно, в этих городах селились и осевшие, занимавшиеся ремеслами и торговлей кочевники, а также богатые аристократы, выполнявшие административные функции тудунов (управителей), сборщиков налогов, судей.

Характерными примерами таких восстановленных городов являются Фанагория и Гермонасса, получившая в отличие от Фанагории новое имя — Таматарха. Оба города буквально расцвели после гуннского разгрома в хазарское время — в VIII—IX вв., а Таматарха и в X в. Особенно оживленной в них была торговля с Византией. Основным отличием этих городов от степных является квартальная и уличная планировка. Нередко просто восстанавливались старые кварталы, но чаще строили заново, мостили улицы, переулки и дворики битой керамикой,

щебнем и черепицей. Интересно, что в двориках по горло врывали громадные пифосы, напоминавшие ямы-погреба в Саркеле; они занимали мало места, вмещая при этом очень большие запасы. Квартальная планировка заставляла селиться скученно, дворики при домах были крошечные. Естественно, что не только планировка, но и сами домики резко отличались от тех, которые ставились в степных городах — все они были наземные, с каменными стенами или каменными цоколями и глиняными стенами на деревянном каркасе. Дворик примыкал к дому, был его частью, только без крыши. В целом домики представляли собой несомненное перерождение древних античных строительных традиций.

Следует сказать, что восстанавливались, конечно, только нужные новым хозяевам города: портовые, связывавшие государство с мировыми цивилизациями и ремесленные центры. Интересна судьба хазарского Итиля. После взятия его Святославом Игоревичем он неоднократно подвергался разгромам со стороны печенегов и гузов, но в половецкое время был восстановлен и получил название Саксин [44] и стал связующим звеном двух частей Дешт-и-Кипчак (Половецкой степи) — западной (южнорусской) и приуральской. Население его было в основном хазаро-болгарским, жили там и половцы и все вместе они именовались половцами-саксинами. Город захирел только в монгольское время, когда рядом с ним начали стремительно расти новые огромные и богатые золотоордынские столицы.

[1] Об этом в первую очередь свидетельствует вышедший в 1981 г. том «Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья», в котором приведена обширная библиография по этой проблеме.

[2] *Кляшторный С. Г.* Древние города Монголии // Древние города: Материалы к Всесоюз. конф. «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья» (Пянджикент, октябрь 1977 г.): Тез. докл. Л., 1977.

[3] *Плетнева С. А.* Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982.

[4] Там же. С. 127—145.

[5] См.: *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949.

[6] *Шелов Д. Б.* Танаис и нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972. С. 299—336.

[7] *Аммиан Марцеллин.* История / Пер. с латин. Ю. Кулаковского. Киев. 1908. Вып. 3. С. 236—243.

[8] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Вильгельма Рубрука. М., 1957. С. 101.

[9] *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА, 1968. № 62. С. 213—214.

[10] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Пер. с греч.

Г. Г. Литаврина // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 297.

[11] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура) // МИА. 1967. № 142. С. 189.

[12] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам, с. 48; *Она же.* Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска — Преслав. Вып. 2. София, 1981. С. 14—17.

[13] *Макарова Т. И.* Средневековый Корчев // КСИА. 1965. Вып. 104. С. 76; *Плетнева С. А.* Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963. С. 68.

[14] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 298.

[15] *Макарова Т. И.* Средневековый Корчев. С. 76.

[16] ПСРЛ, II. стб. 206.

[17] ПСРЛ, II. стб. 266, 284.

[18] ПСРЛ, I, с. 120.

[19] ПСРЛ, II, стб. 284.

[20] *Артамонов М. И.* Саркел—Белая Вежа // МИА. 1958. № 62. С. 82—84.

[21] *Артамонова О. А.* Могильник Саркела—Белой Вежи // МИА, 1963. № 109. С. 102—106.

[22] *Плетнева С. А.* Кочевнический могильник Саркела—Белой Вежи // МИА. 1963. № 109.

[23] *Плетнева С. А.* Керамика Саркела—Белой Вежи // МИА. 1959. № 75. С. 261—271.

[24] *Артамонов М. И.* Саркел—Белая Вежа // МИА. 1958. № 62.

[25] *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния // САИ. Е4—2. М., 1974. С. 14—16.

[26] *Плетнева С. А.* Средневековая керамика Таманского городища. С. 71.

[27] *Кляшторный С. Г.* Древние города Монголии. С. 64—65.

[28] *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. М., 1960. С. 101.

[29] *Мавродинов Н.* Старобългарското изкуство. София. 1969. С. 36.

[30] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. С. 25—44.

[31] *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 85—87.

[32] *Якубовский А. Ю.* К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар в IX—XII вв. // СА. 1948. X; *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962. С. 385—400; *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX—X вв. М., 1962. С. 167—202.

[33] *Плетнева С. А.* Маяцкое городище // Маяцкое городище. М., 1984, с. 11, 17. (Тр. Советско-болгаро-венгерской экспедиции).

[34] Раскопки во Внутреннем городе Плиски велись советским отрядом в 1977—1981 гг. В них нами была прослежена стабильная усадебная планировка.

[35] *Ваклинов Станчо.* Формиране на старобългарската култура. София, 1977, с. 87, 107.

[36] *Плетнева С. А.* О построении кочевнического лагеря — вежи // СА. 1964. № 3; *Красильников К. И.* Возникновение оседлости у праболгар Среднедонечья // СА, 1981. № 4.

[37] *Заходер Б. Н.* Каспийский свод. . . С. 179, 201—202.

[38] *Винников А. З.* Жилые и хозяйственные постройки Маяцкого селища // Маяцкое городище. М., 1984. С. 95—135.

[39] *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М., 1967. С. 72—73.

[40] *Федоров-Давыдов Г. А., Вайнер И. С., Мухамадиев А. Г.* Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959—1966 гг. / Поволжье в средние века. М., 1970. С. 114—155. Рис. 12, 15.

[41] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 301.
[42] *Артамонов М. И.* Саркел—Белая Вежа. С. 11—18; *Раппопорт П. А.* Крепостные сооружения Саркела // МИА, 1959. № 75.
[43] *Егоров В. Л.* Жилища Нового Сарая (по материалам исследований 1959—1965 гг.) // Поволжье в средние века. М., 1970.
[44] *Артамонов М. И.* История хазар, с. 445.

Я. В. Чеснов

ОБРАЗ ГОРОДА, ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ЭТНОС В ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Исследователь малоизученной страны или региона сталкивается прежде всего со своеобразием предстающих перед ним явлений. Можно сказать, что генерализация такой специфики для историка составляет первую часть исследования — то, что называется постановкой проблемы. Очевидно, что следующие необходимые этапы, ведущие к решению проблемы, будут заключаться в установлении каких-то общеисторических закономерностей. Относительно обширного региона Юго-Восточной Азии такая проблематика, как становление и роль города в раннеклассовый период, по существу еще не достигла даже этапа выделения ряда специфически характерных черт явления. Предлагаемое сообщение поэтому едва ли претендует на уровень даже постановки вопроса, это скорее несколько наблюдений, касающихся предварительного осмысления темы.

Существует длительная традиция экономического подхода к городу, сложению которой в сильной мере способствовали труды М. Вебера. Точнее говоря, подход Вебера был перенесением конкретно-исторических капиталистических рыночных отношений на явление в целом. Он считал возможным говорить о городе тогда, когда его население удовлетворяло существенную часть своего ежедневного экономического спроса на местном рынке, притом предметами, производимыми на месте. Чисто эмпирически Веберу приходилось допускать существование города на основе политико-административных отношений [1]. Итак, Вебером были подчеркнуты основные функции города: производственные, торговые и административные, которые можно было бы дополнить военными, культовыми, рекреативными и эстетическими. Но данные функции города составляют

в сущности его воздействие на разные стороны действительности (экономику, политику, военное дело, управление, религию и т. д.). Такие подходы с разных сторон, какими бы глубокими они не были, не могут вскрыть содержание самого понятия. Очевидно, что в стремлении раскрыть содержание понятия «город» мы должны искать специфическую функцию, которая не связывает город с другими явлениями, а, напротив, обособляет, обеспечивая данному явлению его автономность и устойчивость.

Можно представить специфическую функцию города в виде механизма, порождающего структурообразующий признак и таким образом перевести проблему полностью в план современного структурно-функционального анализа. Но дело в том, что решение проблемы содержания понятия города и в этом случае остается еще далеким. Ясно, что структурообразующие признаки города в разные исторические эпохи и в разных локальных цивилизациях будут сильно отличаться друг от друга. Теории последних лет, обращающие внимание на целый спектр признаков (наличие письменности, монументальной архитектуры, ремесленников, демографическое давление, классов, армии) обладают теми же недостатками структурно-функционального подхода. Их ограниченность на ближневосточном материале была убедительно показана Меллартом [2]. Основной недостаток таких теорий — неисторичность.

Предлагая в данной работе конкретно-исторический подход к проблеме становления города, мы не можем давать всестороннее обоснование этого подхода. Остановимся лишь на необходимых пояснениях своих отправных пунктов. Будучи территориально-поселенческой единицей, город всегда противопоставляется деревне [3]. В этом случае город вводится в ранг типологической категории, взаимосвязанной с другой, а содержание этой категории конституируется образом жизни, качественно отличным от деревенского. Представленное понимание города основывается на очень узкой исторической базе западноевропейского капиталистического города, вступившего, действительно, в резкие противоречия с деревенской периферией. Такие тенденции были свойственны более широкой средиземноморской традиции и то не всегда. В эллинистическое время различия между городом и деревней были сглажены, возникла масса рустифицированных поселений, где образ жизни приближался к деревенскому. Уже это говорит о необходимости видеть в типологически воспринимаемых городе и деревне не просто особые образы жизни, а некие

ценности, к которым люди стремятся сознательно. В отношении города мы можем говорить о существовании его образа, эмоционально окрашенной идеи, которая рационально не постигается до конца. Город вместе со своим образом входит во всю систему исторических и локальных ценностей. И здесь уже возникает вопрос о локальной цивилизации.

Образ города скрывает в себе всю систему ценностей данной цивилизации. Вместе с нею город разделяет общие противоречия и идеалы. Он становится самим собой только в условиях своей цивилизации и только с ее санкций. Город может быть на девять десятых состоящим из земледельческого населения и оставаться городом. В нем могут не жить ремесленники и торговцы — и все равно он будет городом. Образ города для его создателей компенсирует отсутствие тех его членов, которых ему явно не хватает с научной и системной точки зрения. Итак, город — это своеобразная парадигма, общепринятая идея, которая начинает жить не только в качестве результата процесса, но и в качестве его материального фактора. Становясь таким фактором, город аккумулирует и те функции, которые ему первоначально не были свойственны. В разных регионах мира мы наблюдаем, как город, будучи в начале административно-политическим или военным центром, становится затем центром ремесла и торговли.

Образ города рождается с интенсивным освоением местности и появлением оседлых поселений. Уже привычно проблему появления ранних городов относить к археологической эпохе неолита, связывая ее с возникновением производящего хозяйства. Но известно, что оседлые поселения появлялись еще в верхнем палеолите. И мы можем уже предположить, что представление о пространстве создателей таких поселений было не только охотничье-маршрутным, как это предполагает А. Леруа-Гуран, но и концентрическим, аналогичным концентрическому пространству земледельческих общин. За наличие в палеолите такого восприятия пространства говорит погребальный обряд и появление кладбищ. В этих случаях создавался земной полюс вертикальной оси, уходящий в космос. Захоронения недвусмысленно свидетельствуют о сакрализации территории, что предполагает к ней особое отношение в отличие от пространства охотничьих территорий. С сакральностью места неразрывно связана его ритуальная запретность, которая выражается в периодичности доступа туда и ограничении имеющих на это права.

Существует большой этнографический материал об институте мужских «домов» и «союзах», которые строятся именно на таких основаниях. Отметим, что мужские дома бывают всегда локализованы вне деревни. Они создаются взрослым мужским населением, прошедшим обряды посвящений. Мужской дом выступает организатором охотничьих и военных экспедиций. Для деревни мужской дом всегда как бы запретный город, который от нее резко отделен, привлекателен и является источником импульсов охотничьей, военно-оборонительной и культовой деятельности. То, что функции мужского дома (союза) исторически соотнесены с функциями города, показывает история Спарты. Обращение к институту мужского дома подкрепляет соображения, уже высказанные Мамфордом [4] и Меллартом [5] о палеолитических истоках города. Все говорит за то, что образ города, включавший представление о сакральности территории, уже замерцал в сознании палеолитического охотника. Несомненно, образ складывался как эмоционально воспринятое вычленение территории города из окружающего пространства. Но в этом вычленении заключалось уже всеобщее отношение к пространству, охват всех сакральных и профанных локусов, всеобщее отношение к пространству земли и космоса.

Ретроспективный анализ показывает также, что нециклическое, линейное восприятие времени уходит тоже далеко в глубь истории. Город всегда был носителем измеренного, линейного и абстрагированного времени, отличающегося от деревенского времени, циклического, основанного на смене дней и сезонов. Линейность городского времени задана точкой отсчета — моментом легендарного или реального основания города. С линейностью времени в городе сопряжен динамический образ жизни и надежды его обитателей на улучшение положения. Своеобразный житейский эволюционизм горожан, прохождение ими этапов личной жизни довольно близки к судьбе индивида, вступающего в мужской дом и достигающего через ряд посвящений высших рангов. Для предположения о палеолитических обрядах посвящения юношей есть достаточные основания.

Нас не должно удивлять, что образ города имеет столь давнюю историю. Ведь в этом образе воплощены основные представления о жизни и смерти человека, об ориентации в пространстве и времени. Образ города соответствует глубоким потребностям человека и осмыслению им мира и своего места в нем. Образ города — источник огромных

творческих потенций. В городе человек сумел через локальные территориально-целостные структуры приблизиться к всеобщности. Поэтому быт замкнутых деревенских земледельческих общин («локальных микрокосмов», по К. Марксу [6]) представляется антиподом не только образу жизни развитых городских центров, но и быту палеолитических охотников, более динамическому и более открытому.

«Вечный город» — одна из метафор образа города и ее справедливость только подчеркивается обнаружением того факта, что образ города создавался на протяжении чуть ли не всего существования человечества.

Образ города всегда индивидуален и неповторим. Но можно хотя бы схематично наметить моменты, из которых он складывается. К их числу обычно относятся:

1. Представление о первоначале города. Оно мыслится как деятельность основателя в конкретном ландшафте в дружеском или враждебном контакте со сверхъестественными силами.

2. Этот ландшафт орошается обычно рекой или имеет какой-либо водный бассейн.

3. В число сверхъестественных сил входит какая-то необычная женщина или хтонические существа женской природы (змеи, дракон).

4. Часто город понимается как космогоническая модель, сакрализующая земное пространство.

5. Город источник разнообразных знаний, в том числе и тех, которые не требуют сиюминутных приложений. (Знаний «космического» масштаба о мире и жизни вообще). Город это «большая традиция».

6. Как «большая традиция» город широко раздвигает рамки времени, которые в отличие от циклического времени деревенской «малой традиции» в конце концов ломаются и превращаются в линию направленного времени, начинающего отсчет от деятельности основателя.

7. Человек в городе разнообразно отождествляется с этим основателем, чем достигается единство высоко ритуализованного поведения и раскованности, свободы.

8. Независимо от частности занятий и социальной стратификации город воспринимается как возврат к естественной человеческой свободе. (Это чувство особенно примечательно, так как условия ранних городов были дискомфортны и крайне антигигиеничны). В городе человек приобщается к «большой традиции» благодаря участию

в разделении труда, в обрядах «возвращения», знанию письменности. Здесь он ощущает себя гражданином мира.

Город стоит гораздо ближе к естественному образу жизни человека, существа социального, чем деревенский образ жизни, если он ограничен самодовлеющей общиной. Поэтому образ города оказывается привлекателен для масс населения, даже в городе не живущих. Воздух города, который делает свободным, притягивает мигрантов из сельской местности. Город оказывается не только результатом цивилизации, но и ее фактором развития.

Если цивилизация — вся сумма к внешней среде приспособительных средств, служащих обеспечению устойчивого существования классового общества, а образ города — идеал, то практической реализацией этого образа в условиях данной среды будет городской образ жизни. Образ жизни указывает на форму жизнедеятельности индивидумов, составляющих общество, вычленяет ту сферу трудовой, общественной и личной жизни, которая обеспечивает основные витальные и духовные потребности человека. В образ жизни входят условия труда и быта, формы потребления, гигиены и отдыха, виды и форма удовлетворения познавательных и эстетических потребностей людей. Удовлетворение этих потребностей в условиях реализации образа города можно охарактеризовать термином урбанистичность. Заметим при этом, что урбанистичность в Индокитае оказалась столь широким явлением, что охватила не только собственно город, но и жизнь стабильных общин рисоводов, тысячелетиями практикующих заливное пашенное земледелие.

В Индокитае представление о неоднородном, качественно различающемся пространстве было не только древнейшим, как и в других районах мира, но и особенно устойчивым, которое разнообразно актуализируется вплоть до настоящего времени. Здесь мы должны коснуться одного из важнейших мифов Индокитая, характеризующих представление о пространстве — мифа о чудесном мече. Он существует в разных вариантах [7]. Миф связан с настоящим мечом, являющимся палладиумом кхмерского государства по крайней мере с IX в., когда король Джайяварман II (802—869), основатель Ангкорской империи, завещал почитать священный меч Прах Кхан. Очевидно, еще более древняя версия связана с мечом теократического правителя Хозяина огня у индонезийского по языку народа джараев (зяжай), расселенного в Кампучии и Вьетнаме. Существовал обряд, по которому ежегодно

король Кампучии должен был посылать Хозяину богатые ткани для завертывания священного меча. По другим данным король каждые три года должен был посылать ткани Хозяину огня для меча и Хозяину воды (другой теократический правитель джараев) для завертывания священной лианы ротанга. По этой версии, распространенной у джараев, они обладают мечом, а кампучийцы ножнами меча. У банаров, горного монкхмерского народа Центрального Вьетнама, клинком меча владеют жители равнин (вьеты), у горцев осталась рукоять. Разные версии мифа о мече охватывают большое число народов Восточного Индокитая и прослеживаются в глубь истории к первым векам нашей эры, т. е. к эпохе становления государственности у равнинных и горных народов данной территории. Миф о мече, касающийся начала государственности, характеризует ее как процесс, протекавший примерно в одно время на пространстве всего Индокитая с включением в него малых и больших народов [8]. Типологическая черта цивилизаций Индокитая — отсутствие на ранних стадиях государственности первобытной периферии. Первобытность в ту эпоху не была неким материком, размываемым волнами раннеклассового общества. Скорее ее можно представить как островки специализации в потоке развития.

Важнейшая черта цивилизаций Индокитая — этнокультурные системы. Они возникли в условиях адаптации целых этносов к специфическим ландшафтно-экологическим условиям. Так, вьеты тысячелетиями практически не выселялись с низменностей и воспринимали высоту больше 25 м над уровнем моря чуть ли не как горную. К таким же равнинным условиям были адаптированы моны, кхмеры, бирманцы, сиамцы и частично другие тайские народы. Эти народы практикуют развитое заливное рисосеяние. Многочисленную по составу категорию образуют так называемые «горцы», занимающиеся в лесах подсечно-огневым земледелием. Особую категорию представляют народы джунглей вроде мрабри в Таиланде, руи во Вьетнаме, специализировавшихся на лесной охоте и собирательстве, а также морские кочевники селуны и джакуны Бирмы и Таиланда. Между народами этих трех категорий веками существовали отношения торгового обмена и социального и культового партнерства. Последнее выражалось в том, что народы-аборигены (монкхмеры или индонезийцы) для народов-мигрантов (особенно таиязычных) выступали в роли ритуальных владельцев земли, которые периоди-

чески на специальном обряде передавали пришельцам права на землю вместе с защитой ее духами-хранителями.

Этнокультурные системы начали складываться в Индокитае с эпохи становления производящего хозяйства на основе территориального разделения труда. Специализация на использовании уникальных ресурсов была свойственна по крайней мере эпохе неолита, о чем свидетельствует мастерская по изготовлению орудий в Донгкхое на Севере Вьетнама [9]. Открытие во Вьетнаме поздненеолитической культуры фунгнгуен показало, что в ту эпоху низменность была интенсивно освоена и пронизана сетью экономических связей. Особенно важно открытие на севере Вьетнама поздненеолитических и раннебронзовых культур. Культурой первостепенного значения, стоящей на стыке этих периодов, является культура фунгнген. Она расположена на территории провинций Футхо, Хатау и Виньфу, т. е. в районе исторической вьетнамской традиции, считающейся древнейшим очагом вьетнамского этноса, культуры и государства. Культура фунгнген датирована по радиокарбону III—II тысячелетиями до н. э. Экономика фунгнгуен была основана на орошаемом рисоводстве и животноводстве с разведением крупного рогатого скота, свиней, кур. Судя по всему фунгнгуен представляет собой раннюю стадию знаменитой донгшонской культуры эпох бронзы и железа, расцвет которой падает на IV в. до н. э.—I в. н. э.

Для нашей темы важна находка в одном из центров этой культуры — в Донгдау сосредоточения каменных литейных форм. Возможность нахождения в Донгдау специализированного центра металлообработки подтверждает существование стадиально более ранней мастерской по обработке камня в Донгкхой и керамических центров Гобонг, Гомун и Тхиеудыонг, близких по времени к Донгдау (начало II тысячелетия до н. э.). Можно с полным правом предполагать, что названные центры нуждались в поставках зерна. Вьетнамские археологи закономерно усматривают в фунгнгуен наличие рыночных связей [10].

В протовьетской столице Лоатхань было найдено хранилище бронзовых орудий, включая сошники или наконечники лопат.

Центр давно известной донгшонской культуры поздней бронзы (IV в. до н. э.—I в. н. э.) находился на севере Вьетнама в пров. Тханьхоа). Ей принадлежат могильники Донгшон и Тхиеузыонг с богатым бронзовым инвентарем, включающим уникальные бронзовые барабаны. Характерно, что донгшонские изделия имели широкий ареал

распространения, достигая Таиланда и Бирмы, Индонезии и даже Новой Гвинеи.

Это говорит о функционировании уже в фунгнгуене и донгшоне этнокультурной системы, объединявшей предков вьетов и окружающее горное население.

В силу районно-экологической и даже этнической специализации в Индокитае тысячелетиями не могло сложиться развитых ремесленническо-торговых сословий. В Кампучии эту роль выполнял народ куи — поставщики оружия для армии монарха, народ пол — сборщики ценных лесных продуктов (кардамона и др.). В то же время в этих странах мы встречаем сосредоточение ремесленного производства, конечно, престижного, в руках аристократии, как, например, это имело место у шанов Бирмы. Становится понятным значение ранних поселений индийцев, а затем китайцев в Индокитае. Они находили для себя готовую социально-культурную нишу. Такому характеру разделения труда способствовали условия обитания в замкнутых рисопроизводящих долинах, где редко складывалось преобладание какого-либо одного населенного пункта, превращающегося в город.

На ранних этапах истории, но уже после возникновения интенсивной рисоводческой культуры, техники обработки бронзы и железа, очевидно, ритуальный городской центр, судя по археологическим данным, отсутствовал. Ритуальные функции, связанные с культом предков, выполнялись преимущественно на местах захоронений умерших. Очевидно также, что первоначально в западном и центральном Индокитае развитие форм экономической, общественно-политической жизни также протекало без городских поселений.

Дихотомия населения приморских низменностей или речных долин и населения лесистых гор, будучи основанной на разделении труда, выразилась и в различии образа жизни. Причем быт мигрирующих деревень горцев, ведущих подсечно-огневое хозяйство, коренным образом отличался от постоянных поселений народов равнины. В таком ряду типологического противопоставления быт оседлых рисоводов в их стабильных деревнях, объединенных очень рано централизованной властью, стал восприниматься обеими сторонами как городской. Это нашло себе выражение в том, что в конце концов горные соседи вьетов стали называть последних этнонимом кинь, что означает «горожане». Это не исключительное явление в Индокитае. В Бирме сходным образом плодородная долина Кентуна

на северо-востоке страны, населенная тайской по языку народностью кхюнов, получила название «32 города кхюнов» [11]. Причина таких явлений, свойственных в принципе каждой из стран Индокитая, лежит в воззрении горцев о том, что их быт представляет собой частность, неполноту по отношению ко всеобщности и полноте быта соседнего равнинного народа, образ жизни которого рассматривается обеими сторонами как городской (со стороны горцев даже в большей мере). Распространение в Индокитае подобных представлений заставляет нас внимательнее присмотреться к быту оседлых равнинных рисоводов.

Поселения оседлых рисоводов во всей Юго-Восточной Азии отличаются стабильностью в течение столетий и большими размерами. В их экономическую структуру органически вплетено профессиональное ремесло. В селениях традиционно выражено локальное разделение труда, способствующее межобщинному обмену. Потребности земледельческих селений в рыбных продуктах, дающих с рисом полноценное питание, а также в соли создали во всех странах региона широкую торговую сеть, которая особенно хорошо функционировала с древности благодаря обилию транспортных путей по воде. Характерна при этом, например, пищевая модель сиамских крестьян, которая в значительной мере состоит из продуктов, приобретаемых у торговцев-лодочников. Вообще пищевые традиции бирманцев, сиамцев, кхмеров и вьетов обнаруживают чрезвычайную сложность и изысканность, что свойственно урбанистичности [12]. Немаловажен также психический склад, особенно сиамцев и вьетнамцев (последних называют «французами Азии»), в котором выражены черты урбанистической психологии с ее открытостью, вежливостью и «искусством жить». В религиозно-обрядовой жизни отметим наличие почти у всех крупных народов Индокитая локального культа, направленного на местного духа-покровителя или божество, с которым себя идентифицирует население деревни. Таким духом часто является погибший герой. Отметим также большое общественное значение деревенского храма-диня во Вьетнаме, постройки— сала в Кампучии и буддийских монастырей в Индокитае, которые выполняют роль места сосредоточения светской деятельности мужской части населения, места, где слушают радио и обмениваются новостями из газет. Особый отсвет на всю проблему урбанистичности в Индокитае дает древняя традиция письменности и доступность ее через монашество широким слоям населения.

В том же направлении действовали конфуцианские школы во Вьетнаме. Представления о роли письменности в материковой Юго-Восточной Азии оказались столь свойственны мировоззрению разных народов, что даже у охотников-собирателей мы встречаем миф о якобы известном им прежде, но утраченном умении читать и писать.

Все факты говорят о том, что исторически в Индокитае дихотоническое противопоставление города и деревни оказалось замененным на противопоставление обитателей равнин и горцев. Носители хозяйственно-культурного типа равнинных рисоводов тропиков и субтропиков в силу прочной оседлости своих поселений и других причин очень рано развили существенные черты городского образа жизни.

Проблема урбанистичности в Индокитае хорошо освещается историей тайских государств, возникших к XIII в. на основе племенных союзов. Начиная с первых веков нашей эры и до кульминационного XIII в. волны тайских мигрантов распространялись с севера Индокитая на юг по большим долинам рек по равнинам. Хозяйственно-экономической основой мигрантов была рисоводческая культура не только в равнинном, но и в горном подсечно-огневом варианте. Можно сказать, что тайские поселенцы обобщили весь опыт хозяйственно-культурного освоения среды, накопленный более древним населением Индокитая. Адаптивная хозяйственная база обеспечила тайским народам их общественную и культурную пластичность, очевидно, создав предпосылки знаменитой «рыхлой структуры», проблемы которой уже более трех десятилетий активно обсуждаются учеными [13]. В тайских обществах оседлых рисоводов вопрос образования поселения городского типа решался не в плане противоречия между городом и деревней, а напротив — в плане их сосуществования. Об этом прямо говорят исторические факты. Например, решение о строительстве города-столицы Чиенгмая (на севере современного Таиланда) правитель Менграй должен был принять не единолично, а совместно со старостами деревень [14]. И это не случайный факт, ибо в данном случае была осуществлена лишь традиция, идущая от более древних мон-кхмерских обществ рисоводов, у которых город не противостоял общине, а сам выступал как община, только в силу политических, экономических и культовых обстоятельств возвысившийся над другими общинами.

Мы должны только отметить, что у тайских народов, позднее относительно мон-кхмеров появившихся в Индокитае, их раннеклассовые структуры более четко выражали отмеченный принцип единства деревни и города. У всех тайских народов уже в древности проявилось единое представление о социальном пространстве, в которое оказались включенными как его уровни природа, деревня, район с его центром, государство с его столицей и космос. Эти уровни были равно насыщены экологическим, политическим и религиозным содержанием и образовывали систему, выражением которой можно считать тайский мыонг. Последний представлял собой звено в цепи территориальных образований, во главе которого находилась наследственная аристократия и топография которого была священной во всех точках с концентрацией сакральности вокруг алтаря духа—покровителя мыонга (фимыонга) — колонны, символизирующей центр территории. Эта колонна (лакмыонг) — алтарь фимыонга, становилась «столбом города». Культовые функции мыонга были восприняты буддийскими монастырями, которые становились центрами во вновь осваиваемых территориях.

Не вдаваясь здесь в тонкости местной и индо-буддийской символики, отметим, что в функции правителя мыонга входили обряды актуализации космоса на земле. В силу этого тайские правители должны были первыми начинать обработку земли (мотыгой у малых племен, плугом в государственных обрядах крупных обществ). Такие же обряды существовали в древнем Китае, Японии, Бирме, Вьетнаме и Кампучии, и они демонстрируют, что земледельческие работы мыслились исходящими со стороны правителя, его двора, столицы и достигавшими каждого конкретного поля. Концептуально данный обряд должен десакрализовать почву, находящуюся во владении духа земли.

Приведенные материалы свидетельствуют об отсутствии противопоставления раннеклассового города и деревни. Не случаен в связи с этим тот факт, что в XIX в. кампучийские крестьяне в канун Нового года (13 апреля) по тропам тянулись к скрывавшемуся в лесу Ангкор Вату (буквально «столица, которая стала буддийским монастырем»), чтобы подготовиться там ритуально к началу нового сельскохозяйственного года. Обряды эти были именно крестьянскими, так как состояли не только из церемоний аграрной символики, но и обрядов охотничьих и рыболовческих.

Конечно, эпоха становления городов в раннеклассовых обществах данного региона плохо документирована. Но в тех случаях, когда в наших руках имеются достаточные археологические и письменные свидетельства, мы не можем не отметить удивительно быстрых темпов, с которыми общества Юго-Восточной Азии могли проходить от уровня племен к государству с развитой социальной иерархией и интенсивной городской жизнью. Такой пример дает Паганское государство XI—XIII вв. в Бирме, история которого достаточно хорошо документирована, тем более что в Пагане с XI в. в буддийских монастырях составлялись хроники (факт, сам по себе любопытный, поскольку в Индии, являющейся конечным источником многих воспринятых институтов и письменности, такого явления не было).

Бирманские хроники времен правления царя Анируды основным рубежом в его деятельности, положившей начало мощному Паганскому государству, считают поход 1057 г. против монского государства на юге с центром в Татоне. Таким образом, процесс создания государства при Анируде занял ровно 20 лет, если считать от татонского похода до года смерти самого правителя-основателя. Знаменитый поход состоялся в тот же год, когда Анируда принял буддизм толка Теравада. Результатом успешной войны были получение буддийских сочинений и реликвий и привод тысяч пленных монов, населявших древние приморские государства. Нельзя отрицать роли многочисленных монских строителей, ремесленников, художников и ученых, создавших памятники Пагана, как нельзя отрицать значения экономического подъема в объединенной стране, ведшей оживленную морскую торговлю. Но сам факт взлета небольшого бирманского княжества, располагавшегося в небольшой долине в средней части течения Иравади, показателен, ибо в течение нескольких десятилетий свершились такие события, как консолидация разрозненных бирманских племен, политическое объединение многочисленных народов Бирмы от государства Наньчжао (почти на границах с Тибетом) до низовий Иравади и Ситтанга, создание сложной государственной системы, возникновение бирманской письменности, строительство многих городов, включая великолепную столицу Паган, обширных ирригационных сооружений, многих пагод с изящными фресками, ритуальной утварью и т. д.[15]

Встречается объяснение всего этого фактором завоевания страны монов. Действительно, монские государства

возникли еще в первые века нашей эры в приморских районах, т. е. в зоне распространения интенсивной морской торговли. Но при всем значении монского воздействия паганский феномен имеет, очевидно, особые предпосылки, коренящиеся в урбанистическом характере всех рисоводческих цивилизаций Юго-Восточной Азии.

Рассматривая проблему города в Индокитае, нельзя пройти мимо раннего городского образования, известного под индийским термином «нагара» (город). Нагара в Юго-Восточной Азии — это приморский город-посредник между доклассовыми обществами хинтерланда и мировыми раннефеодальными империями, ведшими в I тысячелетии активную морскую торговлю в районе Юго-Восточной Азии. Показательна роль нагара в ранней истории Кампучии.

В науке существует довольно прочно утвердившееся представление о начале кампучийской истории с мощного государственного образования, возникшего в I—II вв. н. э. и известного нам под китайским названием Фунань. Оно существовало до VI в. н. э., когда его вассальное государство Ченла совершило переворот и само стало сюзереном. В последние годы стало ясно, что Фунань была типичным торговым государством, время от времени распространявшим свое господство на соседние такие же по структуре города типа нагар, число которых почти равно десятку (Амочхапура, Чакчанкарапура, Бхимапура, Тамрапура, Дханвипура, Пурандарапура, Лингапура, Уграпура, Дхрувапура) [16].

Фунань со своим археологически исследованным портом Оккео принадлежали к типу городов-государств, которые обозначаются в науке индо-индонезийским термином «нагара». Такие города возникали в районах интенсивной морской торговли — на юго-востоке Индокитая, в дельте Иравади в Бирме, на Малаккском полуострове и в Индонезии. В этих местах пролегал торговый путь от стран Передней Азии и Индии в Китай. Экономическим центром нагар был морской порт. Археологические раскопки показали, что в дельте Иравади портовые города, принадлежавшие предкам монов, передвигались вслед за береговой линией быстрорастущей дельты. Китайская хроника ярко описывает экономическую жизнь одной из нагар на западном побережье Малайи (город Дуньсунь III в.): «Сюда приходит множество торговцев из разных стран. Здесь встречаются Восток и Запад, и бесчисленное количество

людей бывает ежедневно на базаре. Редкие товары, драгоценные вещи. Нет ничего, что бы не встречалось там» [17].

Нагары возникали на основе прибрежных поселений, жители которых включались в интенсивную морскую торговлю. Их вожди превращались в правителей города-государства. Факт массовой индийской миграции в нагары в последнее время отрицается исследователями. Но тем не менее такие переселения были, как, например, тамильская колония Такуапа на западном побережье Малаккского полуострова. Такой город обносили каменными стенами с башнями и воротами. Центр города занимал, как правило, естественный или искусственный холм со святилищем. Культ представлял собой сплав языческих верований и обрядов с индуизмом или буддизмом. Рядом с храмом находился дворец правителя, жилища знати, дворцовой охраны, государственные зернохранилища. Этот центр был окружен кварталами ремесленников, моряков, торговцев.

Продовольствием нагара обеспечивались благодаря ввозу. Но в некоторых случаях город распространял свою политическую власть на ближайшую округу с ее рисовыми полями.

Правитель города носил обычно индийский громкий титул. Также индийскими терминами обозначались высшие чиновники. Власть опиралась на хорошо вооруженную дворцовую гвардию, имевшую в распоряжении боевых слонов. На местное общество переносили индийское деление — варны. Верхи относились к брахманам и кшатриям. Процветало рабовладение и работорговля.

Административный аппарат нагар не был особенно развит — он не выполняет особых организационно-производственных функций. В этом была слабость этих государственных образований. Фунань господствовала над нагарами Малаккского полуострова лишь благодаря своему флоту. Ченла, захватившая нагару Фунань, положила начало истории собственно кхмерской государственности. Это привело в Кампучии к новому типу государственности, основанному не на участии в торговых операциях, а на эксплуатации земледельческого населения.

С этих пор королевская столица становится важным экономическим центром. В Ангкорский период (IX—XV вв.) государство предпринимает огромные усилия по строительству оросительных систем. Особенностью их были огромные прямоугольные искусственные озера (бареи), которые строились на одной оси с королевским дворцом, чем создавалось представление о королевской

власти как источнике земного плодородия. Характерно, что это строительство стягивало население в столичный ангкорский район в ущерб другим районам страны. Когда с конца XIV в. страна стала подвергаться интенсивным набегам сиамцев и столицу пришлось переносить в восточные районы, территория Ангкора быстро запустела. Кхмерское же государство стало возрождаться уже на другой хозяйственной основе, где большую роль стало играть лесное подсечно-огневое земледелие.

Такие аспекты кампучийской истории дают основание сделать предположение — не было ли участие государства в земледельческом производстве организационно-идеологической формой, дающей право на эксплуатацию земледельцев? Показательно, что во Вьетнаме после подавления одного из крупнейших крестьянских восстаний, известных как тайшоны, закончившегося в 1802 г., перед императорской властью возникла необходимость нового землеустройства. И вопрос сосредоточился прежде всего на роли дамб и каналов. Дамбы, с одной стороны, защищали поля от наводнений, а с другой — лишали поля воды в пору низкого уровня и обрекали их на засуху. Либо нужно было затрачивать большие усилия на подъем воды. В те годы обсуждался даже вопрос об уничтожении дамб. В 1803 г. император Зялонг потребовал провести во всех населенных пунктах обсуждение вопроса о том, полезны или вредны дамбы. В обращении говорилось: «Постарайтесь дать нам ответ, выгодно ли уничтожить дамбы, или, наоборот, сохранить и укрепить их». Император Миньманг, правивший после Зялонга (1820—1841), заявил однажды, что вопрос об уничтожении дамб «не выходит у него из головы ни днем, ни ночью». Император Тыдык (1847—1883) считал дамбы «необдуманным предприятием, которому мы обязаны бесчисленными общественными бедствиями» [18].

Внимание исследователя, обращающегося к первым европейским сообщениям о Юго-Восточной Азии, начиная уже с книги Марко Поло, а особенно при чтении описаний XV—XVII вв. привлекает разнообразная информация об интенсивной торговой и городской жизни тех стран. Но эти центры, будучи включены в систему международных отношений, не противостояли окружавшим их деревням, скорее находились в симбиозе. Говорить о социально-политическом противоречии между городом и деревней в Индокитае можно лишь в одном случае — когда речь идет о периодах феодальных консолидированных империй.

Эти империи опирались на земледельческие производительные силы и поэтому становились в особое отношение к городам. Тогда экономические связи насильственно замыкались на столицу, что препятствовало развитию местных центров. При обычае смены столицы каждым новым королем сложившаяся экономическая сеть должна была каждый раз перестраиваться. Отсюда делается понятным стремление ремесленников и купцов избегать поселения в столице. Их поселения возникали в стороне от крупных центров и морских портов, где государство осуществляло монополии на ресурсы внешней торговли [19]. Но деревня также не впускала ремесленников и купцов на свою территорию. В таких условиях в странах Индокитая развились характерные рынки на воде. Для этих целей использовались паромы и плоты, строились плавучие жилища торговцев, служившие одновременно лавками, функционировала в огромном масштабе подвижная сеть лодок-лавок.

Эти черты быта до сих пор живы во всех странах Юго-Восточной Азии, являясь признаками своеобразия их цивилизаций и представления об образе города.

[1] *Вебер М.* Город. Пг., 1923. С. 8—15.
[2] *Mellaart J.* The origines and development of cities in the Near East / Ed. by L. L. Orlin, the Univ. of Michigan, 1975. P. 7.
[3] *Ахнезер А. С.* Урбанизированная среда и экологическая проблема // Социально-экологические проблемы капиталистического города. М., 1979. С. 45—47; *Яницкий О. Н.* Этапы капиталистической урбанизации и их взаимодействие с окружающей средой // Социально-экологические проблемы капиталистического города. М., 1979. С. 22.
[4] *Mumford L.* City invincible // Ch. Tilly an Urban World, 1974, Boston, Toronto. Little, Brown and Comp., 1974. P. 54—68.
[5] *Mellaart J.* The origines... P. 5—22.
[6] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд. Т. 19. С. 405.
[7] Подробнее см.: *Чеснов Я. В.* Миф о мече и начало государственности в Восточном Индокитае. М., 1970.
[8] *Чеснов Я. В.* Историческая этнография стран Индокитая. М., 1966. С. 58—83.
[9] *Борисковский П. И.* Первобытное прошлое Вьетнама. М.; Л., 1966. С. 122—125.
[10] *Chesnov Y. V.* Ethnocultural history of Southeast Asia as Based on the materials of the 14th Pacific Sciences Congress // Asian Perspectives, 1983. V. 22.
[11] *Heine-Geldern R.* Conceptions of state and kingship in Southeast Asia // Ithaca, Cornell Univ. 1956. Data paper N 18.
[12] *Чеснов Я. В.* Индокитай // Этнография питания народов стран зарубежной Азии. М., 1981. С. 180—210.
[13] *Гордон А. В.* Вопросы типологии крестьянских обществ Азии. М., 1980.
[14] *Ребрикова Н. В.* Таиланд. Социально-экономическая история (XIII—XVIII вв.). М., 1977. С. 84.

[15] *Можейко И. В.* Паганское царство (1044—1287) // И. В. Можейко, А. Н. Узянов. История Бирмы. М., 1973. С. 33—63.
[16] *Jacgues Cl.* «Funan», «Zhenla»: The reality concealed by these chinese views of Indochina // Early Southeast Asia. N. Y., 1979. P. 371—378.
[17] *Козлова М. Г., Седов Л. А., Тюрин В. А.* Типы раннеклассовых государств в Юго-Восточной Азии // Проблемы докапиталистических обществ. М., 1968. С. 523—529; *Берзин Э. О.* История Таиланда (краткий очерк). М., 1973. С. 21—22.
[18] *Шено Ж.* Очерк истории вьетнамского народа. М., 1957. С. 108.
[19] *Деопик Д. В.* Регион Юго-Восточной Азии с древнейших времен до XV в. // Юго-Восточная Азия в мировой истории. М., 1977. С. 45.

Е. Н. Черных

ОТ ДОКЛАССОВЫХ ОБЩЕСТВ К РАННЕКЛАССОВЫМ

(к итогам деятельности Методологического семинара Института археологии АН СССР в 1976—1984 гг.)

Главным в деятельности Методологического семинара Института археологии АН СССР в период 1977—1984 гг.* явилось изучение переходного периода в развитии народов от первобытнообщинного строя к формациям более высокого социального уровня, от обществ доклассовых к раннеклассовым. Данному направлению исследований было посвящено огромное большинство прозвучавших на семинаре докладов, а также выступлений в прениях, где затрагивались различные аспекты указанной темы. Разработка этого направления была обусловлена прежде всего тем, что именно археология в состоянии внести наиболее весомый вклад в разработку данной кардинальной проблемы — одной из основных в методологии исторического материализма.

Общие контуры указанной проблемы и ее принципиальная важность были намечены еще сто лет назад в трудах основоположников марксистской философии [1]. В 1884 г. увидела свет первая публикация произведения Ф. Эн-

* Методологический семинар Института археологии АН СССР функционирует непрерывно с 1957 г.; с 1962 г. им руководит директор ИА АН СССР академик Б. А. Рыбаков. Основные результаты деятельности семинара за период 1957—начало 1976 гг. отражены в специальной статье Ю. С. Гришина и А. А. Масленникова [2], а также в целом ряде публикаций различных авторов. Здесь будет охарактеризован более поздний этап работы семинара.

гельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Именно в ней были впервые сформулированы ведущие положения марксистской философии в отношении наиболее ранних — доклассовых этапов развития человеческих обществ. Одним из основных исторических периодов, привлекавших внимание Ф. Энгельса, стала эпоха распада первобытнообщинных социальных организмов, начала социальной дифференциации в недрах родового строя и формирования антагонистических классов. Это была, по Ф. Энгельсу, высшая ступень варварства, которую он называл также периодом военной демократии.

За эти сто лет науки о древнейшей истории человечества, и прежде всего археология, а также этнография продвинулись далеко вперед. Фонд источников, которыми оперируют эти научные дисциплины, возрос поистине неизмеримо, претерпел изменения понятийный аппарат, изменился и ряд терминов, которыми мы ныне обозначаем различные стадии развития человечества. Осталось вместе с тем главное: генеральный путь развития древнейших культур, намеченный сто лет назад Ф. Энгельсом, выдержал испытание временем. Более того, многие заключения, к которым пришел Ф. Энгельс на основе имевшихся в его распоряжении чрезвычайно фрагментарных материалов, подкрепились целыми сериями открытий; причем открытия эти были сделаны как сторонниками марксистской философии, так и ее явными противниками.

Над проблемами переходного периода от доклассовых обществ к раннеклассовым трудятся ученые различных специальностей — историки, этнографы, правоведы, археологи. Поэтому вполне естественно, что данное направление стало ведущим в деятельности Методологического семинара Института археологии АН СССР. Общая тема, над которой работал все эти годы Методологический семинар, звучала как «Принципы определения времени возникновения классовых обществ на территории СССР». Она подразделялась на ряд более частных тем. Так, в 1977 г. ставилась начатая еще в 1976 г. тема «Миграции и завоевательные походы и их историческая роль». В 1977—1978 гг. — «Проблема «военная демократия»; в 1978—1979 гг. — «Экономика ранних государств»; с 1979 по 1984 г. в основном изучалась тема «Поселения как источник по социально-экономической истории ранних государств. Возникновение городов».

Экономика древних обществ всегда была объектом пристального внимания со стороны советских археологов,

видевших в ней основу внутреннего социального развития самых разнообразных культур. Доклады по этой теме звучали в период и до 1977 г., обсуждал это направление семинар и после указанного времени. Исследование экономики преследовало основную цель показать уровень развития производительных сил; на основе их анализа составить представление о характере производственных отношений, а также политических институтов в конкретных обществах. При этом основное внимание советских археологов было приковано к рубежу, отделявшему общества с присваивающим типом добычи пищевых продуктов — собирательством, охотой и рыболовством, от социальных объединений, строивших свою жизнь на производстве пищевых продуктов — земледелии, скотоводстве. Заметное место уделялось и изучению металлургии, с началом которой связывают зарождение культур и цивилизаций современного типа.

Так, Н. Я. Мерперт в докладе 1979 г. «Экономическое развитие древнейшей Месопотамии»[3] отстаивал мысль, что древнейшая из первичных цивилизаций — Урукская, возникшая во второй половине IV тысячелетия до н. э., сложилась в результате внутренних процессов. Ее формирование не было осложнено воздействиями из более развитых смежных областей. Основу этих процессов составляло экономическое развитие, обусловленное переходом к производящим формам экономики, называемым «неолитической революцией». Последняя и явилась исходным пунктом для сложения цивилизаций. Экономическую базу древнейших месопотамских культур и цивилизаций на всем протяжении их древнейшей истории составляло земледелие, хотя скотоводство также играло заметную роль. Автор выделяет три фазы развития форм производства пищи. Первая из них датируется IX—VIII тысячелетиями до н. э., когда отмечаются первые регулярные попытки доместикации дикорастущих злаков. Более отчетливо детали этого процесса выражены на второй фазе — в VII тысячелетии до н. э., когда происходит одомашнивание мелкого рогатого скота. Хотя в некоторых памятниках (Чайоню-тепеси) уже встречены первые предметы из меди, керамическое производство находится еще в самом зачаточном состоянии. На третьей фазе (конец VII—V тысячелетия до н. э.) эти процессы завершаются.

В докладе Л. Р. Кызласова «Экономика древних кочевых обществ в эпоху становления ранних государств», прочитанном также в 1979 г., рассматривался уже иной,

но столь же широко распространенный хозяйственно-культурный тип социальных объединений. Иными были и хронологические рамки изучавшегося периода. Докладчик считает, что кочевые общества появляются вместе со сложением производящего хозяйства. В Евразии с момента появления этого типа экономики известны лишь две основные формы хозяйствования: 1) земледельческо-скотоводческая и 2) скотоводческо-земледельческая. «Чистых» кочевников практически не наблюдалось; кочевали непрерывно только в экстремальных условиях войны и переселений. Основными средствами производства у таких народов были земля и скот. Наряду с этим отмечались некоторые группы, где основой хозяйства являлось горно-металлургическое дело (тюрки, древние хакассы V—VI вв. и др.). Кочевой уклад скотоводства как форма хозяйственной деятельности человека отличается в классовом обществе от других форм хозяйства наличием единства средств производства и средств потребления, поскольку скот выступает не только как продукт потребления, но и как средство производства. Рост производительных сил привел к появлению прибавочного продукта и вызвал распад первобытнообщинных отношений. В IV—III вв. до н. э. складывается ранняя государственность у скифов, гуннов, саков-кушан и других скотоводческих народов. Тогда же наблюдается резкое имущественное и социальное расслоение. Рост производительных сил, как считает Л. Р. Кызласов, наталкивался на естественный барьер — недостаток пастбищ. Это толкало аристократическую верхушку на путь экспансии и территориальных захватов; последнее в некоторой степени зачастую способствовало снижению классовых противоречий внутри кочевых обществ. У азиатских кочевников наиболее ранней формой государственности являлась феодальная.

Доклад Е. Н. Черных «Социально-экономическая и функциональная дифференциация древних обществ» (1977 г.) касался определения основных функций, присущих любому обществу. Показателем социального развития того или иного социального организма служит степень функциональной дифференциации, возраставшая, как правило, с течением времени. Еще один важнейший критерий этого развития — так называемая степень функциональной «полноты», выражавшейся в наличии или отсутствии или же функциональной представительности в структуре общества каких-либо производств, занятий и т. п. (ряд положений этого будет затронут ниже).

Г. А. Кошеленко в докладе «Экономика и классовая структура античного общества в современной зарубежной литературе» (1979 г.) осветил различные точки зрения буржуазной историографии на одну из узловых исторических проблем, постоянно обсуждаемых в трудах историков и археологов-антиковедов. Он охарактеризовал два основных направления в оценке экономики и классовой структуры древнегреческих полисов — так называемой «примитивистской» и «модернизаторской»; в последнем случае античное общество сравнивалось с современным капиталистическим. Были подвергнуты критическому разбору и работы западных авторов, использовавших некоторые положения марксистской методологии исторического материализма. В частности, это касается стремления некоторых историков преуменьшить значение классовой борьбы между рабами и рабовладельцами в процессе развития античного общества.

Вопросы организационно-политического характера древних обществ ставились в ряде докладов в 1978, 1979 и 1984 гг. Некоторые из них прозвучали в рамках темы о военной демократии.

Доклад Б. А. Рыбакова «Героический эпос в родо-племенном обществе» (1978 г.) затронул отражение исторически реальных событий, сохранившихся в памяти культуры, а также возможности реконструкций характера этого общества на основе героического эпоса. В качестве примера был проанализирован восточнославянский эпос, сохранивший в своих архаических пластах свидетельства событий, восходивших еще к рубежу бронзового и раннего железного веков. Обращено внимание на сюжет борьбы первого кузнеца со змием, похищавшим людей. Мифический кузнец выковывает первый железный плуг, и это позволяет автору возводить данное событие примерно к VIII в. до н. э., когда изделия из железа начинают доминировать над бронзовыми. В эпосе отразились и набеги степных скифских и сарматских воинов на древнеславянское земледельческое население приднепровской лесостепи. Последнее дошло до нас уже в виде трансформировавшихся сказок типа «Девичье царство» и др. В эпоху Киевской Руси древний героический эпос был заслонен новым жанром «старин» — былин, зародившихся в IX—X вв. Весь этот комплекс эпических сказаний позволяет видеть ряд черт военно-демократического устройства восточнославянских народов в период, предшествовавший оформлению здесь государственности.

Дальнейшее развитие эти мысли получили в следующем докладе Б. А. Рыбакова «К вопросу о первичных формах государственной организации (древнерусское полюдье X в.)», прочитанном в 1978 г. Докладчик отмечал, что возникновение военной демократии происходило в условиях наивысшего развития первобытнообщинного строя в период сложения крупных племенных союзов и знаменовало собой начало перехода к классовому обществу. Процесс этого перехода протекал в двух плоскостях. Во-первых, повсеместно внутри племен зарождалась местная знать, утверждавшая свое господство над соплеменниками. Во-вторых, складывались межплеменные дружины, стремившиеся подчинить себе ряд племен и стать над местной племенной знатью. В восточнославянских землях крупнейшим центром формирования межплеменных дружин в IX—X вв. стал Киев, а результатом побед над племенными князьями явилось полюдье. Полюдье представляло собой объезд киевским князем четырех племенных союзов на протяжении осенних и зимних месяцев, когда князь и его дружина проходили путь до 1500 км. Вся территория этих племенных союзов была равна примерно 230 тыс. кв. км. Полюдье должно было ограничиваться минимальным маршрутом: от Киева вверх по Днепру до Смоленска и от Смоленска вниз к Чернигову и затем к Киеву. По пути следования организовывались становища, куда местными князьями и завозилась заранее собранная дань. Организация таких становищ представляла собой уже государственную задачу, требовавшую значительных сил; в ней можно усматривать первые признаки зарождавшегося вассалитета. На этом примере прослеживаются первичные формы государственности, внеэкономического принуждения и организации сбора дани, превращавшейся в феодальную натуральную ренту. Строительство становищ и погостов представляло собой форму отработочной дани.

Институт полюдья не являлся специфичной формой древнерусской зарождавшейся государственности. Это было продемонстрировано в докладе Ю. М. Кобищанова «Полюдье как всемирно-исторический феномен», прочитанном в 1984 г.*, где было показано весьма широкое территориальное и хронологическое распространение этой формы управления на ранних стадиях возникновения государств.

* См. статью Ю. М. Кобищанова в настоящем сборнике.

Доклад В. С. Титова «К изучению проблемы возникновения военной демократии» (1978 г.) коснулся некоторых аспектов и предпосылок зарождения военно-демократических сообществ. Анализ развития экономики в Восточном Средиземноморье, на Балканах и в Карпатах показывает, что с переходом к производящему типу экономики здесь созревают условия для развитого обмена, международного разделения труда и начала социального расслоения.

В докладе Д. С. Раевского «Цари и племенные вожди (к методике социальной интерпретации погребальных комплексов)», прочитанном в 1978 г., во главу угла были поставлены методические вопросы социальной дешифровки погребальных памятников и прежде всего больших или так называемых «царских» курганов. Подчеркивалось, что погребальные памятники отражали социальную структуру общества не непосредственно. Анализ погребальных комплексов приподнимает завесу лишь над теми сторонами социальной жизни конкретных коллективов, которые самим этим коллективом осознаны и тем самым как бы прошли через идеологический «фильтр» данного общества; социальная структура предстает в этих памятниках лишь таковой, каковой представляло ее данное общество. Автор считает принципиально различными, с одной стороны, царскую власть, являвшуюся государственным институтом, а с другой — институт племенных вождей, относившийся к догосударственной стадии. Однако, как думает Д. С. Раевский, вряд ли древние общества всегда могли осознавать данный рубеж, что и заставляет нас с максимальной осторожностью подходить к социологическим выводам при анализе погребального обряда.

Доклад Ю. М. Десятичникова «К проблеме раннеклассового государства (варварские государства северо-западного Кавказа в античную эпоху)», зачитанный на семинаре в 1979 г., касался проблемы выделения Синдского государства и Гото-Аланского царства Евдусиан. В основу такой попытки был положен анализ системы археологических признаков и эпиграфических свидетельств (данные нумизматики, наличие крупных укрепленных поселений и т. д.).

Методологические аспекты процесса формирования ранних государств, а также различные формы их зарождения активно дискутировались на заседаниях Методологического семинара и на различных конференциях. Ре-

зультатом этого, например, явилась очень важная работа Г. А. Кошеленко о некоторых проблемах становления и развития государственности в Древней Греции, а также ряд других докладов, касавшихся иных географических регионов и хронологических периодов *.

Тема поселений как исторического источника и проблема ранних городов весьма активно разрабатывалась на семинаре; ей было посвящено наибольшее число докладов.

Формирование ранних городов знаменует собой важные изменения в социальной структуре древнего общества и переход его на более высокий уровень развития, как отметил академик Б. А. Рыбаков в своем докладе «Социологическое значение эволюции жилищ и поселений», прочитанном в 1979 г. Он указал на необходимость изучения форм поселений вкупе с исчерпывающим археологическим исследованием географических микрорайонов. По мнению Б. А. Рыбакова, важно определить хронологически и стадиально время появления укреплений и их социальную сущность (родовое или племенное убежище, укрепленная деревня, феодальный замок и т. п.). Докладчик считает, что особый интерес представляют так называемые «большие дома», которые нередко принимают за этнический признак. На этапе развитой первобытности это — жилище патриархальной семьи, а на этапе ранней государственности — жилища «челяди» (слуг, рабов), возглавляемой «огнищанином».

Методологическим аспектам понятия города и в частности причинам его появления, был посвящен доклад на семинаре в 1981 г. О. Г. Большакова «Об определении понятия «город» [4]. Докладчик отметил, что проблема определения самого понятия «город» характеризуется двумя аспектами. Во-первых, необходимо общее определение сущности этого социально-экономического явления и, во-вторых, выделение городов из числа других населенных пунктов для конкретного региона и периода. Первый аспект имеет общеисторический и даже историко-философский характер, второй имеет значение при анализе численности городов, например при историческом картографировании. Современные определения города основываются на формально-правовом его определении либо на строительно-демографическом, или же на производственных функциях поселения. Докладчик полагает, что город за-

* См. статьи Г. А. Кошеленко, А. Х. Халикова, В. И. Гуляева, С. А. Маретиной в настоящем сборнике.

рождается не в процессе механической специализации ремесла, а в результате появления классового общества и эксплуатации, т. е. с появлением прибавочного продукта, которым и распоряжается город. Поэтому город можно определить как населенный пункт, в котором концентрируется и перераспределяется прибавочный продукт. Это определение, по мнению О. Г. Большакова, в весьма обобщенной форме выражает сущность наиболее характерных социально-экономических функций города: концентрация налогов и земельной ренты и превращение этих средств путем раздачи жалования, организация монументального строительства и внешней торговли. Такое определение, согласно докладчику, помогает снять проблему примата политического или экономического начала в градообразовании.

В дискуссии по этому докладу указывалось на недостаточность предложенного определения, сводящего основную функцию города к перераспределению прибавочного продукта. Город, как правило, отличается полифункциональностью и затушевывать смысл и значение иных функций города (см. ниже) вряд ли целесообразно.

Общие аспекты изучения древнерусских городов (IX—первая половина XIII в.) были характерны для докладов А. В. Кузы. Первый из них «Типология древнерусских центров (методика исследования)» — был прочитан в 1980 г. Исследователь выделил ряд последовательных этапов в развитии древнерусских поселений и городов. Ранний этап (IX—начало XI в.) характеризовался укрепленными поселениями сельских общин, племенными центрами, дружинными лагерями-станами, сторожевыми крепостями и появлением первых городов. Второй этап (XI—начало XII в.) совпадает с появлением феодальных замков-усадеб, административно-военных центров волостей и погостов, ростом городов. На третьем этапе (середина XII—середина XIII в.) происходит заметная дифференциация городов, появляются так называемые «старшие и младшие» города.

Доклады А. В. Кузы также вызвали оживленную дискуссию. В частности, академик Б. А. Рыбаков указал на недостаточную полноту привлеченного материала и выразил несогласие с интерпретацией многих конкретных археологических памятников.

Тему древнерусских городов затрагивал также Л. В. Алексеев в докладе «К вопросу о методике изучения древнерусских городов X—XIII вв.», прочитанном в 1980 г.

Под средневековым городом докладчик понимает такое поселение, которое сосредоточивает ремесло и торговлю, имеет военное укрепление и административное управление. Возникновение древнерусских городов находится в прямой зависимости от плотности заселения территории, на которой они находятся. Кроме того, города X—XI вв. в древней Руси были теснее связаны с торговлей, нежели более поздние — XII—XIII вв.; формирование последних в большей степени зависело от внутренних причин экономического развития страны.

Доклады на Методологическом семинаре касались также некоторых проблем, связанных с античными городами. Ряд вопросов в этой связи был затронут в докладе Г. А. Кошеленко «Город древней Греции» (1983). Автор считает, что исходя из концепции марксистской методологии город как особый общественный организм необходимо рассматривать в контексте следующих взаимосвязанных явлений: 1) разделение труда между сельским хозяйством и промышленностью; 2) углубление специализации внутри самой промышленной сферы производства; 3) наличие развитого рыночного обмена; 4) существование частной собственности; 5) существование классов, и в частности специального класса купцов. Исследование под этим углом зрения общества древней Греции показывает, что здесь в начале I тысячелетия до н. э. лишь складываются предпосылки формирования города. Подлинные города формируются лишь в классический период (V—IV вв. до н. э.), наиболее яркий пример которых являют Афины. Однако развитие древнегреческого города (как и античного города вообще) имело свои естественные пределы. Они определялись возможной степенью развития в рамках античной рабовладельческой формации промышленности (т. е. ремесла). Они не могли достигнуть мануфактурной стадии. Основной пружиной, замедлившей и в конце концов остановившей развитие города, явилось то, что город в древней Греции развивался в рамках существования полисной структуры. Полис представлял собой общину граждан-землевладельцев, основанную на приципах античной формы собственности. В полисах, где эти принципы осуществлялись наиболее последовательно (Спарта), ремесло было вообще выведено за рамки полисного коллектива [5].

Более частные вопросы, связанные с античным городом, затрагивались в докладе В. С. Долгорукова «Время возникновения, строительное дело и социальная сущность

древнегреческих укреплений», заслушанном в 1980 г. Автор уделил большое внимание изучению укреплений вокруг поселений как одного из важнейших показателей городского характера последних. Наиболее ранние древнегреческие города, обнесенные оборонительными стенами, восходят к IX—VIII вв. до н. э. Докладчик отметил взаимосвязанность в формировании, во-первых, полностью укрепленных городов и, во-вторых, древнегреческого полиса.

Доклад В. М. Массона «Формирование древнейших городских поселений в Средней Азии и на Среднем Востоке» (1982 г.) касался функций ранних городов и протогородов, а также некоторых конкретных примеров поселений такого типа. Согласно докладчику, древние города в свете понятий, используемых при социально-экономическом анализе, могут быть определены как крупные населенные пункты или же места концентрации населения, орудий производства и культурного потенциала; они выполняют особые регулятивные и ремесленно-торговые функции. Степень развития фортификаций вокруг поселения находится в тесной связи с ролью и местом в общественном процессе военной функции. Древние города являлись сложными социальными организмами, образующими составную часть всей социально-экономической системы, конкретным воплощением характерных особенностей последней в наиболее ярких и репрезентативных формах. Древнейшие города есть продукт эволюции ранних оседлых земледельческо-скотоводческих обществ. Для Средней Азии этот процесс прослеживается на материалах Алтын-депе, в Афганистане — по материалам раскопок Мундигака, для Юго-Восточного Ирана — по исследованиям Шахр-и-Сохта и т. д. Формирование городских организмов как качественно нового исторического явления сопровождалось и качественными изменениями в сфере тех явлений, которые изучаются археологией [6].

Всестороннее методологическое исследование раннего города потребовало обращения к иным историко-культурным регионам, вот почему столь важным было изучение древнейших городских центров на Американском континенте, возникавших без воздействия на них более ранних — известных в Старом Свете. Этому был посвящен доклад В. И. Гуляева «Города древних майя», прочитанный в 1982 г. Формирование ранних городов в Мезоамерике связано с местным первичным очагом цивилизации, и потому можно считать, что он протекал в «чистом»

виде. В. И. Гуляев полагает, что формационная или типолого-формационная близость древних цивилизаций Америки и Азии уже доказана, отчего наиболее эффективным является сравнительный метод анализа древних культур. Для юкатанских майя весьма типичной является структура города-государства с сельскохозяйственной округой и подчиненными центральному городу малыми земледельческими поселениями. Столица — это прежде всего место пребывания правителя и его двора; здесь расположен центральный храм; здесь концентрируются купцы и ремесленники. Автор считает, что в Центральной области майя можно выделить до 18 таких городов-столиц [7].

По проблемам ранних городов заслушивались также доклады С. А. Плетневой «Роль городов в кочевнических обществах» (1982 г.), Я. В. Чеснова «Город в раннеклассовых обществах Индокитая» (1983 г.) и Э. В. Сайко «Урбанизация как фактор становления раннеклассового общества» (1983 г.) *

Четвертая и последняя тема семинара — «Факторы, ускорявшие изменения социальной структуры» — была затронута в нескольких специальных докладах или же ее отдельные положения освещались в уже упоминавшихся сообщениях. Так, в докладе академика Б. А. Рыбакова «Героический эпос в родо-племенном обществе» указывались примеры отражения в эпических сказаниях древних славян различных военных походов и столкновений, имевших место еще в конце бронзового века, а также в эпоху раннего железа. Военные походы и миграции относились к числу именно таких факторов, которые способствуют более или менее резкому и существенному изменению в социальных структурах.

К. Ф. Смирнов в докладе «Сарматские миграции» ** показал это наиболее ярко на материалах степных евразийских племен раннего железного века. В период миграций отмечается формирование первых обширных и сильных союзов племен, у которых ускоренное имущественное и социальное расслоение влекло за собой процессы классообразования, на которые накладывали свой заметный отпечаток родо-племенные традиции. Во главе этих союзов

* См. статьи этих авторов в настоящем сборнике.

** Этот доклад был заслушан в самом конце 1976 г. и потому не нашел отражения в публикации Ю. С. Гришина и А. А. Масленникова. Основные положения работы К. Ф. Смирнова им уже опубликованы [8].

племен стояли группы организованной военной аристократии.

Социальные изменения в процессе миграций кочевых племен исторических тохаров осветил Ю. М. Десятчиков в докладе «Роль миграций в изменении социальной структуры общества (вожди и миграции)», прочитанном им в 1977 г. В ходе этих передвижений из Северо-Западного Китая вплоть до Западной Европы, протекавших во II в. до н. э., откристаллизовывалась военно-олигархическая верхушка общества. Сходные процессы социальной трансформации, видимо, можно наблюдать и у так называемых скифов-отступников, продвигавшихся в противоположном направлении и достигших Северного Вьетнама.

Доклад А. А. Формозова, прочитанный в 1977 г., «Проблемы миграций в археологической науке (первобытная эпоха)» касался более ранних периодов. В нем были затронуты некоторые вопросы больших переселений народов каменного века.

* * *

Проблема переходного периода от доклассовых обществ к раннеклассовым чрезвычайно сложна; отдельные ее аспекты, затрагивавшиеся в ходе работы Методологического семинара, как мы видели, достаточно спорны и решались различными авторами по-разному. Именно поэтому в настоящей статье уместно провести обобщенный анализ этих многолетних дискуссий и высказать свои соображения по ряду обсуждавшихся вопросов. Ниже я постараюсь в той или иной степени коснуться их и наметить также те грани проблемы, которые в силу различных обстоятельств были затронуты в деятельности семинара очень слабо либо остались вовсе вне поля его внимания.

В теоретических изысканиях советских археологов, касавшихся проблем так называемого переходного периода, несложно отметить наличие одного из ключевых положений, определявших характер выводов и заключений в любых работах: кардинальное отличие обществ, базировавшихся на присваивающем характере добычи пищи (собирательство, охота, рыболовство) от социальных объединений с господством производства продуктов питания (земледелие и скотоводство). Этот важнейший рубеж был намечен еще в упоминавшейся здесь работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», когда с производящим типом экономики связывались социальные организмы, стоявшие, согласно

Ф. Энгельсу, на средней ступени варварства (первое общественное разделение труда и выделение пастушеских народов). С тех пор это положение нашло свое подтверждение во множестве археологических и этнографических наблюдений. К этому же восходит ныне очень широко распространенное понятие так называемой неолитической революции, сформулированное в свое время Г. Чайлдом.

Суть данного рубежа с позиций исторического материализма вполне очевидна. С началом производства пищи и тем более с началом истинно производящей комплексной экономики, когда появляется металлургия, в развитии производительных сил общества происходит резкий скачок. Последний и позволяет относительно надежно получать прибавочный продукт, которому всегда придается столь важное значение при социально-экономическом анализе. Только с наличием прибавочного продукта становится возможным достаточно четкое выделение правящей верхушки общества, которая берет на себя исполнение организаторских функций. Именно тогда формируются истоки классовой дифференциации общества. Скачкообразное развитие производительных сил требовало естественного соответствия в изменении характера производственных отношений, а также преобразования надстроечных институтов общества.

Кардинальным формационным рубежом развития всех этих социально-экономических процессов является возникновение государств с их более или менее четкой классовой структурой и соответственно с иным характером производственных отношений по сравнению с родо-племенным первобытным обществом. Сказанное здесь в данный момент звучит уже достаточно тривиально и вряд ли следует изыскивать какие-то особые факты для дополнительной аргументации в пользу упоминавшихся заключений. Гораздо менее ясными представляются те аспекты данной темы, на которых мы остановимся ниже.

Вплоть до настоящего времени единственным твердо определенным и принятым всеми признаком определения государств и соответствующих форм социальной организации является письменность, особенно в ее относительно развитой форме. Однако в свете широких историко-социологических, этнологических и археологических исследований, проведенных в XX в. по преимуществу на Африканском континенте, признак письменности для определения государственности не представляется достаточным. Города-государства йоруба, Бенин, «империя» Мономотапы

и др., очень развитые в социальном отношении объединения, письменности не знали, но сомнений в их принадлежности к рангу ранних государств в соответствующей литературе практически не высказывается. В западной и советской литературе обсуждаются и гораздо более ранние африканские цивилизации того же ранга, датируемые еще концом III тысячелетия до н. э., — так называемая культура Керма в Судане [9]. Последняя представлена огромными курганными памятниками, очень сходными с теми, что известны в конце IV, в III и в начале II тысячелетия до н. э. на Кавказе и в Северном Причерноморье среди курганных культур типа майкопской, марткопи-бедени, ямной и др.

Думается, что для советских археологов-теоретиков давно назрел вопрос о вполне вероятном существовании на территории СССР дописьменных государственных объединений, особенно в среде мощных курганных культур или же общностей с реально намечаемыми поселениями городского типа (Южная Туркмения конца III и начала II тысячелетия до н. э., Фергана в конце II тысячелетия до н. э. с их памятниками Алтын-депе, Дальверзин и др.). Проблема заключается в определении археологических признаков для дешифровки таких ранних социальных феноменов.

Другая проблема, тесно связанная с упомянутой выше, это более четкое определение места и характера переходного периода от доклассовых обществ к раннеклассовым и формационная принадлежность последнего. Входит ли он в формацию первобытнообщинную, как это предполагается в большинстве работ археологов, или же ему следует отводить особое место и придавать значение специфической формационной ступени в развитии громадного большинства человеческих обществ?

Грани этого периода достаточно расплывчаты. В целом он ассоциируется с теми обществами, где доминирует экономика производящего типа. В современной литературе, как уже говорилось, верхний хронологический рубеж этого периода совпадает с появлением письменности в том или ином обществе. Одним из наиболее существенных достижений археологии последнего времени явился вывод о временной протяженности этого периода в различных районах Старого и Нового Света. Так, в Передней Азии он длился примерно с VIII тысячелетия до н. э. вплоть приблизительно до 3000 г. до н. э.; в Малой Азии — от IX—VIII тысячелетий вплоть до начала II тысячелетия

до н. э.; на севере Балкан и в Карпатском бассейне — от VII—VI тысячелетий до середины или конца I тысячелетия до н. э.; в степной зоне Восточной Европы — от V тысячелетия до н. э. до второй половины I тысячелетия н. э. и т. д. Весьма длительным был он и для народов Нового Света *. Очевидно, что во многих регионах этот период развития характеризовался много большей протяженностью, нежели последующий — более поздних «письменных» цивилизаций-государств.

Можно говорить еще об одной специфической особенности этого периода, существенной для всего процесса социальной трансформации человеческих обществ и легко улавливаемой на материалах археологических памятников. С появлением производящей экономики не может не бросаться в глаза резко выраженная неравномерность исторического развития отдельных народов. Это хорошо заметно уже по первым памятникам IX, VIII и VII тысячелетий до н. э. типа Чайоню-тепеси, Иерихона, Чаталхюйюка и пр. По крайней мере с VI тысячелетия до н. э. и позднее в зоне раннеземледельческих культур формируются целые блоки культур с развитой экономикой, домостроительством, идеологической символикой. Параллельно этому в степной и лесной зонах Евразии еще господствовали по существу мезолитические, монотонные по своему облику культуры бродячих охотников и рыболовов. В V тысячелетии до н. э. культуры Балкано-Карпатья, например, стояли на грани протоцивилизаций с хорошо развитым горно-металлургическим делом, а на северо-востоке Азиатского континента еще не умели лепить керамику. Причем этот процесс неуклонно нарастал.

По всей видимости, принципиально различной была система организации власти в обществах с окончательно сформировавшейся производящей экономикой по сравнению с социальными объединениями, строящими свое хозяйство на основе присваивающего типа. Во многом иначе протекало регулирование социальной жизни, крупных общественных мероприятий, а также перераспределение производимого продукта. Поэтому сторонники выделения этих обществ в особый тип формаций могут черпать здесь дополнительные аргументы.

Наблюдается заметная разница в употреблении и понимании терминов социально-экономического характера

* Изучавший этот вопрос В. А. Башилов считает «исходным пунктом кардинальных изменений в древней экономике... момент сложения всей совокупности предпосылок «неолитической революции, и прежде всего пищевого комплекса» [10].

в среде археологов, с одной стороны, и этнографов-теоретиков — с другой. В археологической литературе мы чаще всего сталкиваемся с термином «военная демократия» для обозначения высшей стадии развития первобытнообщинных коллективов. Этнографы в огромном большинстве вслед за академиком Ю. В. Бромлеем [11] отказались от этого термина, указывая на его ограниченный и не всеобщий характер. Указывают, например, что эти относительно развитые в социальном отношении сообщества носили чаще всего военно-олигархическую окраску. Впрочем, начало этой дискуссии было положено еще историками-медиевистами. Этнографы предпочитают ныне пользоваться термином «потестарные» (властные) или же потестарно-политические общества. Для таких социальных объединений наиболее характерным является функционирование института централизованной власти, осуществлявшейся племенными вождями либо особыми кланами (родами), занимавшими достаточно высокое положение в местной социальной иерархии [12]. Финал развития обществ потестарного типа довольно часто не только в этнографической, но и исторической литературе связывается с особой фазой социального развития. Такая фаза получила название «вождества» (от англ. chiefdom) [13]. Фаза «вождества» тесно смыкается с раннеклассовыми — в основном с дописьменными — государственными объединениями (например, в Африке), для которых она является генетической подосновой. Разнобой в употреблении таких понятий и определений, без сомнения, вредит более эффективному изучению этого периода, проводимому комплексно археологами, этнографами и историками.

Отвлекаясь от разночтений в понятийном аппарате, отметим, что огромное количество зарубежных, а также советских этнологических исследований показывают, что потестарные общества принципиально связываются с господством производящего хозяйства, тогда как организация первобытнообщинного типа характерна для обществ с присваивающим типом экономики. В литературе обычно указывают на аномалии и отклонения от этой эмпирически установленной закономерности. К примеру, развитый институт централизованной власти и наличие рабства у некоторых народов с присваивающей экономикой *, в частности у индейцев — рыболовов и охотников на северо-западе Америки [14]. С другой стороны, некоторые

* См. статью М. Ф. Косарева в настоящем сборнике.

земледельцы Южной Америки или Новой Гвинеи отличались более примитивной организацией центральной власти и т. п.[15] Однако в этих аномалиях следует видеть лишь исключение из правила, установленного на громадном числе примеров.

Из всего сказанного вытекает необходимость достаточно строго различать при социологических реконструкциях эти два принципиально различающихся типа обществ.

По всей вероятности, на общем полотне социально-экономического развития человеческих коллективов имеет смысл выделять фазу так называемых потестарных обществ как особую, отличающуюся от предшествующей и последующей фаз комплексом специфических особенностей. Во всяком случае эта проблема должна привлечь самое пристальное внимание специалистов ряда научных дисциплин. Для археологии эта дискуссия будет иметь то чрезвычайное значение, что в социально-экономическом смысле мы по ряду аспектов будем совершенно иначе оценивать громадное число не только отдельных памятников, но и культур, датированных начиная с VIII—VII тысячелетий до н. э. вплоть до очень поздних социальных объединений, разбросанных по ближней или же дальней периферии развитых — уже средневековых — классовых обществ.

Если экономика относится к числу основных факторов социальных преобразований, базисом всех кардинальных внутренних изменений обществ, то миграции и войны активно способствовали этим процессам. Механизм же воздействия переселений народов и военных взаимодействий на течение и темп социальных изменений в древности остается пока что не до конца выясненным.

Миграции в мире свершались постоянно. В частности, для огромного большинства кочевнических обществ пространственные перемещения являются обычным состоянием. Однако характер подобного движения резко отличен от тех, которые мы имеем в виду в настоящей работе. Привычные и постоянные миграции кочевников осуществляются сезонно и циклично по строго определенной ими или их соседями территории. Нас же интересуют такие миграции, которые сопряжены с уходом народа с мест исконного обитания и переселением их в иные географические регионы. Причем относится это не только к номадам, но и к народам с иными культурно-хозяйственными системами.

Подобного рода миграция — всегда экстремальная, критическая фаза в жизни любой популяции. Тогда испытывается на прочность прежде всего культура мигрирующего народа, являющаяся способом его существования. Тогда же нередко ставится под вопрос чисто биологическое существование данной популяции или же по крайней мере ее этническое единство. Исторические примеры некогда мощных воинствующих мигрирующих племен гуннов и монголов — явное тому свидетельство. От тюркоязычных болгарских племен осталось, к примеру, лишь название одного из славянских этносов.

Покидая привычную для себя географическую зону вместе с ее экологическим окружением, популяция нередко попадает в совершенно новые для себя условия. Это прежде всего сказывается на характере материального производства любой культуры. Тогда же меняется и привычное внешнее социальное окружение народа. При этом сами внешние социальные взаимодействия приобретают, как правило, иную форму — гораздо более жесткую и агрессивную. Все это не может не отразиться буквально на всех факторах социального существования культуры. Последняя в результате этих стремительных процессов может настолько видоизмениться, что мы, как правило, будем говорить уже о новом общественном организме, предстающем в виде комплекса иных культурных стереотипов; определяющими в таком случае будут являться уже принципиально новые черты, а исходные корни нередко лишь угадываться.

В период миграций чаще всего наблюдаются процессы распада и раскола популяций, являвшихся творцом культуры. Процессы дезинтеграции комбинируются с прямо противоположными — слиянием отпочковавшихся групп и формированием иных, уже совершенно своеобразных культурных объединений. Может довольно быстро меняться и антропологический облик носителей этих культур и их язык.

Бесспорно также, что миграции и переселения отчетливо способствуют социальной дифференциации общества и выделению в ней военной прослойки, дружин, на которые падает основная тяжесть защиты мигрирующей популяции и ее единства. Именно в такие периоды резко возрастает и роль военных вождей, тогда как обычные — «административные» вожди отодвигаются на второй план.

Война также является одним из мощных факторов

социальной дифференциации обществ, относимых к типу военно-демократических (военно-олигархических) и раннеклассовых. Победители чаще всего стремятся обеспечить себе право на исполнение в среде побежденных организаторских функций, контролировать процессы не только путем перераспределения прибавочного продукта, но и самого производства. Тем самым разрушается традиционная для родо-племенного общества структура управления по родственным каналам.

И еще одно обстоятельство в этой связи следует подчеркнуть особо. Почти повсеместно наблюдается психологическое отчуждение вождей победителей и близких им кланов от основной массы общинников не только из числа побежденных, но даже этнически родственных племен. Это приводит к гораздо более четко выраженной функциональной дифференциации социальных организмов, принимавших после этого зачастую полиэтнический, нередко кастовый характер. Менялась тогда и нормативная система *, закреплявшая положение отдельных этносоциальных группировок внутри вновь сформировавшегося объединения. Множество примеров этому мы знаем из области культур не только Старого, но и Нового Света.

Особой мощью и скоротечностью отличались все перечисленные процессы, катализатором которых служили миграции и войны, в эпохи великих переселений народов. Переселения такого рода — не одноактный процесс, но достаточно длительный период существования различных народов; тогда процессы переселений и их размах сначала постепенно нарастали, затем достигали своего апогея и, наконец, затухали. Сами периоды могли длиться до четырех-пяти столетий. Великие переселения — это периоды массовых миграций, когда последние свивались в некие «пучки», когда народы как бы сталкивали друг друга с мест привычного обитания. Такие эпохи относятся к наиболее критическим и переломным в истории человечества.

Так, переселение конца II—начала I тысячелетия до н. э. определяло рубеж между бронзовым и железным веками; более позднее — средних столетий I тысячелетия н. э. — между древностью и средневековьем или же, согласно западной историографии — феодализмом (исключая, естественно, китайскую историографию с ее очень ранней датировкой феодальных государств в древнем Китае). Подобные периоды включали в себя наибольшее

* См. статью Е. Н. Черных и А. Б. Венгерова в настоящем сборнике.

число стремительно нараставших и следовавших друг за другом этнокультурных сломов и катастроф. Развитие последних шло как бы по принципу цепной реакции: с одной стороны, великие переселения провоцировали эту цепную реакцию, с другой — подобные катастрофы сами резко активизировали процессы миграций.

После слома обширной и взаимосвязанной сети культур и политических объединений происходит энергичное распространение новых достижений или систем, придающих новой эпохе особые черты и смысл. Так, в результате первого из упоминавшихся великих переселений в большинстве районов Старого Света стала доминировать индустрия железа; кроме того, тогда же зародилась одна из мировых религиозных систем — буддизм. Другое великое переселение было сопряжено с победой христианства и широчайшим распространением феодальных институтов.

Этими двумя, обычно дискутируемыми в мировой историографии великими переселениями, конечно же, не ограничивается их список. Есть все основания полагать, как это следует из археологических материалов, что великие переселения имели место и в более древние эпохи. Глобальные этнокультурные и технологические изменения охватили большую часть Старого Света от Атлантики до Тихого океана в период XVIII—начала XVI в. до н. э. На это время приходилось исчезновение культур среднебронзового времени и формирование гигантской цепи новых культур позднего бронзового века, если следовать системе общей периодизации эпохи раннего металла в Евразии [16]. С XVI в. до н. э. все эти позднебронзовые культуры стабилизируются, чтобы спустя три-четыре столетия испытать новые толчки, возвещавшие наступление следующего критического периода. Еще ранее — приблизительно в середине III тысячелетия до н. э. — обширные переселения охватили огромную Циркумпонтийскую провинцию, что обозначало распад общностей раннего и формирование цепи культур среднего бронзового веков. Еще более яркими чертами такого же деструктивного характера окрашен период, отделявший медный век от ранней бронзы. Приходившийся на середину и третью четверть IV тысячелетия (по калиброванным радиоуглеродным датировкам), он принес с собой отчетливые следы фактически синхронного катастрофического распада во многом родственных друг другу раннеземледельческих культур от Балкано-Карпатья вплоть до Иранского плато [17].

Видимо, именно такие периоды в истории древнейшего человечества могут представлять чрезвычайный интерес, особенно в плане углубления наших методологических представлений о характере и основных фазах исторического развития в переходной эпохе от доклассовых обществ к раннеклассовым. Сами по себе эти критические периоды дают в руки исследователя богатейший материал по ряду аспектов темы, затронутой в настоящей статье.

От факторов, являвшихся базисными при социальных изменениях в эпоху переходного периода (экономики), а также способствовавших этим социальным изменениям (миграций и войн), мы перейдем теперь к путям и методам оценки этих изменений и их характера.

В попытках понять сущность древнейших общественных объединений, представленных и отраженных в массе археологических культур, особое значение может приобрести структурно-функциональный анализ этих исчезнувших социальных организмов. Суть этого анализа можно видеть, например, в том, что любой культуре, по крайней мере с эпохи верхнего палеолита, т. е. со времени появления Homo Sapiens, присущи семь постоянных функций: 1) добычи и производства пищи; 2) материального или же внепищевого производства; 3) организаторская; 4) воспитательная; 5) духовного творчества; 6) военная и 7) торгово-обменная. Из них первые четыре являются типологически древнейшими и, безусловно, восходят еще к нижнему палеолиту. Духовное творчество явно фиксируется уже с мустьерской эпохи. Последние две отмечаются не позднее верхнего палеолита.

Социальный прогресс любого общества определяется главным образом по степени функциональной дифференциации общества или же выделения в конкретном обществе групп людей, связанных с исключительным исполнением той или иной функции. Чем выше степень функциональной дифференциации, тем более развитым считаем мы общество. Например, в интересующей нас теме по обществам переходного периода мы прежде всего стремимся выяснить, в каком положении находятся лица, осуществлявшие функцию социальной организации и руководства: отделены ли они — частично или полностью — от участия в производстве и добычи пищи и иных материальных предметов. Иначе говоря, оформилась ли уже достаточно выразительная социальная дифференциация? Ведь это является важнейшим рубежом при оценке обществен-

ного развития и соотнесении того или иного социального организма с каким-либо типом формации.

К изначально наблюдавшемуся в любом обществе половозрастному разделению труда каждая переломная (в социальном смысле) эпоха добавляет все новые и новые формы функциональной дифференциации. В конечном итоге на ее базе в совокупности с развитием системы социальных норм вырастает классовая структура общества. При этом, как мы уже знаем, происходит не только «дробление» отдельных функций, но эти процессы находятся в тесной взаимосвязи. К примеру, начало производства пищи (т. е. оформление производящего типа экономики) практически всегда влечет освобождение прослойки организаторов и руководителей общества от участия в материальном производстве. Тогда же происходит социальное отделение группы людей, занимающихся исключительно «духовным руководством» — жреческая прослойка или же каста.

Для обществ так называемого потестарного типа, изучаемых археологией, в ряде случаев и особенно на позднейших фазах их развития мы в состоянии хотя бы приближенно установить степень такой функциональной дифференциации. Для этого нередко и довольно успешно проводится анализ, прежде всего экономики общества, его погребальных комплексов, характера поселений. Чрезвычайно важно, однако, чтобы в основе таких исследований лежала определенная методологическая модель, упорядочивавшая путь поисков.

Проблема функциональной дифферециации общества и уровня его социально-экономического развития успешно раскрывается еще с одной стороны, связанной с характером поселений или же с началом так называемых цивилизаций городского типа. Справедливо полагают, что появление древнейших городов отражает по крайней мере начало формирования классовой структуры общества и государства (в связи с этим и говорят нередко о «городской революции»). Энергичная дискуссия ведется вокруг определения понятия «город» и методов выявления поселений городского типа при археологических изысканиях. Считать ли городом только крупный населенный пункт, где выделяются цитадель, кварталы знати и бедноты? Или же, как иногда возражают, такие признаки не всегда достаточны (ведь многие города не отличались большими размерами и не имели цитадели)? Эффективен ли анализ структуры лишь одного поселения для

отнесения его к рангу города или же необходимы серийные сравнения многих поселков?

Последний из перечисленных здесь вопросов может, пожалуй, послужить поводом для того, чтобы наметить в «городской» дискуссии несколько иной аспект. Вполне очевидно, что древние поселенческие структуры проходят два больших этапа развития: 1) этап функционально недифференцированных поселений и 2) этап функционально дифференцированных поселений. Различия между обоими этапами чрезвычайно существенны, и определить к какому из этапов относится та или иная культура, можно лишь с помощью серийного анализа поселений, но не единичных.

К этапу функционально недифференцированных поселений относятся все те культуры, на материалах которых мы не в состоянии утверждать, что исключительное исполнение той или иной из перечисленных выше функций сосредоточивается в одном из селищ (об особой роли селищ-мастерских речь пойдет ниже). Структура поселений, выявляемых при археологических изысканиях, однородна и не дает оснований для подразделения их на функциональные типы. Ярким примером этого могут служить селища неолитического периода лесной и лесостепной зон Восточной Европы и Западной Сибири с их принципиально «монотонной» планировкой, невзирая на различия в размерах. Более разнообразны по виду и величине, но по сути функционально недифференцированными предстают перед нами и поселения более южных земледельческо-скотоводческих культур — даже таких развитых, как трипольская, куро-араксинская и др. В отношении этих земледельческо-скотоводческих поселений мы можем предполагать, что социальные группы, осуществлявшие самые разнообразные общественные функции, включая организаторскую, духовную, военную, относительно равномерно рассредоточены по всем селищам и не концентрировались в каких-либо центральных пунктах.

Общества (или культуры) с функционально дифференцированными поселениями могут быть выявлены также лишь при серийном анализе этих типов памятников и сравнении их между собой. Основной сутью развития на данном этапе является отделение так называемых сельскохозяйственных селищ (деревень), где безусловно доминирующей функцией являлась добыча и производство пищи, от прочих поселений, где ведущими стали уже иные функции, а сельскохозяйственная деятельность но-

сила подчиненный характер. Среди последних могут выделяться так называемые монофункциональные поселения с сосредоточением социальных групп, осуществлявших либо руководящую (организаторскую) функцию, либо функцию духовного творчества и воспитания (монастыри, университетские городки), или же, например, военные поселения. Однако монофункциональные поселения на практике встречаются существенно реже. Несравненно чаще мы сталкиваемся с полифункциональными поселениями (или же городами), где сочетались административная, духовная и военная функции, торговая и промышленная и т. д. и т. п. Повторю, что размеры поселений при этом не имеют существенного значения, хотя чаще всего крупные административно-промышленные центры выделялись именно по этому показателю (вспомним опять-таки Алтын-депе, Дальверзин и др.).

Сосредоточив внимание на этом аспекте, мы, кажется, в состоянии заметно облегчить разрешение вопросов о характере функциональной дифференциации общества; при этом центр тяжести дискуссии смещается с определения понятия «город» на серийный, сравнительный анализ поселений и степень их структурных различий.

По всей вероятности, социальная дифференциация общества и выделение в нем особых групп, осуществлявших преимущественно ту или иную функцию, как правило, предшествовало этапу функционально дифференцированных поселений. С последней фазой связан уже более высокий уровень социального развития культуры, когда происходит пространственная локализация социальных групп. По всей вероятности, с этим высоким уровнем мы можем сопоставлять начало формирования уже государственных — письменных и дописьменных — объединений; более низкий этап социальной дифференциации может быть соотнесен в основном с обществами потестарного типа. Заметим при этом, что речь идет лишь об обществах с оседлым бытом; общества кочевых скотоводов требуют иных методов определения степени их социальной дифференциации.

Следует также учесть, что возникновение так называемых специализированных поселений связывается чаще всего с поселками ремесленного типа, связанными по преимуществу с горнодобывающим и металлургическим делом. Для эпохи раннего металла наличие таких селищ весьма характерно в ряде культур, особенно расположенных в зоне медных месторождений (абашевская,

андроновская и другие общности). Корни этого явления, видимо, уходят еще в каменный век, когда проводились работы по добыче кремня в специальных шахтах. Кажется, что по крайней мере с эпохи раннего металла выделение ремесленников — горняков и металлургов — чаще всего приводило к обособлению их от прочих общинников и размещению в особых ремесленных поселках. Однако это лишь один из показателей функциональной дифференциации общества. Для нас же гораздо важнее выделять в общей массе поселений такие пункты, где явно концентрировались не только промышленная функция, но и прочие — административная, духовная, военная, торговая, очень часто сочетавшиеся с ремесленным производством. Ведь именно их наличие будет свидетельствовать о высшем этапе развития обществ переходного типа от доклассовых к раннеклассовым.

Проблема, лаконично затронутая в настоящей статье в связи с итогами деятельности Методологического семинара Института археологии АН СССР, чрезвычайно сложна и еще далека от своего разрешения. Важность же ее для развития некоторых положений исторического материализма в отношении древнейших обществ, активнейшим образом изучаемых археологией, не может вызвать сомнений.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 23—178.

[2] *Гришин Ю. С., Масленников А. А.* Методологический семинар Института археологии АН СССР в 1957—1976 гг. / КСИА. 1977. Вып. 152. С. 92—99.

[3] Ряд положений доклада уже опубликован. См.: *Мерперт Н. Я.* «Неолитическая революция» и ее памятники // Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982. С. 3—11.

[4] Основные положения доклада опубликованы. См.: *Большаков О. Г.* Средневековый город Ближнего Востока (VII—середина XIII в.): Социально-экономические отношения. М., 1984. С. 10—15, 212—297.

[5] Некоторые положения этого доклада отражены в печати. См.: *Кошеленко Г. А.* Введение. Древнегреческий полис. // Античная Греция. М., 1983. Т. 1. С. 9—36.

[6] Основные проблемы, затронутые в докладе, опубликованы автором. См.: *Массон В. М.* Алтын-депе // Тр. ЮТАКЭ. 1981. Т. 18. С. 96—136.

[7] Основные положения доклада отражены в печати. См.: *Гуляев В. И.* Города-государства майя (структура и функции города в раннеклассовом обществе). М., 1979.

[8] *Смирнов К. Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С. 115—123.

[9] *Кобищанов Ю. М.* На заре цивилизации: Африка в древнейшем мире. М., 1981. С. 70—76.

[10] *Башилов В. А.* Периодизация и темпы исторического процесса «неолитической революции» на Переднем Востоке и в Новом Свете //

Археология Средней Азии и Ближнего Востока. Второй Советско-Американский симпозиум: Тез. докл. Ташкент, 1983. С. 23—27.

[11] *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 188—195; *Он же.* Очерки теории этноса. М., 1983. С. 34, 35, 254—256.

[12] См. например: *Куббель Л. Е.* Этнические общности и потестарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. С. 124—146 и другие работы различных авторов.

[13] *Васильев Л. С.* Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983. С. 32—40.

[14] *Аверкиева Ю. П.* Рабство у индейцев Северной Америки. М.; Л., 1941.

[15] *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы. . . С. 188, 189.

[16] *Černych E. N.* Periodisierung der Frühmetallzeit: allgemein oder regional? // Atti del X Simposio Internationale sulla fine del Neolitico e gli inizi dell'eta del Bronzo in Europa. Verona. 1982. S. 27—43.

[17] *Черных Е. Н.* На пороге несостоявшейся цивилизации // Природа. 1976. № 2. С. 63—69.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БАН	— Болгарская Академия наук
ВДИ	— Вестник древней истории
ЕТГМ	— Ежегодник Тобольского губернского музея
ЖС	— Живая старина
ИАЭСА	— Исследования по археологии и этнографии Средней Азии
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИРГО	— Императорское Русское географическое общество
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
СА	— Советская археология (сб.)
СА	— Советская археология (ж.)
САИ	— Свод археологических источников
СГЭ	— Сообщения государственного Эрмитажа
СЭ	— Советская энциклопедия
ТИЭ	— Труды Института этнографии
ТКМ	— Труды Томского краевого музея
Тр. МАЭ	— Труды Марийской археологической экспедиции
ТЮТАКЭ	— Труды Южно-Туркменской археологической экспедиции

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Н. Захарук

Выдающееся произведение марксизма и проблемы археологии (к 100-летию работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства») 3

Е. Н. Черных, А. Б. Венгеров

Структура нормативной системы в древних обществах (методологический аспект) 23

Г. А. Кошеленко

О некоторых проблемах становления и развития государственности в древней Греции 38

Б. В. Андрианов

Роль ирригации в становлении древних государств (на примере Средней Азии) 73

А. Х. Халиков

Великое переселение народов и его роль в образовании варварских государств 88

В. И. Гуляев

Структура власти в древнейших государствах Мезоамерики: генезис и характерные особенности 103

М. Ф. Косарев

Предпосылки сложения и специфика раннеклассовых обществ в таежном Обь-Иртышье 119

Ю. М. Кобищанов

Полюдье и его трансформация при переходе от раннего к развитому феодальному государству 135

С. А. Маретина

Социальная стратификация и становление государства (на примере малых народов Индии) 158

Э. В. Сайко

Формирование древнейших городов и становление раннеклассового общества (методологические аспекты) 177

С. А. Плетнева

Города кочевников . 198

Я. В. Чеснов

Образ города, цивилизация и этнос в докапиталистических обществах Юго-Восточной Азии 212

Е. Н. Черных

От доклассовых обществ к раннеклассовым (к итогам деятельности Методологического семинара Института археологии АН СССР в 1976—1984 гг.) 229

Список сокращений 225

2 р. 60 к.